

Сергей Голицын

Сказания о Белых Камнях

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга рассказывает о славной истории нашей Родины. Действие разворачивается на Владимиро-Суздальской земле как в далеком прошлом, так и в наши дни. Многие страницы посвящены прекрасным архитектурным памятникам и их создателям — мастерам древнего русского искусства. Книга иллюстрирована рисунками и фотографиями.

- Сергей Михайлович Голицын
  -
  -
  - «На Суждали»
  - Князь благоверный и боголюбивый
  - Откуда пошло село Любец?
  - Золотые ворота
  - «И украси ю дивно»
  - Посол солнечной Грузии
  - Конец повелителя Владимирского и Суздальского
  - Изьмечтана всею хытростью
  - Златокудрая царевна
  - Потомок императоров Византийских
  - Пять богатырей
  - Белокаменная книга
  - Сыновья великого Всеволода
  - Тщеславие княжеское
  - Последняя жемчужина
  - Нашествие
  - В поисках красоты
  - Иллюстрации
  -
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11

- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35

Сергей Михайлович Голицын

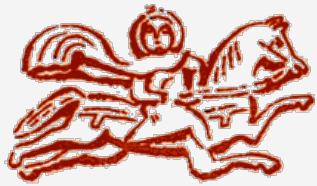
Сказания о белых камнях

Сергей ГОЛИЦЫН

СКАЗАНИЯ О БЕЛЫХ КАМНЯХ

Ярославль
Верхне-Волжское книжное издательство
1987

Сергей Голицын

Издание третье

Художник В. Перцов

Фотографии А. С. Потресова, П. П. Соколова и Г. Б. Шлионского

На обложке — удивительный белокаменный лев со стены Георгиевского собора — г. Юрьев-Польской. У него вместо языка — цветок с тремя лепестками, а хвост, словно ветвистое дерево

…Клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков…

А. С. Пушкин

Из письма к П. Я. Чаадаеву
19 октября 1836 года

«На Суждали»

У иных людей бывает как бы вторая любовь. Днем они инженеры, бухгалтеры, слесари, ученые, а вечером собиратели марок или этикеток со спичечных коробков, а то что-нибудь выпиливают, вытачивают или по выходным дням отправляются на рыбалку, на охоту. Для прочих граждан такие люди порой кажутся чудаками.

Ну а моя вторая любовь — это старое русское зодчество. За

свою жизнь я побывал почти во всех старых русских городах. Везде я рассматривал, зарисовывал, изучал все, что строили и украшали наши предки и восемьсот и двести лет назад. И всегда я читал научные книги по русской истории, об археологических раскопках, о памятниках старины…

— Зачем это тебе все нужно? — случалось, спрашивали друзья.

И меня иные из них искренно принимали за чудака. Ведь еще совсем недавно в самых широких кругах считалось, что церкви — это религия, мракобесие. И люди нередко равнодушно смотрели, как разрушаются от времени или от злой руки других людей непревзойденной красоты памятники старины.

А началось это мое чудачество, моя вторая любовь с давних-давних пор.

У каждого человека есть одна или несколько книг, которые в юные годы дали ему очень много и как-то повлияли на его жизнь.

Для меня такими книгами были принадлежавшие еще моему деду первые два тома роскошного дореволюционного издания в коричневых, с золотым тиснением переплетах — «История русского искусства» И. Э. Грабаря.

Первый том посвящен был зодчеству деревянному севера России и зодчеству каменному Новгорода, Пскова, Владимира и других старинных русских городов. Большую часть второго тома заняла Белокаменная Москва и ее златоглавые сорок сороков.

Грабарь много путешествовал по средней и северной России и всюду фотографировал памятники старины.

Эти-то многочисленные фотографии в его книгах мне, четырнадцатилетнему мальчику, открыли новый, ранее для меня неведомый мир дивной красоты сказок, мир Древней Руси.

Я с трепетом перелистывал страницы, подолгу с особенным волнением рассматривал каждый снимок. И я решил: сам отправлюсь в те древние города и села, буду ездить на поездах и пароходах, буду ходить пешком. И своими глазами увижу ту красоту.

Денег родители мне не давали; вместе со своим школьным другом мы ходили зимой по домам колоть и пилить дрова, скидывали с крыш снег и тем зарабатывали на летние походы.

Самым продолжительным было наше путешествие, когда нам исполнилось по восемнадцати лет. Мы отправились тогда вдвоем, прошагали пешком пятьсот километров, проехали три с половиной тысячи. Эти цифры являются нашими рекордами. Мы побывали в Карелии, в Вологодской и Архангельской областях и через Ярославль и Ростов вернулись в Москву. Мой друг рисовал, я писал дневник.

Ох и досталось нам тогда! Дожди нас мочили, комары поедом поедали, пузыри на сбитых ногах не заживали. К концу путешествия мы оборвались страшнее беспризорников.

Все эти невзгоды давным-давно позабылись. И сейчас, думая о тех насыщенных впечатлениями днях, я вспоминаю города — настоящие царства славного Гвидона, вспоминаю резные северные избы, тихие северные озера…

Бесконечно благодарен Грабарю за его книги. Увы, теперь я редко перелистываю те два тома. На иные фотографии просто не могу смотреть без боли и без негодования, ибо вижу уничтоженное, сожженное, погибшее…

Годы шли. Отечественная война на целых шесть лет оторвала меня от семьи, от спокойных занятий.

Но и на фронте не затухала моя вторая любовь. В разрушенных наших смоленских городах, в Польше, в поверженной Германии — везде я пользовался свободными минутами и спешил увидеть памятники старины.

Отшумела война, и я с еще большим рвением вновь стал читать ученые труды о далеком прошлом земли Русской, а случалось, отправлялся по дорогам своего отрочества смотреть древности. Для чего смотреть? Да просто так, чтобы лишний раз полюбоваться.

Однажды шел я солнечным весенним утром по московской улице мимо действующей церкви. Старушки, все одетые в черное, выходили на паперть. Молоденькая учительница вела куда-то вереницу ребятишек, так с виду класса пятого.

А церковь была прелестна — вся белая, стройная, с затейливыми наличниками на окнах, покрашенными синей, красной, зеленой красками; пять золотых глав горели на солнце…

Ребята невольно остановились — ведь красиво же.

— Проходите, проходите мимо! Нечего вам заглядываться! — строго заторопила учительница.

И ребята покорно двинулись дальше.

А что бы учительнице остановиться да рассказать, например так:

— Дети, перед вами замечательный памятник старины XVII века, в те времена самые красивые здания были церкви. Смотрите, как изящны эти устремленные ввысь очертания, как тонко высечена из белого камня резьба вокруг окон…

Учительница должна была бы толково объяснить ребятам, что мы, современные люди, видим в зданиях церквей прежде всего ценности художественные, исторические, музейные. И что создавали эти ценности люди талантливые, выходцы из народа, чьи имена зачастую оставались неизвестными…

Случай этот послужил для меня как бы толчком. Я перестал быть туристом-одиночкой, а из года в год начал водить московских школьников по старым русским городам.

Во скольких местах мы побывали! У скольких ребят воспоминания о наших странствиях, верно, останутся на всю жизнь!

Случалось, скептики-педагоги мне задавали недоуменные вопросы: не вредно ли показывать ребятам то, что связано с религиозным культом?

— Отнюдь нет! Я рассказываю так, словно вожу их по музеям, — отвечал я, глубоко убежденный в своей правоте.

Сам-то я детский писатель, автор веселых повестей для ребят. Но мне давным-давно мечталось написать книгу о своей второй любви, об особенно близкой моему сердцу древней Владимирщине.

И все я как-то не решался начать писать. То недосуг было, то слишком ответственной казалась тема…

Где-то на перепутьях владимирских дорог повстречался мне такой же страстный турист и столь же влюбленный в старину — Александр Сергеевич Потресов. Мы казались очень похожими — оба высокие, худые, длинноносые. И потому нас нередко принимали за братьев. Он таскал с собой фотоаппарат, я — альбом для рисования и блокнот. И стали мы большими друзьями.

С каждым годом растет интерес советских граждан, особенно молодежи, к нашей старине. В свое время люди о старой русской архитектуре, да и о многих событиях из русской истории и понятия не имели. А теперь они страстно хотят взглянуть на старину, вникнуть в ее немеркнущую красоту.

Я посоветовался с Александром Сергеевичем: может, стоит написать книгу об этой красоте не для ребятишек, а для подростков постарше, для комсомольцев, для всей нашей молодежи?

Александр Сергеевич мне признался, что давно мечтает издать альбом своих фотографий памятников старины.

«А что, если нам соединить наши мечты? — подумал я про себя. — Текст мой, а его фотографии»[1].

Возможно, я еще долго колебался бы. Но тут случайно вновь занесла меня судьба в один суматошный воскресный день в город Суздаль.

Перед длинным белым зданием музея — бывшими архиерейскими палатами — скопилось много разноцветных автобусов. Они все прибывали и прибывали. На фоне белых стен XVII века их яркие ряды выглядели очень живописно.

Разомлевшие от жары и духоты люди выходили на травку, расправляли затекшие мускулы, потом оглядывались… и замирали на месте…

Они видели перед собой словно сказочный букет цветов — множество башенных шпилей и крестов, купола серебряные, горящие на солнце, как рыбья чешуя, купола синие, усыпанные звездами, купола темно-зеленые; видели церкви нарядные — то розовые, то сахарно-белые, то разноцветные. Иные стройные, другие приземистые. И, как цветы в букете, ни одна церковь не была похожа на другую, и в каждой таилась своя прелесть.

Девушки-экскурсоводы подхватывали одну группу, другую, вели сперва в музей, потом возили по городу. А почему вон та группа подростков робко жмется?

Подошел. Оказывается, на экскурсию надо было записаться заранее, а они просто сели в автобус — шефы им предоставили — и покатили. И теперь им говорят: ждите не меньше четырех часов. Они москвичи, из школы торгового ученичества. Да, конечно, и будущие продавцы тоже должны любить старину.

— Может быть, мне вам показать Суздаль? — спросил я. — Только я не экскурсовод.

И мы поехали. Время от времени останавливались, вылезали из автобуса. Я рассказывал, объяснял.

Мы встали на мосту через маленькую речушку Каменку. Это место я облюбовал еще в свои юные годы.

Слева, на низком берегу речки, раскинулся белый, словно вылепленный из сахара, Покровский монастырь. Белые башни, белые стены, белые церкви были ярко освещены солнцем.

Справа, в глубине, на высоком берегу речки, на горе высился Спасо-Евфимиев монастырь. Розовые высокие стены когда-то грозной крепости опоясывали гору. Розовые внушительные башни с черными щелями бойниц, с зелеными островерхими крышами высились по углам стен. В речке ныряли и плавали гуси, ломая розовые отражения… А еще правее и ближе к берегу в небо вонзала свой острый шатер высокая колокольня Александровского монастыря.

Потом мои спутники оглянулись…

Там, за зеленым валом, виднелся кремль — белая колокольня, белый пятиглавый собор Рождества Богородицы, маленькие, словно игрушечные, белые и розовые церкви…

Окружала нас красота и слева, и справа, и спереди. И была та красота словно сказочный, поднявшийся со дна озера град Китеж… Юноши и девушки смолкли, остановились любуясь. И я сказал самому себе:

«Буду писать свою книгу… самую заветную…»

Теперь, дорогие читатели, она перед вами.

За лесами дремучими, нерублеными, нехожеными, за болотами зыбучими, непроходными, среди редких становищ финско-угорских племен, в междуречье Волги и Оки возникли в IX–X столетиях первые славянские поселения. Первые города там были: Ростов на озере Неро, Клещин на Плещеевом озере и Муром на Оке. Да еще далеко на севере, где вытекает из Белого озера полноводная Шексна, стоял город Белоозеро.

В те дальние края залесские были тогда дороги только что реки. А из одной реки в другую волокли ладьи посуху, по дубовым каткам, либо на салазках.

Вверх по Нерли Клязьминской, что берет свое начало невдалеке от Плещеева озера, шел такой волок в Нерль Волжскую, что течет на север и впадает в Волгу. С незапамятных времен все пространство между Клязьминской Нерлью с востока и рекой Клязьмой с юга, — и по ее притокам Ко́локше и Пекше было издавна отвоевано у леса.

Назывались те плодородные, черноземные, пахотные земли Опольем. По краю Ополья, вдоль правого берега Нерли, возникли по оврагам первые малые поселения славян с общим прозванием «Суждаль». «На Суждали» — так в женском роде говорит об этих поселениях летописец.

Повелось издревле, что жители Южной Руси, а следом за ними и летописцы, все земли залесские — от Оки и до самой Волги — звали суждальскими (суздальскими), и народ, живший по тем городам и весям, именовали суждальцами.

Жили в тех краях залесских, в малых, топившихся «по-черному» избах неимущие земледельцы. Жили там в усадьбах, огороженных тыном, и богатые — «старая чадь», что владели распаханными нивами, усадьбами, запасами хлеба, мехов, меда, воска, вара, пеньки…

В те дальние земли христианство пришло на сто лет позже, чем в Киев, Чернигов, Переяславль-Южный. Мечом и огнем насаждалось оно. Говорится в летописи, как убили первого ростовского епископа Леонтия, как в неурожайный 1024 год восстали на Суждали земледельцы. Поднялся голодный люд на богатых, а повели восставших волхвы. Сам великий князь Ярослав Мудрый прибыл на усмирение. Простой народ, продолжавший поклоняться старым богам, поднял руку на принявшую христианство знать. Казнил Ярослав многих пашенных людей и волхвов.

Таково первое упоминание о тех краях в летописи. А память о пролитой крови с той поры долго жила на Суждали.

Умер Ярослав в 1054 году. И загорелись тогда на Руси

усобицы меж его сыновьями. Каждый из них хотел владеть великокняжеским Киевским столом.

Страшная борьба кипела на юге, а в глухих северо-восточных окраинных землях простому народу жилось вольготнее. Владел ими третий сын Ярослава, Всеволод.

Сам он ни разу не был на Суждали, а собирать дань посылал сына своего, Владимира Мономаха. Такое прозванье дали княжичу в честь деда его со стороны матери — Византийского императора Константина Мономаха. Впервые Владимир отправился в дальний путь на Суждаль, когда исполнилось ему тринадцать лет.

Как умер князь Всеволод, Владимир вступил во владение землями на Суждали. Много раз за свою долгую жизнь приплывал он сюда на ладьях, суд вершил, собирал дань, охотился, пировал со своей дружиной.

То затихая, то вновь загораясь, длилась на юге кровавая борьба меж Владимиром Мономахом и его двоюродным братом Олегом Святославичем Черниговским, которому дал народ страшное прозвище — Гориславич. В 1096 году вторгся Олег на Суждаль, много поселений пожег и пограбил. Но преградил путь Олегу сын Мономаха — молодой и отважный Мстислав, что княжил тогда в Новгороде. Пошел Мстислав со своей дружиной на защиту земель отцовых и на реке Колокше победил полки Олега.

Еще по велению Ярослава была построена в тех краях залесских на малой речке Каменке, близ впадения ее в реку Нерль, первая крепость под названием Суздаль[2].

Внук Ярославов Владимир Мономах повелел поставить другую крепость — на высоком левом берегу Клязьмы, недалеко от впадения в нее речки Лыбеди. Назвал он ее в свою честь Владимиром и построил внутри обеих крепостей по церкви. Были они первыми каменными на северо-востоке Руси.

«Сын Всеволода Мономах… сий постави град Володимерь Залешьский в Суждальской земле… и създа[3] первую церковь Спаса…» — так говорит летопись за 1108 год.

Долгие годы археологи искали этот старейший в городе Владимире храм, но до сих пор не нашли никаких его следов.

О другом храме, что в городе Суздале, упоминается лишь в позднейших летописях, когда эту пришедшую в ветхость церковь Мономаха разрушали.

«Заложи церковь каменьну святыя Богородица в Суждали, на первом месте, заздрушив старое зданье, понеже учала бе рушитися старостью и верх ея впал бе; та бо церкви създана… Володимером Мономахом…»

Где стоял в Суздале тот храм, никто о том не знал.

Эти древние записи не давали покоя одному замечательному человеку, жителю Владимира Алексею Дмитриевичу Варганову.

Был Варганов когда-то директором Суздальского музея, позднее стал заниматься раскопками и реставрационными работами по всей Владимирской области. Роста он невысокого, подвижный, пожилой. Начнет говорить о Суздале, сразу поднимаются его мохнатые брови, загораются запрятанные за стеклами очков небольшие, неопределенного цвета глаза. Видно, для него, старого члена партии, Суздаль с его нарядными церквами и башнями — это и первая, и вторая, да, наверное, и десятая на всю жизнь любовь.

Жаль только — не хватило Алексею Дмитриевичу досуга самому написать книгу о своей деятельности и о неустанной любви к землям на Суждали.

Задумал он найти древний собор Мономаха. Вчитываясь в старые письмена, сопоставляя их между собой, он старался отыскать ту нить, которая привела бы в конце концов к истине.

Раскопки начались под самыми стенами ныне существующего здания собора Рождества Богородицы. Сперва шел белый камень позднейшего фундамента. Когда же начали попадаться огромные, неправильной формы валуны, соединенные меж собой известковым раствором, Варганов ни на шаг не отходил от раскопок. В Киеве стены древнейших церквей были сложены из булыг песчаника. Клали те булыги в два, три и четыре ряда, скрепляли их известковым раствором, рядами пускали пояски из плинфы и опять клали булыги.

«Неужели и в Суздале будет найдена плинфа?» — спрашивал Варганов самого себя, мечтая отыскать хотя бы обломки этого древнего плиткообразного кирпича, широкого и плоского, совсем непохожего на современный.

Кончался рабочий день. Варганов не шел домой, а спускался в шурф и взглядом охотника рассматривал каждый камешек, торчавший из стенки.

Наконец заступ рабочего обнаружил плоский розовый кирпич, напоминавший киевский. Эта первая найденная плинфа была слегка покороблена и сохранила на своей поверхности отпечатки пальцев древнего плинфоделателя.

Так подтвердилась запись XIII века о том, что суздальский храм был похож на собор Киево-Печерского монастыря. Так Варганов нашел фундамент храма Владимира Мономаха.

Любопытно, что во время раскопок предыдущих лет археологи на один только штык лопаты не добрались до слоя плинфы. Не открылась им тогда тайна Мономаха.

Повел Варганов раскопки и в других местах вдоль стен существующего собора. Он выяснил, что эти стены не были связаны с фундаментом храма Мономаха, а несколько сдвинуты к северу и повернуты под небольшим углом.

Увлеченный поисками, он продолжал копать в Суздальском кремле. Ему хотелось найти остатки княжеского терема, о котором в летописях говорится: Мономах «тут же и двор себе устрои возле церквы».

Варганову не удалось найти терема, возможно, здание было деревянным. Зато он нашел выложенные той же плинфой печи, в которых жгли известь для строительства храма Мономаха, нашел он также обугленные остатки землянок суздальских посадских. Поиски продолжались, были обнаружены основания нескольких печей для обжига плинфы.

Много еще чего нашел неутомимый изыскатель старины и под землей, и под фундаментами построек. Он ушел на пенсию, но ушел не для отдыха, а чтобы всецело отдаться археологическим раскопкам. Но его деятельность прервалась. В 1977 году он скончался.

Теперь можно подвести итоги. Главным в его жизни был Суздаль. Благодарные жители города назвали одну из улиц его именем. Возможно, когда-нибудь на площади будет установлен ему памятник. А сейчас лучшим для него памятником является его детище — весь «украсно украшенный» архитектурный ансамбль города-музея.

Много энтузиастов восстанавливало древнюю красу и славу царства славного Гвидона. Но он был зачинатель, и среди них самый неуемный, самый настойчивый, самый пламенный.

И пусть все, кто приезжает в Суздаль со всех концов нашей великой страны и из-за границы, помнят имя Алексея Дмитриевича Варганова…

Умер Владимир Мономах в 1125 году. Киевский стол занял старший его сын, Мстислав. Был он храбр и правил твердой рукой. Остальные князья почитали и боялись его. Затаив вражду, они до поры до времени смирно сидели по своим городам. Но через семь лет Мстислав умер, и тотчас вспомнились старые обиды. Пошли дружины Ольговичей — сыновей Олега Гориславича Черниговского — на дружины сыновей Мономаха. Победа досталась Мономаховичам. И поднялась с той поры жестокая и упорная борьба за города и за земли внутри Мономахова племени: младшие дядья воевали против племянников — сыновей Мстислава, а Ольговичи держали сторону то тех, то других.

Много стало князей на Руси. И каждый из них хотел большего почета, домогался лучших земель. Не держали они в сердцах бережения к тому городу, с коим на короткий срок связывала их судьба. Не было у них заботы о своих временных подвластных, и одна таилась дума: как бы забрать со смердов, холопей, посадских что ни на есть больше для себя и для своей дружины и челяди.

Еще лютее и беспощаднее, чем их отцы и деды, боролись они меж собой за Киевский великокняжеский стол и за другие города. Порой мирились, собирались на съезды, пировали в шатрах и в гридницах друг с другом; браками сыновей и дочерей скрепляли союзы, но через год-другой изменяли дружбе, бросались в новые битвы, убивали своих родичей, сажали их в темницы, ослепляли, отравляли. А иные князья посылали гонцов в степи бескрайние, звали на помощь половецкие орды.

Набегали дикие кочевники и без зова князей; тысячи женщин и детей угоняли они в плен, жгли города и веси.

От этих кровавых усобиц много терпел простой народ — хлебопашцы, городские ремесленники и купцы. Не всегда терпел, случалось, и за оружие брался.

Но неохотно и кратко поминают летописи о восстаниях народных то в одном городе, то в другом. В теремах княжеских и боярских, в монастырских кельях составлялись летописи; прославляли они князей, их подвиги и деяния, а о страшной доле смердов молчали пергаментные листы.

И один лишь создатель бессмертного «Слова о полку Игореве» сказал правду о горе и о гневе простого народа и о любви народной к своей отчизне.

> Тоска разлияся по Руской земли,
> Печаль жирна <обильная> тече средь земли Рускы.
> А князи сами на себе крамолу коваху,
> А поганим <половцы> сами победами нарищуще
> <наскакивают> на Рускую землю…

Покидали мирные жители князей, снимались с земель дедов и прадедов — с Киевщины, с Переяславля-Южного, с Волыни, с Черниговщины. Целыми семьями и родами плыли они вверх по Днепру, перетаскивали через волоки свои ладьи в Москву-реку да в Оку. А у кого не было ничего за душой, тот шел пеший сквозь дремучие леса Брынские теми дорогами прямоезжими, по каким, бывало, хаживал крестьянский сын — славный богатырь древних былин Илья Муромец.

Путь переселенцев лежал в дальние края залесские на Оку, на

Клязьму с ее притоками, к Ростову, до самой Волги. Там, по слухам, жилось покойнее и вольготнее. Ехали купцы, ограбленные князьями, ехали дружинники из побитых дружин, ехали обиженные бояре, а больше всего шло пешком простого люду.

Шли кузнецы-ковали, плотники-древоделы, каменщики-камнесечцы, гончары, оружейники. Каждый из них брал с собой орудия своего труда. А простые хлебопашцы прятали в котомках сошники железные да серпы зазубренные, а конные дружинники держали у поясов мечи да копья.

И сберегали переселенцы в сердцах своих горькую тоску по разоренной, покинутой родине, память о родных краях. Называли они прежними, милыми душе именами те реки, города и веси, где копали новые землянки, рубили новые избы, где запахивали раскорчеванные нивы.

Так встали на Суздальской земле города — Переславль-Залесский, Звенигород, Галич, Стародуб, Коснятин, возникли многие селения. И реки тоже получили киевские прозвания: Лыбедь, Тру́беж, Почайна, Ирпе́нь и многие другие.

Издревле жили в тех краях мирные люди угро-финских племен — мери, веси, муромы. Земель свободных было тогда там достаточно. Славянские переселенцы строились рядом со старожилами, а вражда между теми и другими возникала редко, вместе охотились, вместе рыбу ловили, торговали друг с другом, менялись изделиями рук своих; браками сыновей и дочерей скреплялась их дружба…

Еще при жизни своей посадил Владимир Мономах править Суздальскими землями седьмого сына своего, малолетнего Юрия, и дал ему в советчики воеводу Ивана Шимоновича. После смерти отца Юрий долгие годы княжил в тех землях.

Властолюбив и завистлив был Юрий. Мимо других, старших в роду князей замыслил он силой взять Киевский великокняжеский стол. Не сиделось ему в дальней Суздальской окраине. Со своей дружиною верной многажды раз правил он коней за тысячу верст, вмешивался в распри южных князей, поначалу воевал с Ольговичами, потом с племянниками своими Мономаховичами, дважды шел войной на соседний Новгород. Был он женат на дочери половецкого хана и потому чаще других князей приводил на южную Русь диких кочевников. Пять раз поминают летописи походы Юрия в союзе с половецкими полчищами.

Долгоруким прозвал его народ за то, что домогался он вожделенного великого княжения из своих дальних городов. И невдомек было Юрию, что с каждым годом тускнела слава Киева. Мать городов русских уже не простирала властную руку на земли соседние и дальние — на Чернигов, Переяславль-Южный,

Владимир-Волынский, Галич, Смоленск, Туров. У каждого князя тех городов были свои чаяния, заботы и думы, свои недруги. А могущество прежней глухой окраины Суздальской все росло, все больше людей селилось вдоль тамошних рек. Но недальновидный Юрий не замечал перемен в своем княжестве. Все думы его были обращены на Киев.

Но каждый раз путь ему преграждали полки его племянника и главного врага, отважного князя Изяслава Мстиславича.

В 1149 году Юрий наконец силой захватил Киев и, помимо старшего брата, добродушного и миролюбивого Вячеслава, назвал себя великим князем.

Жил в XVIII столетии историк Татищев Василий Никитич (1686–1750 гг.). Последним летописцем именуют его современные ученые и с глубоким уважением относятся к его трудам. Татищев располагал такими летописными сводами, такими документами, которые до нас не дошли. Видимо, он пользовался теми, ныне исчезнувшими древними источниками, когда давал Юрию Долгорукому такую характеристику:

«Сей великий князь был роста не малого, толстый, лицом белый, глаза невелики, великий нос долгий и накривленный, брада малая. Великий любитель жен, сладких пищ и пития, более о веселиях, нежели о расправе и воинстве, прилежал; но все оное стояло во власти и смотрении вельмож его и любимцев…»

Новый великий князь был для киевлян совсем чужим. Привел он с собой из Суздаля многих дружинников и челядь. Держали они себя в Киеве как завоеватели, оскорбляли, а порой и грабили тамошних бояр, купцов, ремесленников, посадских.

Что ни день, пировал Юрий то у одного дружинника, то у другого, то у боярина, а то выезжал в ближние леса и степи на охоту.

Храбрый Изяслав Мстиславич воспользовался беспечностью своего дяди, заручился подмогой нескольких князей, тайно собрал полки, за пять дней подошел к Киеву, жители города отворили ему ворота, и он изгнал Юрия обратно в Суздаль.

Побежденный Юрий не оставил своих властолюбивых замыслов — снова овладеть великокняжеским столом. Но понял он, что надо копить силы, исподволь готовиться к будущим походам.

Пришлось ему по-иному смотреть на свои исконные Суздальские земли: стал он звать переселенцев, селил их по новым местам.

«Не малую ссуду давал и в строении и другими подаяниями помогал…» — замечает Татищев.

По велению Юрия начали строиться новые крепости. При

слиянии рек Гзы и Колокши, среди плодородных земель Суздальского Ополья основался город-крепость Юрьев-Польской, на берегу Клещина озера встал город Переславль-Залесский, на Волге — город Углич, на реке Клязьме — города Ярополч и Стародуб, на реке Яхроме — город Дмитров. А на стрелке, где впадает речка Неглинная в Москву-реку, окружено было земляным валом прежнее поселение, называемое Москвою.

Юрий только намечал, где ставить города. За шумными пирами да за дальними походами недосуг ему было. А насыпались те высокие земляные валы, рубились те деревянные башни и стены, возводились те каменные церкви немалым старанием Юрьева сына Андрея.

Андрей был вторым сыном Юрия. Старший, Ростислав, погиб еще в 1149 году в разгар борьбы за Киев.

Самому Юрию так и не довелось повидать первые деревянные стены и башни во всех тех вновь отстроенных городах, в том числе и в захудалой, окраинной Москве. Татищев прямо говорит про него: «Сам мало что делал, но больше дети и князи союзные».

Строились города. Тамошние жители, а также крестьяне окрестных деревень копали глубокие рвы, насыпали земляные валы, поверх валов поднимали стены из огромной толщины дубовых бревен, связанных между собой в клети. Внутрь клетей срубов насыпалась земля, над воротами ставились башни из столь же толстых бревен. В городах возводились каменные и деревянные храмы и боярские терема.

Крепко надеялись Юрий, его сын Андрей и их бояре, что могучи и неприступны будут те города-крепости, выдюжат не одну осаду.

Жесток был Юрий. В повести XVII века — «О зачале великого царствующего града Москвы» — передается такое древнее предание: когда знатный боярин Степан Кучка, владевший со своим родом землями по Москве-реке, не захотел отдать князю на службу своих сыновей и племянников, Юрий повелел его казнить, дочь боярина Улиту насильно выдал замуж за своего сына Андрея, а братьев ее определил в дружину того же Андрея. И целовали Кучковичи крест, что верно будут служить своему князю. А что затаилось у них в душе, о том никто не знал, не ведал.

Еще не было на Руси прочного союза между княжеской властью и духовенством. И среди простого народа Юрий не искал опоры, а больше полагался на мечи своей дружины. Он не избрал столицей своего удела Ростов.

Обилен и богат был этот древний город. Но держало там всю власть вече боярское — знатные боярские семьи. Не по нраву

пришлось гордым ростовцам, что возвышались новые, «мизиньные» города, но до поры до времени таили они свою вражду.

Остерегался Юрий жить и в суздальском тереме своего отца, хотя суздальское боярство не было столь сплоченным, как в Ростове. Облюбовал он место в четырех верстах от Суздаля, на правом берегу Нерли, недалеко от впадения в нее речки Каменки. Называлось оно Кидекша. В 1152 году построил там Юрий крепость, княжеский терем и первую в тех краях белокаменную церковь.

По Нерли шел водный путь из Ростова и из враждебного Новгорода на Рязань, в Муром и далее вниз по Оке и Волге в плодородные и обильные земли поволжских болгар[4], оттуда в годы неурожая доставлялся на север хлеб. А новая крепость запирала этот важный торговый путь.

Было древнее предание, что предки Юрия, братья-князья Борис и Глеб встретились на этом месте. Борис плыл из Ростова, Глеб — из Мурома. В 1015 году они погибли от руки своего старшего брата — великого князя Киевского Святополка, за свое неслыханное злодейство прозванного Окаянным. Убитые были провозглашены православным духовенством «святыми мучениками».

Русские князья гордились своими святыми предками; вот почему и назвал Юрий ту белокаменную церковь Борисоглебской.

Значительно измененная и перестроенная, она дожила до наших дней. Об ее первоначальном облике мы можем только догадываться. Суровы и просты очертания, узкие длинные окна похожи на амбразуры, выше окон дугами идут закомары. Там, где находится алтарь, выступают вперед три полукруглые, могучие, словно крепостные башни, апсиды. Большая, массивная, покрытая листами расплющенного олова или свинца глава на широком барабане когда-то венчала церковь-крепость. Будто старый богатырь, седой Святогор в белой мантии, в серебряном шлеме встал на горе над Нерлью сторожить водный путь, чтобы ни одна вражеская ладья не посмела проплыть мимо.

В те тревожные годы не думали об украшении зданий. В Кидекшской церкви только поясок арочек и поребрики (то есть ряд маленьких камней, поставленных ребром вперед) как-то оживляли строгую белизну гладких стен. И внутри церковь была сурова и мрачна. В полутьме неясно белели стены и четыре массивных столба, подпиравших своды; никакой росписи[5] ни на стенах, ни на столбах не было.

Внутри церкви, над входом, шла галерея, тогда ее называли

полатями. В те немногие месяцы между походами, когда Юрий, победитель или побежденный, возвращался в свой исконный город, он поднимался во время церковной службы по деревянной лесенке наверх, на эти полати. Там стоял он, окруженный семьей и избранной челядью, впереди всех и молился, чтобы сгинули его враги-родичи, а помолившись, шел в свои покои пировать с дружинниками.

Каким был его терем и где он стоял, мы не знаем. Варганов пытался вести раскопки, но безуспешно. В разных местах он нашел лишь несколько обломков плоской плинфы. Такие же обломки были найдены и раньше, при раскопках в Переславле-Залесском. Возможно, кирпичная кладка не была забыта со времен строительства первого суздальского собора Владимира Мономаха, из плинфы строить продолжали, но только здания гражданские. Чтобы подтвердить эти догадки, нужно копать и копать.

Княжеский терем погиб во времена позднейших бедствий. В церкви были разрушены апсиды до средины, а также своды.

В XVII веке, когда разбогатевшие суздальские купцы принялись между собой соперничать и строить в городе одну за другой церкви, был обновлен и Кидекшский храм, но совсем на иной лад. Крышу перекрыли на четыре ската, вместо прежнего богатырского шлема поставили маленькую луковку. Узкие щелевидные окна совсем заложили и прорубили широкие. Но если подойти к церкви поближе и вглядеться в каменную кладку, можно различить на стенах очертания этих заложенных первоначальных окон.

Внутри церкви находились каменные гробницы сына Юрия Долгорукого Бориса, жены Бориса Марии и их дочери Ефросинии.

В XVII веке суздальский воевода Тимофей Савелов заглянул из любопытства в щель расколотой каменной крышки, увидел останки и тотчас же отписал самому царю Алексею Михайловичу:

«Кости целы, а на вещах одежды с аршин, белою тафтою покрыто, а поверх лежит неведомо какая одежда, шитая золотом… на ней же вышит золотом орел пластаной одноглавой, а от того, государь, орла, пошло на двое шито золотом же и сребром узорами…»

В XVIII веке рядом с суровой и величавой церковью Бориса и Глеба встала другая, маленькая, словно игрушечная, с высокой двускатной кровлей церковь Стефана. Тут же невдалеке поднялся шатер изящной, стройной колокольни.

Разные по стилям, все эти три здания как бы слились в единое целое — ничто не выделяется, ничто не подавляет. Особенно красивы они при заходе солнца издали, с

противоположного берега Нерли, когда их белые стены окрашены нежно-розовой краской.

За последние двести лет вряд ли сильно изменился тот холм над рекой. Как много вкуса, художественного чутья и осторожности было у безвестных градостроителей и XII и XVII веков! Как умело поставили они среди самого обыкновенного русского села на берегу реки, возле резных изб, возле сараев и банек, рассыпанных по склону горы, это прелестное белокаменное соцветие!

Почти одновременно с церковью в Кидекше по велению Юрия Долгорукого был перестроен собор в Суздале, возведенный его отцом Владимиром Мономахом. Были построены белокаменные храмы в Юрьеве-Польском и во Владимире, начали строить собор в Переславле-Залесском на берегу Клещина — Плещеева озера, близ впадения в него реки Трубеж.

Первые три храма не сохранились, археологи откопали только древние фундаменты, спрятанные под ныне существующими соборами, но и по фундаментам можно судить, что те храмы очертаниями своими напоминали Кидекшский.

А Спасо-Преображенский собор в Переславле-Залесском, достроенный в 1157 году, уже после смерти Юрия, дожил до наших дней. За восемьсот лет он перенес и пожары и осады, однако первоначальный его облик изменился мало. Прежний его купол напоминал не огромную луковицу, как теперь, а шлем богатыря. Покрывали его тонкие свинцовые листы, издали он казался серебряным…

С этим древним городом мне удивительно не везло. По Ярославскому шоссе я проезжал мимо него много раз, но почему-то все бывало некогда остановиться, сойти с автобуса хотя бы на три часа. Дважды я приводил в город туристов-школьников и оба раза попадал в такой туман, что за двадцать шагов едва различались очертания домов и деревьев.

Пришлось мне начать работать над этими страницами, вспоминая свои давнишние впечатления, когда лет пятьдесят назад я, восторженный юноша, впервые увидел Переславль. С той безмятежной поры в моей памяти запечатлелись маковки многих церквей, маленькие домики среди зелени садов, нежно-лазурное Плещеево озеро, а на озере стаи рыбачьих лодок с белыми, точно вырезанными из бумаги, парусами…

Не доезжая центральной площади, я вышел из автобуса и свернул налево, на Горицкий холм, к музею. Весь Переславль был передо мной. Слева раскинулось такое же нежно-лазурное, как и во времена моей юности, озеро, только без парусных лодок.

Но сам город неузнаваемо изменился. Поредели зеленые

сады, маковок церквей совсем мало осталось. Потом в музее мне дали справку: из двадцати шести погибло шестнадцать, в том числе многие XVII и XVIII веков; был срыт до основания великолепный Сретенский монастырь, что стоял на берегу реки Трубеж.

«А ведь Переславль мог бы стать таким же сказочным городом-музеем, как Суздаль, нет, лучше, прекраснее, живописнее. Ведь в Суздале нет озера», — думал я, стоя на Горицком холме.

Прямо перед собой в низине я заметил когорту двухэтажных, уныло-одинаковых, увеличенных в тысячу раз спичечных коробков-домов.

Нашелся бездарный проектировщик и расставил их на самом видном месте, заслонив красу древнего города.

Строить надо. Строить надо много, добротно и, разумеется, красиво. А мы вдобавок еще не научились у наших предков выбирать, где строить. Вот в Переславле, например, новый и красивый город надо было возводить не здесь, а вон там, под лесом, на горе и подальше от озера.

За древним валом я различил издали маленький снежно-белый Спасо-Преображенский собор, поспешил к городскому автобусу и через десять минут подошел к древнему памятнику.

Словно впервые вгляделся я в его строго-простые, как крепость, очертания. Немногие вертикальные линии лопаток[6], узких окон-бойниц делают его выше, словно приподнимают. Сурово и прекрасно здание в своей простоте. Единственное скупое украшение — это поясок поребриков, пробежавший по трем полубашням-апсидам, ниже идет другой поясок, словно бахрома свисают небольшие зубчики.

Собор-крепость строился не только для молитв, но и для защиты горожан, ему не нужны были украшения. Когда враги врывались сквозь бреши в стенах города, осажденные отступали внутрь собора и там бились до последнего.

Раньше здание было выше. За восемь веков столько накопилось вокруг него культурного слоя, что оно на два ряда камней как бы вросло в землю[7].

Я начал обходить собор. Вспомнил, что где-то вблизи, внутри крепостных валов, стоял не найденный до сих пор княжеский терем. В раздумье смотрел я на траву, что росла вокруг собора, и попытался хотя бы по оттенкам зеленого цвета этой травы угадать, где, под какими лопухами переславская земля хранит тайну терема.

Внимание мое привлекла вереница школьников, с виду четвероклашек. Молоденькая учительница подвела их,

остановила невдалеке от собора.

Чему она их учит? Десятилетние ребятишки обступили ее, внимательно слушают. Рассказывает ли она им об Александре Невском, который провел детство в Переславле, жил в том исчезнувшем тереме, или речь идет о страшных днях татарских нашествий?

Она увлеченно жестикулирует, показывает в сторону озера. Оно за крепостным валом и отсюда не видно.

Возможно, ей хочется заинтересовать ребят знаменитой переславской селедкой, которая нигде в мире, кроме как в Плещеевом озере, не водится. А может быть, она рассказывает о молодом беспокойном царе Петре, о том, как он примчался в Переславль, поднял на ноги сонный город. Как в великой спешке начали тут строиться первые на Руси корабли. Потом царь ускакал, а корабли остались на берегу; один ботик до сих пор бережно хранится…

Но все же неудобно подслушивать. Я вновь направился вокруг собора. Вспомнил, что в девяностых годах прошлого столетия под руководством двух академиков Академии художеств было произведено очередное «обновление» собора. Тогда внутри храма безжалостно сбили остатки древних редкостных фресок и бросили куски в озеро, а стены покрыли масляной безвкусной росписью.

Недавних разрушителей многих переславских храмов, прочно усвоивших тезис «об опиуме народа», еще как-то можно понять. Но чтобы два ученых мужа, да еще причастных к искусству, могли так варварски отнестись к старине — это иначе как преступлением и назвать нельзя.

Я снова увидел учительницу и ее питомцев. Она показывала на стены собора, на купол, на мелкие зубчики, опоясавшие стены. Я услышал ее увлеченный голос… Видимо, рассказ шел о соборе! Вот учительница нагнулась, схватила стебель сухой полыни, постучала о камень цоколя. Значит, объясняла, как его долбили.

Писатели — народ любопытный. Я подошел поближе. Эх, спугнул! Учительница меня заметила, разогнулась и встала ко мне спиной. Дорого бы я дал, чтобы услышать, что она толковала такой малышне о белых камнях… Но ничего не поделаешь — пришлось мне отступить.

А молодец учительница! Конечно, она привела ребят по своей инициативе, да еще как бы потихоньку от директора школы. Я оглянулся и увидел издали, как она показывала на щелевидное окно собора, что-то объясняла, а мальчики и девочки стояли, закинув голову кверху.

Мысленно повторив про себя «молодец учительница», я

направился к автобусу, собираясь ехать в Москву.

И всю дорогу я думал о ней, моей знакомой союзнице.

Но, знал я, она не сумела ответить на один вопрос, который наверняка ей задали ребята:

— Кто же построил этот собор?

Увы, на этот вопрос ни один ученый никогда не ответит.

Кто же строил храмы во времена Юрия Долгорукого? Из каких земель приглашали зодчих, камнесечцев, других искусных мастеров? Ведь до него на Суждали не знали, как строить из белого камня.

Добротно и ровно выведены белые стены храмов. Длина камней различна, а высота везде одинакова. Камнесечцы, как их называли восемьсот лет назад, были искусными мастерами, они столь тщательно обрабатывали своими кирочками (кирками) и скарпелями (плоскими долотами) камни, что они плотно подгонялись один к другому, и швы, заполненные известковым раствором, почти не были видны. Каменщики выкладывали рад камней наружной стены, ряд внутренней, а промежуток меж двумя рядами засыпали щебенкой, отдельными булыгами и проливали известковым раствором, смешанным с рубленой соломой, льняной трестой, толченым углем и отрубями. Стены получались могучие, больше метра толщиной, но не всегда достаточно прочные.

Мастера-камнесечцы соединялись в артели — «дружины», которые, закончив одно здание, переходили к другому. Во главе этих бродячих артелей стояли старосты — «зиздатели». Руководил работами «хитрец». Нашлось в славянском языке меткое словцо для талантливого, хитроумного мастера своего дела, для подлинного художника. Ну а теперь это словцо приобрело совсем иной, лукавый смысл, и потому создателя храмов предпочтительнее называть по-современному — зодчим.

Размеры белокаменных зданий XII–XIII веков Суздальской Руси были строго продуманы и определенны, отношения одних частей к другим, например высоты к длине и к ширине, всегда оказывались очень простыми. Значит, древний зодчий заранее, еще до постройки здания, рассчитывал эти размеры и соотношения. Но вряд ли он держал в уме свои сложные вычисления, свой замысел целиком. Не составлялся ли им предварительный чертеж или хотя бы какие-то наброски? Но почему же тогда до нас не дошел ни один такой чертеж?[8]

Известно, что дерево сохраняется в грунте только в том случае, когда постоянно очень сухо или когда постоянно очень сыро. А в Суздальской земле подпочвенные воды очень близки к поверхности, уровень их то поднимается, то опускается. Самые

толстые дубовые бревна и сваи за несколько столетий исчезают без следа.

Возможно, что зодчие XII столетия составляли свои чертежи, наброски, расчеты на том материале, что всегда имелся у них под руками — на бересте, которая за несколько веков исчезла бесследно.

А возможно, было и по-другому. На старинных иконах и фресках иногда изображаются святые с маленькой церковкой в руках. Быть может, это вовсе не религиозный символ, а просто изображение модели будущей церкви. Древние зодчие вырезали из податливой липовой колоды такие модели и, руководствуясь ими, строили храмы. И эти деревянные игрушечные церковки тоже до нас не дошли.

Держал ли зодчий в руках берестяной чертеж или деревянную модель, он неотлучно находился у строящегося здания, порой взбирался на леса, показывал и объяснял каменщикам, порой отходил в сторону, смотрел на свое белокаменное детище издали, любовался им и в утренние часы, и при закате солнечном. Забота у него была большая: как будет выглядеть храм, стоящий на горе, над рекой, или притаившийся на лесной опушке, или на низком берегу озера. Как поднимется храм в городах выше боярских теремов, выше крепостных башен и валов, чтобы не слишком выделяться, но и не прятаться.

Кто же были эти искусные камнесечцы и зиздатели, эти хитроумные и высокоталантливые зодчие-хитрецы? Откуда они пришли? — снова и снова задают вопрос люди науки.

Печаль Древней Руси была в том, что мы не знаем и никогда не узнаем имен тогдашних творцов прекрасного. Летописцы неоднократно поминают: «Князь Юрий, князь Андрей, князь Всеволод… създа церков камену чюдну велми…» И все. Какое дело летописцу — монаху или боярину — до каких-то там безымянных «холопей-каменщиц».

На некоторых белых камнях Борисоглебской церкви в Кидекше, а также на других каменных постройках позднейших лет можно различить маленькие, высеченные резцом буквы или непонятные, подчас весьма замысловатых очертаний, значки, так называемые «граффити».

Что это? Зарубки здешних жителей — дескать, не забыть бы о том, о сем? Или в древние времена мальчишки нашли поломанный скарпель и давай баловаться — буквы и черточки насекать? А может быть, эти памятные знаки единственные подлинные подписи древних строителей?

Откуда пришли эти первые на Суздальской земле зодчие-хитрецы?

Переняли ли свое мастерство от строителей соборов и замков Италии и Германии, или учились у искусных греков из Царьграда, или строили в княжестве Галицком, что на юго-западе Руси, или возводили храмы в далеких Грузии и Армении? Или те зодчие лишь в самые седые времена Киевской Руси учились у иноземцев, а позднее их сыновья стали искусными мастерами, творцами прекрасного?

Но откуда бы ни явились те безымянные хитрецы, мы знаем одно: они создали подлинные белокаменные чудеса, создали в едином стиле, единым вдохновенным порывом. И первыми по времени чудесами являются церковь Бориса и Глеба на Кидекше и Спасо-Преображенский собор в Переславле-Залесском.

Князь благоверный и боголюбивый

Известный советский ученый-антрополог профессор М. М. Герасимов широко применял метод восстановления подлинного скульптурного портрета умершего человека по его черепу. Так им были восстановлены портреты Ярослава Мудрого, Тамерлана, Ивана Грозного, адмирала Ушакова и других. Восстановил он и голову Андрея Боголюбского.

Еще до войны врачи исследовали скелет Андрея и

установили, что князь был высокого роста и атлетического телосложения. Летописи подчеркивают его гордость — он ни перед кем не склонял головы. А медицинское обследование скелета выяснило, что у Андрея два шейных позвонка срослись между собою и он просто не мог нагибать голову.

А вот какое лицо восстановил Герасимов.

Отталкивающе некрасивое, с широким приплюснутым носом, с мощной нижней челюстью и мясистыми губами. Это лицо кочевника, половецкого хана — деда Андрея со стороны матери-половчанки. Не таким ли был тот легендарный хан Аюб, прославившийся своей жестокостью? Он кончил трагически: доверчиво отправился на переговоры к своим врагам поволжским болгарам и на пиру у болгарского царя был отравлен.

Страшное лицо вылепил Герасимов. Не захочется встретиться с таким человеком где-нибудь на лесной дороге.

А какое мужественное лицо! С непреклонной волей и не знающей устали энергией. И вместе с тем это лицо простодушного половца, неистово вспыльчивого и беспощадно жестокого.

А глаза! Выпученные, с пухлыми веками, пронизывающие, несомненно, черные, словно два жгучих уголька. Мы можем только догадываться, как сверкали эти глаза в неистовом гневе, как наполнялись они слезами во время молитвы.

А высокий крутой лоб говорит о большом уме Андрея.

Он родился, провел детство и юность «на Суждали». Кидекшского терема тогда еще не было, жил он, видимо, в том «дворе», который «постави» его дед Мономах в «мизиньном» городе Владимире.

Именно этот город отдал своему сыну Юрий Долгорукий «на кормление».

С юных лет Андрей пристрастился к охоте в дремучих приклязьминских лесах. И с юных лет всей своей неистовой, не знающей удержу душой полюбил он родные лесные просторы.

Поглощенный борьбой за великокняжеский стол, Юрий Долгорукий мало вникал в жизнь и нужды жителей своих исконных земель. Правил за него сын. Андрей встречал переселенцев с юга, расселял их по городам и весям, наделял угодьями. Переселенцы — ремесленники и хлебопашцы, — обретая покой на новых землях, любили и почитали Андрея. Слушая их рассказы о половецких набегах, о бесконечных распрях между его южными родичами, Андрей поневоле чувствовал неприязнь ко всему киевскому.

В 1149 году, в разгаре борьбы за Киев, Юрий вызвал сына с его дружиной на юг.

С тяжелыми сомнениями поехал Андрей. Тридцать восемь лет исполнилось ему, когда он, возможно впервые, увидел Киев — терема боярские и княжеские, златоверхие, рубленые, с просторными гридницами для пиров, с крылечками крашеными и резными, с затейливой резьбой по князькам, причелинам, подзорам и по сторонам слюдяных цветных окошек.

Увидел он над Днепром, на высоких горах, меж глубокими, поросшими лесом оврагами храмы, многоглавые, каменносозданные, с куполами, золотым пламенем горящими на солнце, расцвеченные узорочьем, один другого краше и пышнее — Софийский собор, Михайловский Златоверхий монастырь, Десятинную церковь… Увидел он стены дубовые, рубленые, с башнями неприступными, с воротами сребroверхими. Те стены окружали город, ни один враг никогда не перелезал через них. А убогие, закопченные землянки были тесны, сыры и пропахли дымом.

Когда скакал Андрей на коне по Киеву, когда с левого берега Днепра смотрел на мать городов русских, верно, вспоминался ему родимый Владимир.

И тот город так же высился над широкой рекой меж глубокими крутыми оврагами. Но стояла там за дубовыми стенами, за земляным валом лишь одна невеликая каменная церковь Спаса, что построил дед Мономах.

Был Андрей во Владимире хозяином всевластным. Кого хотел — миловал, кого хотел — в темницу бросал. А здесь, в Киеве, стал он вроде отцова подручника. Куда отец посылал, туда и направлял коня, что отец наказывал, то и выполнял.

И верно, постылой показалась Андрею такая жизнь, ради которой заставил его отец покинуть любимые края. А родичей своих он невзлюбил. Не всегда ему удавалось запомнить, как, через какого деда или прадеда приходятся они ему родней. Отец считал их союзниками. Заносчивые и гордые, они порой гарцевали со своими «передними мужами» и дружинниками по киевским улицам в тяжелых, шитых золотом, финифтью и скатным жемчугом одеждах. И сбруя на их статных конях блестела и звенела. На пирах они то ссорились, то клялись в верной дружбе, торговались из-за городов, хвалились своими конями, теремами, оружием. Понимал Андрей: каждый из них ищет лишь выгоду. И видел он, сколь был непрочен великокняжеский стол отца.

Летописи особо отмечают храбрость Андрея. В двух битвах против полков своего двоюродного брата Изяслава Мстиславича Андрей мчался на врагов впереди всех, наскакивал конем, рубил мечом. В одной битве конь под ним дважды был ранен копьем, а

стрела впилась в луку седла.

А про другую битву в летописи написано так:

«Андрей же Юрьевич взем коня и еха наперед, прежде всех изломи копие свое; тогда же конь под ним бодоша в ноздри, и нача под ним соватися, и шолом слете с него, и щит на нем оторгоша. Божиим заступлением сохранен бысть без ран».

Усобица кончилась полным поражением Юрия, и он вместе со своей дружиной, сыновьями и боярами вынужден был вернуться в Суздаль.

Андрей вновь сел во Владимире. И по воле отчей, опасаясь, что нагрянут полки из Киева, начал он строить и укреплять города залесские, возводить первые в этих краях храмы из белого камня.

Скоро и добротно строили крепости и храмы вольные люди за деньги и за хлеб, строили пленные, а больше сгоняли землепашцев нести повинность. Сотни людей и коней трудились от зари до зари.

Не знал Андрей устали, то жестокий, то щедрый, он скакал от одного города к другому, своей рукой бил одних, одаривал других. Боялись его пуще страшного бога грома Перуна.

Наступил 1155 год. Пришла удача к Юрию Долгорукому: умер его давний соперник Изяслав Мстиславич, а следом за ним скончался и брат Юрия великий князь Вячеслав. Теперь Юрий мог домогаться Киевского стола уже как старший в Мономаховом роде.

И тотчас же отправился он в новый поход со своей дружиной, призвал на помощь половецкие орды, заручился поддержкой иных князей-родичей, и Киев достался ему без боя.

От двух жен у Юрия было одиннадцать сыновей. Старшего сына своего, Андрея, он посадил княжить в Вышгороде под Киевом. Случится что — тот быстро прискачет на помощь отцу. Другим сыновьям Юрий отдал города на юге, а в Суздальскую землю послал самых младших от второй жены — Василька, Михалка, Мстислава и Всеволода. Значит, свои исконные земли он по-прежнему считал маловажными.

С большой неохотой покидал Андрей любимый Владимир. Отдал он в руки младших братьев свой город, а самому снова пришлось стать покорным отцовским подручником. Но такова была воля отца. Сын понимал, что отец в Киеве и он сам в Вышгороде держатся только мечами верных суздальцев, а простой народ киевский смотрит на них как на захватчиков.

Каждый вечер собирались в Вышгородской гриднице ближние детские[9], мужи и дружинники Андрея, его шурья — братья Кучковичи. Вспоминали они привольное житье во Владимире,

соколиные и медвежьи охоты, рыбные ловли. И затосковал Андрей о родных краях.

Возможно, он уже тогда предвидел, что не здесь, на юге, в окружении враждебных князей-родичей, живя под постоянной угрозой половецких набегов, а там, в дорогих его сердцу северных краях Залесских, на просторах мирной земли Владимирской предстоит ему построить могучую державу Русскую.

В Вышгороде, в монастырской церкви за семью замками, издавна береглась считавшаяся чудотворной икона богородицы. Было сказание: прабабка Андрея Ирина — дочь византийского императора Константина Мономаха — привезла ее с собой из-за моря. От прадеда Всеволода Ярославича та икона перешла к деду Владимиру Мономаху, от деда к дядьям — сперва к Мстиславу, потом к Ярополку, потом к Вячеславу, теперь к отцу. Андрей знал — придет день, и достанется она ему[10].

По древнему преданию, писал ту икону евангелист Лука. Часто приходил к ней Андрей молиться. Подобной красоты лика ни на одной иконе он не видывал никогда. С невыразимой печалью и любовью смотрели на него со стены кроткие глаза богородицы. Будто знали те глаза, предвидели, сколько великих страданий предрешено перенести ее любимому сыну, ласково прильнувшему к ней.

Часами стоял Андрей перед иконой на коленях. Он молился столь же страстно, самозабвенно, как, случалось, кидался в самую жестокую сечу, как в неистовом гневе бил сапогом безвинного человека. Он просил богородицу помочь ему с честью и славой вернуться в родной Владимир. Если поможет, дал он обет — всю жизнь ей служить.

Андрей приблизил к себе попов[11] Вышгородского храма, Микулу и его зятя Нестора. Часами беседовал он с ними, слушал их велеречивые повести о многих чудесах, совершившихся якобы перед иконой. И щедрой рукой сыпал золото и серебро на украшение храма.

Однажды, вернувшись к себе в терем после тайной беседы с Микулой и Нестором, он собрал своих шурьев Кучковичей, своих верных дружинников, отроков — детских, дворян, челядь и сказал им, что явилась к нему во время молитвы сама богородица и повелела идти в Суздальскую землю.

С восторгом приняли дружинники речь княжескую. И в ту же ночь Андрей потихоньку от киевлян и от отца — «без отне воле» — выкрал знаменитую икону и ускакал со своей дружиной на север.

Юрий «негодоваша на него велми», — бесстрастно записал летописец.

Вместе с Андреем отправились в долгий путь Микула и Нестор. Они везли на санях драгоценную икону, закутанную в золотые парчовые ризы, и по дороге всем объясняли, что богородица «сама сошла» со стены храма.

Был у Андрея верный слуга Кузьмище Киянин (Киевлянин) родом из Киева. Знал он хорошо грамоту, потому приблизил его к себе Андрей и повелел ему подробно записывать все об иконе и о ее «чудесах».

Позднее это сочинение было названо «Сказания о чудесах иконы Владимирской Богоматери» и дошло до нас в списках XVI и XVII веков. Оно написано тем образным ярким языком, на каком говорили наши далекие предки. Там славятся деяния князя Андрея, его «боголюбие», подробно описываются «чудеса», случившиеся с иконой.

Не в Ростов, не в Кидекшу на Суждали, где жили младшие братья, направил своих коней Андрей.

Записал Кузьмище, как в двенадцати верстах от Владимира, на пригорке, близ того места, где Нерль впадает в Клязьму, запряженные в сани кони вдруг стали. Их хлестали бичами, они не шли дальше. И икона несколько раз вываливалась из саней.

И остановился княжеский обоз. С того дня Микула и Нестор начали служить благодарственные молебны. Они рассказывали богомольцам, что князь видел дивный сон: явилась к нему сама божья матерь и велела строить город тут, на берегу Клязьмы.

Место оказалось весьма удачным. И князю подальше от бояр жить было безопасней, и будущая крепость запирала водный путь по Нерли и по Клязьме.

В «Сказаниях» написано о радости великой по всей Суздальской земле, что вернулся князь Андрей Юрьевич в свои родные края.

Надо полагать, оно так и было: радовались недавние переселенцы-дворяне — «милостники», которым раньше жаловал («миловал») князь поместья и усадьбы, радовались ремесленники и посадские из «мизиньиных» городов: Владимира, Юрьева-Польского, Переславля-Залесского, Ярополча, Стародуба-Клязьминского. Князь Андрей любит здешний край, значит, защищать их будет. И придет мир в жилища посадских: только бы боярам слишком воли не давал.

Ну а простой народ — смерды и хлебопашцы? Молва ходила, что задумал князь новые крепости и храмы строить. А коли так, найдется смердам и хлебопашцам работы, найдется и хлеба кусок; значит, и у них были причины для радости.

А знатные бояре Суздаля и Ростова не знали, что думать. Мир придет на их землю — это ладно. Да больно крут был князь —

никому не давал спуску. Как бы не посягнул он на старинные права бояр — самим решать все дела на вече, как бы не протянул он свою властную руку на их усадьбы, высокими тынами окруженные, да на закрома в амбарах дубовых. Молчали до поры до времени бояре, запершись за воротами тесовыми, ждали, что будет.

Ждал и Андрей, что скажет отец про его самовольный уход из Вышгорода. Слыхал стороной: на одном пиру великий князь сказал про сына: «Вот придет весна, заставлю неслуха по своей воле ходить».

Одно было у Андрея оправдание: не сам захотел покинуть Киевские земли, а… богородица велела уйти в Суздальские края и построить там новый город Боголюбов.

Прошел год. Андрей затаился на берегу Клязьмы, а отец его все пировал в Киеве.

Наступила весна, и примчалась к Андрею страшная весть из Киева: скончался его отец — великий князь Юрий.

Летопись за 1157 год о его смерти сообщает так:

«Пив бо Гюрги (Юрий) у осменика[12] у Петрилы, в тот день на ночь разболеся, и бысть болезни его 5 дней. И преставися Киеве Гюрги Володимиричь князь Киевскый месяца мая 15 в среду на ночь». Возможно, был он отравлен.

В день его смерти в Киеве поднялось народное восстание, терем Юрия и дворы ненавистных суздальцев подверглись разграблению: «…избивахуть суждалцы по городом и по селом, а товар их грабяче…»

И с того часа вся Русь в страхе стала ждать, что будет. Ждали — разгорятся новые распри за Киевский стол. Придет с краев залесских, с берегов Клязьмы со своей ратью тот, у кого и отец, и дед, и прадед были великими князьями. И скажет он: «Хочу сесть на их столе».

С тревогой ждали киевляне нашествия. Будет Андрей мстить за убитых суздальцев, жечь терема, хаты и землянки. Ждали киевляне месяц, другой. А князь Андрей все не шел на Киев, все медлил. Стало киевлянам ведомо — изгнал он несколько боярских семей из Ростова и Суздаля, изгнал самых верных слуг отца своего Юрия, а иных заточил в темницу. Через Киев проследовали изгнанные Андреем из Суздаля четверо его младших братьев со своей матерью, греческой царевной. Они поплыли за море, в Царьград. Киевляне полагали: собирает Андрей полки и тайно, как, бывало, его отец, сговаривается с половцами, чтобы идти большой ратью на Днепр.

Но Андрей не искал союзников среди недовольных князей, и к половецким ханам не посылал послов, и войско свое не

собирал.

Спрашивали киевляне друг друга: «Неужто не захотел он мечом добывать великокняжеский стол, за который столько крови лили его родичи в своем ненасытном властолюбии?»

В своем 29-томном труде «История России с древнейших времен» выдающийся русский ученый XIX века С. М. Соловьев пишет:

«Этот поступок Андрея был событием величайшей важности, событием поворотным, от которого история принимала новый ход, с которого начинался на Руси новый порядок вещей».

В Киеве пошли сменяться князья: то Ольгович брал верх, то Мономахович. Все больше власти забирали себе киевские бояре. «Ступай, князь, ты нам не надобен», — говорили они очередному захватчику Киевского стола. И тот уступал место сопернику и возвращался в свой прежний город, чтобы втихомолку ковать новую крамолу.

Андрей остался на севере. Зорко следил он, куда, в какой город переходит тот или иной князь и с каким князем враждует, с каким дружит. Однако в южные распри он не вмешивался и братьям наказал смирно сидеть в своих городах: Глебу в Переяславле-Южном, Михалке в Торческе.

Андрей остался на севере. Далеко вперед смотрели его очи. Понимал он, что слава древнего Киева — матери городов русских — от княжеских междоусобиц, от набегов половецких год от года все меркнет.

А сюда, на север, шли пешие, ехали на конях, плыли на ладьях все новые и новые переселенцы из Киева и с других земель южных.

И понимал Андрей, что сила его родимого края все растет. И опорой ему служат те переселенцы — ремесленники да хлебопашцы.

Андрей стал укреплять земли по Клязьме. Два города, две крепости порешил он строить: одну крепость — во Владимире, другую — за двенадцать верст, в Боголюбове.

Часто приезжал он из Боголюбова во Владимир. Приезжая, соскакивал с коня, сам лазил по горам и оврагам, сам намечал, где возвести высокие земляные валы с дубовыми, крепче киевских, рублеными стенами, где копать рвы, ставить башни и ворота.

С запада, со стороны дороги на города Москву и Смоленск, к прежним валам, что возведены были еще по велению деда его Мономаха, Андрей наметил валы, рвы и стены Нового города с воротами, которые он назовет Золотыми. И будут те белокаменные ворота с тяжелыми коваными полотнищами, с

башней наверху и выше и краше Киевских. С севера, со стороны оврага и речки Лыбеди по Юрьев-Польской дороге, он поставит другие ворота — Медные. В Киеве вовсе нет таких ворот. А с востока, с дороги на Боголюбов и на Суздаль, он повелел примкнуть к валам Мономаховым новые валы и стены Посада — Ветчаного города — с белокаменными Серебряными воротами. И таких ворот тоже нет в Киеве. А всего с прежними укреплениями Мономаха протянутся вокруг города дубовые стены по горам и оврагам на семь верст, значит, будут в полтора раза длиннее киевских.

А внутри городских стен Андрей наметил поставить церковь. Он сам выбрал место на горе над Клязьмой. Тут будет стоять высокий белокаменный златоглавый храм Успения Богородицы. Святая София в Киеве просторна и многоглава. Один купол поднимется на его соборы. И будет он столь дивной красы, богатства и благолепия, какой Русь еще не видывала.

И в Боголюбове наметил Андрей церковь. Он там и терем поставит для себя и для своей семьи, белокаменный, с башнями, и стены вокруг возведет не дубовые, а белокаменные, каких киевляне и не видывали.

И слава о его златокованом столе, «яко сокол на ветрех», полетит по всей Руси и по другим странам…

Обида была большая у бояр Суздаля и Ростова, что выбрал себе столицу князь Андрей Юрьевич в «мизиньном» городке Владимире. Разумели бояре, князь опасается их, оттого и держит сторону владимирских «холопей да каменьщиц». А тут пришел от князя строгий наказ: каждому боярину со своего двора послать во Владимир и в Боголюбов столько-то холопей и коней, поставить столько-то телег, заступов, топоров и прочего, а хлебопашцам самим идти или сыновей снаряжать.

«Пашенные люди пускай идут строить, — рассуждали меж собой бояре Суздаля и Ростова, — а нам за какие грехи столько хлопот и убытку?»

Но помнили они, как не раз круто расправлялся Андрей с иными из них. Лучше смирно сидеть в своих островерхих хоромах, да молчать, да волю княжескую исполнять, да ждать…

Никогда еще не строилось столько на Руси, как с весны 1158 года во Владимире и в Боголюбове.

Своих мастеров-камнесечцев и других умельцев не хватало. И опять, как при Юрии Долгоруком, со всех концов земли Русской стеклись во Владимир разные артели — дружины. Явились каменщики, гончары, древоделы, кузнецы по железу и меди и те златокузнецы и литейщики, что умели украшать золотом ризы на иконах, что лили и чеканили сосуды церковные и оклады на

книгах. Прибыли мастера и из других стран — от немцев, от кесаря Фридриха[13], с дальнего Кавказа, с Царьграда.

Всех привечал Андрей, всем давал работу по их умению.

«По вере же его и по тщанию его к святой Богородице приведе ему Бог из всех земель все мастеры…» — повествует летописец.

И каждый мастер-умелец приносил вкусы, знания и сноровку своего города, своей страны.

По вечерам Андрей молился перед иконой богородицы, просил ее, чтобы помогла она ему в столь богоугодном деле. Отец его, занятый пирами и походами, вряд ли часто молился и посещал храмы. Андрей, напротив, был очень набожен. «Боголюбивым», «благоверным» много раз называют его летописцы.

Всех русских людей XII века — князей, бояр, монахов, посадских, хлебопашцев — можно назвать «простодушно верующими». Иных убеждений тогда и не знали.

Если же кто осмеливался высказывать протест против религии, то он его облекал в религиозную форму, создавал свою «ересь». Такого еретика беспощадно казнили.

Были и немногие высшие священнослужители, явившиеся из Царьграда, коих назначал на Русь епископами и митрополитами верховный глава всей православной церкви — Византийский патриарх. Были и образованные попы вроде Микулы и Нестора. Все они хорошо усвоили, сколько выгод приносит и церкви, и им самим простодушная вера русских людей.

А народ верил не только в бога и в богородицу. Русские люди считали, что вокруг них живут, помогают или, наоборот, вредят им божества дедов и прадедов — Перун, Сварог, Велес, Даждь-бог, Стри-бог, русалки-берегини. Эти прежние божества простому народу были и ближе и понятнее, чем далекий христианский бог, живущий на облаках.

Летописи, составлявшиеся монахами, постоянно упоминают бога, богородицу, Христа, разных святых. Но в истинно народном «Слове о полку Игореве» имена древних богов названы десятки раз, а богородица только однажды и то лишь в самых последних строках.

По городам и селениям строились церкви, много церквей. Летописи, говоря о нередких в те времена пожарах, обязательно упоминают о сгоревших церквах — двадцать, тридцать сгорело, а то и больше.

Конечно, все они были деревянные, иногда богато украшенные резьбой, но чаще отличные от избушек разве только маленькой главкой с крестом.

А духовенство стремилось показать, сколь велик и могуч был

христианский бог в сравнении с божествами древними. И строились храмы белокаменные, красивые, пышные, поражающие воображение, высоко поднимающие вверх свои золотые или серебряные главы.

Власть церковная и власть княжеская при Андрее впервые на Руси соединились в крепком союзе. Служители церкви — Микула, Нестор и другие — распространяли рассказы о чудесах Владимирской иконы и ежечасно славили имя Андрея.

«Богородица любит нашего князя», — нередко повторяли они простолюдинам. А набожному и одновременно властолюбивому князю они беспрестанно твердили: «Строй, украшай храмы. И вкусишь ты вечное блаженство на небесах, а на земле славу».

Да, на земле славу Андрей стяжал. До наших дней дошло немногое из того великолепия, что строили безвестные зодчие по его велению. Любуясь этой уцелевшей белокаменной красотой, мы называем также имя князя, кто поручал зодчим строить, как сказано в летописи, «в память собе».

Откуда пошло село Любец?

Старики крестьяне все помнят, все знают, что передали им когда-то их деды, а тем, в свою очередь, их деды. Так вьется и не обрывается веревочка древних преданий за многие столетия, за многие поколения.

Имя князя Андрея Боголюбского до сих пор живет в памяти народной. По крайней мере, десяток мест на Владимирщине — озера, села, леса, клязьминские старицы и излучины — молва

народная связывает с Андреем.

Вот одно предание.

Жил некогда на берегу Клязьмы, на опушке дремучего леса, зверолов Епифанко с семьей. Доставлял он ко двору Юрия Долгорукого и сына его Андрея шкуры медведей, бобров, соболей, куниц.

Однажды зимним вечером в самый рождественский сочельник поднялась метель. Сидел Епифанко в своей избушке и рассказывал внукам сказки. За малым окном выл ветер, а в избушке было тепло, лучинка на светце потрескивала.

Вдруг послышался конский храп и чей-то голос:

— Эй, отворяй!

— Кто такой? Недруг аль друг? — спросил Епифанко.

— Отворяй, замерз, — послышался хриплый голос.

Епифанко отворил низкую дверцу, вышел во двор, глянул сквозь щель в воротах и увидел всадника на заиндевевшем коне. Он узнал князя Андрея и поспешил распахнуть ворота.

— Охотился, отбился от дружинников, заплутал, — едва ворочая языком, объяснил Андрей.

Епифанко помог спешиться закоченевшему князю, повел его в избу, снял с него покрытый снегом плащ — корзно, снял сапоги, укутал тулупом. Хозяйка собрала ужин, какой был, напоила нежданного знатного гостя заветной брагой-медовухой, уложила спать на полатях.

А наутро, когда утихла метель, Епифанко показал князю дорогу на Боголюбов.

В благодарность за свое спасение Андрей подарил Епифанке лесные и луговые угодья по правому берегу Клязьмы — от устья речки Не́рехты до оврага Студеного.

И с той зимы начали возле Епифанкина двора строиться переселенцы с юга Руси, срубили они деревянную церковь во имя Рождества Христова. А через сколько-то лет выросло на берегу Клязьмы село Рождествено. Владели им князья Ковровы — потомки самого младшего внука Юрия Долгорукого, Ивана Стародубского.

Одно столетье сменялось другим. Богатело село Рождествено, расположенное возле паромной переправы, на дороге из Москвы и Владимира на Нижний Новгород.

В 1778 году село преобразовалось в уездный город Ковров. Сейчас там от старины остался лишь собор XVII века, но зато прославился город на весь мир своими заводами.

А посеялось зерно славы города Коврова в тот стародавний метельный вечер, когда простой зверолов пригрел заблудившегося князя.

И еще предание об Андрее Боголюбском.

Будто плыл он на ладьях вместе со своей дружиной вниз по Клязьме и остановился на ночлег под сосновым бором, не добравшись до Епифанкина двора пятнадцати верст. Утром поднялся он на высокую гору, глянул вверх по реке, глянул вниз по реке, увидел на низком левом берегу Клязьмы черемуховые, осыпанные белым цветом рощи по гривам, увидел дальние лесные просторы… И будто бы сказал он: «Любо мне здесь».

По его велению построили на том месте сторожевой пост, а позднее основали монастырь, который в 1764 году был упразднен. И остались после монастыря село Любец и церковь XVII века…

Еще перед войной занесла меня судьба к тому прекраснейшему на Клязьме высокому берегу. А когда начал я книги писать, то купил в том маленьком селе домик и поселился там. В саду выстроил я себе для занятий неказистый сарайчик — светелочку с двумя окошками, поставил там стол из сосновых некрашеных досок и складной стул… И забегала по бумаге моя авторучка.

Как-то приехал ко мне племянник — большой художник, обладавший веселой кистью и сердцем зодчего-хитреца. Нашел он мою светелочку скучной и раскрасил ее разными красками. На глухой стене, выходившей на деревенскую улицу, изобразил он большую, с чистыми белыми листами книгу, сокола, парящего над развесистым дубом, и самого Андрея Боголюбского, скачущего на вороном коне. Князь вместо меча размахивал огромной авторучкой, а его алый с черными и белыми запятыми плащ развевался по ветру.

Окна моей светелочки глядят прямо в лес. И когда я работаю там, то наблюдаю белок, синиц, щеглов и пеночек, а однажды увидел даже лису.

Люблю я Любец, дышу его чистым сосновым и черемуховым воздухом, и пишется мне там привольно.

Случается, приезжают ко мне мои друзья, весною и осенью приходят школьники из ближайшего Коврова, а летом пионеры из соседних лагерей, приплывают туристы на лодках. Тогда я откладываю в сторону лист бумаги, рассказываю любознательным гостям о своих прежних странствиях, об Андрее Боголюбском, передаю историю села Любец, слышанную мною от старых любечан.

Особенно дороги мне гости юные. Веду я их на высокую гору над Клязьмой, показываю им сверху необъятную ширь Клязьминской поймы, а потом шагаю с ними вдоль берега к Любецкой церкви.

Как красиво она стоит на высоком берегу, над крутою излучиной Клязьмы! За десятки верст, словно два платочка, белеют стройная шатровая колокольня и сам храм с одним куполом.

Несколько лет подряд с большой горечью подходил я к церкви. Она медленно погибала. От времени накренился купол, алчные люди сорвали железо с крыши, пытались выбить отдельные кирпичи стен, легкомысленные кладоискатели ломами выворачивали белокаменные плиты пола, искали подземный ход.

Какой же мог быть подземный ход у обыкновенной сельской церкви! И старое кровельное железо совсем проржавело и никуда не годилось. И кирпичи со стен не выламывались, а только крошились, известь-то по десяти лет в ямах выдерживали да гасили ее не одной водой родниковой, а лили в ямы молоко, бросали сырые куриные яйца; схватывала та известь крепче нынешнего цемента.

Бессмысленно и дико было разрушать церковь. Когда же вышла моя книга и многие мои читатели стали отовсюду посылать письма о грозящей прекрасному памятнику старины опасности, реставраторы вне всякой очереди решили его восстановить. Явились в *Лю*бец искусные мастера. Они покрыли новым железом крышу, покрасили ее зеленой краской, выпрямили купол, заделали щели и выбоины на стенах и побелили все здание.

С тех пер высится оно обновленное, сверкающее на солнце, отражаясь в синих водах Клязьмы. И будут люди им любоваться века.

Я веду к нему своих юных гостей, рассказываю им историю села *Лю*бец, а заканчиваю речь такими словами:

— Берегите красоту старины и любите ее. Тогда будете вы любить и беречь свою Родину-мать…

Когда писал я эту книгу, загромоздился мой маленький сосновый столик многими учеными трудами, из них самыми обстоятельными и ценными были два тома Н. Н. Воронина «Зодчество Северо-Восточной Руси».

Николай Николаевич — лауреат Ленинской премии, крупнейший историк, археолог, искусствовед. И еще он уроженец Владимира и, может быть, прямой потомок владимирских хитрецов-камнесечцев. В его пространных трудах наряду со многими учеными рассуждениями видится большая любовь подлинного поэта к тому родному краю, которому он отдал свой ум, свои знания и свое сердце. Без его трудов ни один исследователь владимирской старины не может обойтись.

И, однако, даже в его объемистых томах я не нашел

определенного ответа на вопрос: где же во времена Андрея Боголюбского ломали белый камень-известняк и как его доставляли? Камня-то требовались горы.

А название моей книги обязывало меня найти ответ.

В летописях я прочел о походе Андрея Боголюбского на Поволжское Болгарское царство в 1164 году. Князь отправился из Владимира со своей дружиной на ладьях вниз по Клязьме, Оке и Волге, захватив с собой икону Владимирской богоматери. Поход этот окончился решительной победой. Болгарская столица была разрушена.

В «Сказаниях о чудесах иконы Владимирской Богоматери» рассказывается, что Андрей наложил на болгар дань — с берегов Волги доставлять во Владимир белый камень для строительства церквей.

Это сообщение явно неверно. Ведь белокаменные здания во Владимире и в Боголюбове были построены еще за два года до болгарского похода. Как же так? Кузьмище Киянин ошибиться не мог. Очевидно, был виноват позднейший переписчик «Сказаний», который задолго до меня заинтересовался этим вопросом и вставил в текст свою версию.

Я продолжал доискиваться истины и в некоторых научных трудах прочел упоминания вскользь, что известняк мог добываться из каменоломен, расположенных на берегах Москвы-реки. Но это месторождение находилось уж очень далеко от Владимира.

А ведь всего в нескольких километрах от моего дома, от села Л*ю*бец, вверх по речке Нерехте, близ поселка Ме́лехово, находятся неисчислимые залежи известняка. Документально доказано, что в XVI веке в тех местах выжигалась известь для нужд суздальских монастырей. Но и за четыреста лет до этого там тоже мог добываться белый камень.

«Ну, конечно, — рассуждал я, — мелеховское месторождение известняка является ближайшим к Владимиру и к Боголюбову. По Нерехте камень сплавляли на утлых челноках до устья Клязьмы, так грубо обрабатывали, погружали в ладьи и доставляли вверх по Клязьме до места строительства. Значит, Л*ю*бец мог возникнуть еще в XII веке как перевалочный пункт. А предание о заночевавшем под Любецкой горой князе Андрее остается красивой, но недостоверной народной сказкой».

Приехал я во Владимир и узнал, что местные музейные работники тоже заинтересовались вопросом, где добывался белый камень. Отобрали они образцы известняка из стен различных зданий XII века и отправили их в Москву, в Институт геологии Академии наук. Тамошние палеонтологи, то есть специалисты по

окаменелостям, по древнейшим ископаемым существам, брались исследовать эти образцы.

Через неделю и я покатил в Москву. У меня за спиной в рюкзаке было несколько обломков камней из Мелехова.

Есть такие, существовавшие миллионы лет назад морские ракушки — фораминиферы, с виду очень похожие на рисовые зернышки. Институт провел тщательные микроскопические исследования всех полученных образцов известняка, в том числе и моих. И было доказано, что «рисовые зернышки» из камней, взятых с владимирских памятников старины, оказались одного вида только с фораминиферами из каменоломен у села Мячкова на Москве-реке, близ устья реки Пахры. В XV веке и позднее там брали известняк для строительства кремлевских соборов и других зданий белокаменной столицы.

Неужели камень доставляли столь дальним путем — на ладьях вверх по Москве-реке и по Яузе, далее в районе нынешнего города Мытищи перетаскивали волоком в верховья Клязьмы и снова спускали на ладьях вниз по реке? А зимою кони тянули тяжело нагруженные сани сто восемьдесят верст?

И, значит, в XII веке месторождения белого камня на Нерехте известны не были.

Так моя теория о происхождении села Л*ю*бец сразу рухнула из-за каких-то «рисовых зернышек».

Я решил обратиться за разъяснениями к Николаю Николаевичу Воронину.

Мне давно хотелось познакомиться с выдающимся ученым, и вопросов набралось у меня немало. Но я чувствовал себя перед ним в общем-то дилетантом и все не решался к нему пойти.

А тут нашелся великолепный предлог: я понесу ему в подарок рукопись «Палеонтологические исследования образцов известняка с Владимирских памятников старины». Мне удалось достать эти пятнадцать страничек текста задолго до того, нежели Воронин мог их получить официально.

По телефону я объяснил ученому, в чем дело, и Николай Николаевич назначил мне свидание в тот же вечер.

Жил он тогда в тихом московском переулке близ Плющихи, на втором этаже старого деревянного дома.

Я позвонил. Мне открыл дверь пожилой плотный человек могучего телосложения, одетый в мягкий домашний костюм.

Он провел меня в кабинет, тесно заставленный шкафами с книгами, папками, картотеками. Сели в кресла напротив друг друга, обменялись первыми фразами. Живые глаза ученого внимательно смотрели на меня.

Неожиданно он сказал:

— Не могу больше терпеть. Покажите, что принесли. Это слишком для меня интересно.

И только, когда он прочел рукопись до конца, у нас завязалась беседа.

Он улыбнулся, когда я ему рассказал о своей неудаче с анализом известняков. Народное предание о том, что Андрею Боголюбскому место на высоком берегу Клязьмы показалось «любо», Николай Николаевич знал и раньше, и оно ему очень нравится, хотя, видимо, эта легенда более позднего происхождения. Но самое главное — ученый обрадовал меня, сказав, что, видимо, назвали село столь поэтично переселенцы из древнего города Любеча: это на Днепре выше Киева. В 1097 году там проходил съезд враждовавших между собой князей, и Владимир Мономах безуспешно пытался их примирить. Выходит, что мой Клязьминский Лю́бец существовал задолго до того, как Андрей Боголюбский проплывал мимо него со своей дружиной[14]. А месторождения известняка на Нерехте хотя, вероятно, и были тогда известны, но тот камень казался осторожным строителям недостаточно твердым. А в XII веке не боялись доставлять его издалека, даже с берегов Москвы-реки.

С тех пор я несколько раз приходил к Николаю Николаевичу. Приходил, чтобы рассказать о погибающих памятниках старины.

При виде страшных фотографий разрушений недобрым блеском загорались глаза ученого. Он обещал заступиться, помочь, звонил, писал куда-то… Убежденный атеист, он презирал тех недальновидных, которые, разрушая памятники старины, думают, что этим самым они борются против религии.

«Совсем наоборот, — писал он, — взяв на себя заботу об охране культурных сокровищ прошлого, мы снимаем с них религиозную скорлупу».

Он скончался в 1976 году. Но до конца жизни он везде и всюду настойчиво звал оберегать, восстанавливать, спасать погибающие памятники старины, в том числе и рядовые сельские церкви…

Заканчивая эту главу, хочу сказать: мне выпало счастье повидать всемирно известные соборы Франции — Парижской богоматери, Шартра, Реймса. К ним подъезжали и подходили туристы, прибывшие из многих стран, фотографировали их, говорили о них вполголоса, а то просто стояли, подобно мне, молча.

Невольно я сравнивал зодчество готическое с нашим.

Тамошние соборы поражают своей огромностью. Их острые шпили вонзаются в небо, словно кинжалы, по стенам внизу и выше, и еще выше, и на разных выступах тянутся ряды каменных

статуй святых. Тамошние дома стоят вплотную, один к одному, а крыши на тех домах, покрытые красной замшелой черепицей, тоже щетинятся острыми шпилями. Нестерпимым холодом веет от той старины, прекрасной и одновременно строгой, но для нас такой чуждой.

А в древних русских городах, по берегам рек и озер высятся на просторе за каменными стенами и могучими башнями многие храмы — то гордые пятиглавые, то белые соцветия веселых луковок. Маленькие домики скрываются в зелени деревьев и кустов. А там, где на улицах нет асфальта, пробивается беспризорная травка…

Зато вот чем могут похвалиться французы: с великой заботой оберегаются у них древние здания.

Памятников старины во Франции сохранилось несравнимо больше, чем у нас. Древние замки и церкви, иные даже XI века, встречаются там повсеместно. И во многих поселках есть маленькие крестьянские дома, которым триста и более лет. Все это уцелело, потому что строилось из камня.

И не надо забывать, что во Франции не было таких опустошительных народных бедствий, как татарское нашествие, как польская интервенция XVII века. И последняя война мало коснулась Франции.

А у нас, за малым исключением, строили из дерева. Опустошительные пожары многажды раз уничтожали целиком наши города и селения. И поэтому то немногое, что дошло до нас с седых времен, надо беречь как величайшую драгоценность.

Золотые ворота

«Князь же Андрей бе город Володимерь силну устрои, к нему же ворота златая доспе, а другая серебром учини…» — так сухо и кратко сообщает летопись о строительстве новой крепости во Владимире.

Ворота, которые назывались Серебряными, до нас не дошли. Как они выглядели, мы не знаем, глава надвратной башни и воротные полотнища, по мнению ученых, были окованы

оловянными или свинцовыми, чем-то украшенными листами.

И место, где стояли Серебряные ворота, тоже точно неизвестно. В конце тридцатых годов прошлого века было произведено спрямление идущей из Москвы через Владимир на Нижний Новгород печально известной дороги — Владимирки, по которой гнали в Сибирь каторжников. Следы фундамента Серебряных ворот надо искать не возле нынешней автострады, а где-то на южном склоне, на месте давно срытого вала.

Не знаем мы, где находились и прочие ворота крепости — Медные, Оринины, Торговые, Ивановские, Волжские; на плане все они нанесены приблизительно.

Молчит земля Владимирская, не хочет отдавать своих тайн.

А белокаменные Золотые ворота уцелели. Они стоят, хотя и перестроенные, измененные, утерявшие свой первоначальный облик.

Прежний белокаменный, с золотым куполом надвратный храм Ризположения, венчавший здание, давно исчез. Приземистые круглые башни по сторонам, пристройки с севера и с юга и церковь наверху — это все новое, возведенное в начале прошлого столетия[15]. От седой старины сохранились только сами высокие ворота в виде буквы П — двух башен, соединенных аркой; и то верх перекладины, где маленькие окошки, перестраивался в позднейшие времена; там раньше, видимо, шли зубцы открытого бруствера. И остались в боковых стенах массивные, кованные искусным кузнецом XII столетия железные петли для навески тяжелых воротных полотнищ.

А внутри одной из башен идет крутая каменная лестница со сводчатым перекрытием. На стене этой прямой трубы процарапаны граффити, возможно, памятка зодчего, строившего Золотые ворота.

Крепостной Козлов вал теперь сохранился лишь частично. Раньше он примыкал справа и слева к воротам и был высотой с нынешний двухэтажный дом, перед валом шел ров, в котором мог целиком уместиться тот же дом. А наверху вала высились крепкие дубовые стены, рубленные, как и теперь рубят деревенские избы.

Между устоями ворот протянулась арочная перемычка, а в обеих боковых стенах строители оставили гнезда. От перемычки к гнездам шел деревянный настил. Значит, воины могли защищать ворота с двух ярусов — с верхней, надвратной башни и с этого настила.

Сейчас на сохранившейся древней части Золотых ворот никаких украшений не видно, отвесные линии выступающих лопаток переходят в полукруглые своды. Так просто и строго строили во времена Юрия Долгорукого.

А зодчие Андрея любили украшать. Куда же делись те украшения? За какое узорочье народ прозвал ворота Золотыми? Ведь они являлись не только крепостью, прикрывавшей Владимир с запада, но и служили парадным въездом в город.

Через Золотые ворота с развевающимися знаменами шли войска победителей: войска Андрея Боголюбского, князей — его преемников. Ехали на конях дружинники, сверкая златокованными шлемами, медными щитами, драгоценными рукоятями мечей; проезжали через ворота союзные князья, послы из дальних стран, пышные княжеские свадьбы. Победителей или гостей встречала толпа владимирцев, священники в шитых золотом ризах служили торжественные молебны.

Воронин считает, что верх и раньше венчал золотой купол, а медные кованые листы покрывали тяжелые дубовые полотнища ворот. Эти листы меди были с узорами, писанными золотом, с различными изображениями сказочных птиц и зверей, переплетенных ветвями неведомых растений. А в стены были вделаны столь же разукрашенные медные пластины. Но все это исчезло во время одного из разгромов Владимира, а верх ворот перестраивался в XV, и в XVII, и в XIX веках.

Чтобы восстановить первоначальный облик ворот, Воронину нужно было сравнить их с другими зданиями.

В Западной Европе ничего подобного не строили; как выглядели Золотые ворота в Византии, мы не знаем; Золотые ворота в Киеве дошли до нас в развалинах, о них мы можем судить только по старинным рисункам.

И тут пришел на помощь Кузьмище Киянин. В «Сказаниях о чудесах иконы Владимирской Богоматери» историки постоянно находят крупицы правды. Кузьмище описывал, как в 1164 году происходило освящение надвратной церкви. Множество владимирцев собралось: «…народу многу сшедшуся зрети их (ворота) красоты…» В присутствии князя Андрея началось торжественное молебствие. И наверное, множество мальчишек залезло на тяжелые полотнища ворот. Вдруг…

«Бе бо еще не сухо известь во вратех, абие же внезапу исторгшися от стен врата и падоша на люди…» Створки ворот упали, но, к счастью, все обошлось благополучно. «И взяша врата, и видеша сущих под враты живых и здоровых». Все двенадцать придавленных владимирцев отделались ушибами и испугом.

Начался второй торжественный молебен. И пошла слава о «чудесном» спасении богомольцев по всей Владимиро-Суздальской земле.

Воронина в этой истории больше всего заинтересовало одно: ворота были красивыми, раз ими любовались владимирцы XII

века.

Ему помогла неожиданная находка: в Центральном Военно-историческом архиве обнаружились чертежи Золотых ворот, исполненные по точным промерам в 1779 году. Оказалось, что перестройки верха ворот в XV и в XVII веках были не очень существенными и на обнаруженных в архиве чертежах изображен почти первоначальный облик ворот. Откопали вблизи на Козловом валу несколько осколков разноцветных с узорами майоликовых плиток. Возможно, эти плитки облицовывали пол надвратной церкви. Но все же доказательств предметных или документальных собралось недостаточно. И Воронин вынужден был сказать, что «окончательного и бесспорного ответа на вопрос о первоначальном виде верха Золотых ворот мы никогда не получим, ибо для точного решения его у нас нет данных…»

В 1864 году почтенные «отцы города» собрались переделывать древний памятник старины в… водонапорную башню. Во «Владимирских губернских ведомостях» было напечатано:

«Этот дельный проект, уменьшающий значительно издержки на возведение новой башни, принадлежит почтенному голове, почетному гражданину А. А. Никитину и делает ему большую честь, давая возможность употребить ныне бесполезное здание на необходимое общественное дело…»

К счастью, и в те времена нашлись подлинные борцы за сохранение старины, которые горячо восстали против этого дикого проекта. И тогда водонапорную башню построили на вершине древнего Козлова вала[16].

Но одно городской голова сказал верно.

Да, Золотые ворота, действительно, бесполезны: через них победители давно уже не проезжают, и они больше не защищают Владимир ни от каких врагов.

Когда мы любуемся прекрасной картиной, скульптурой, зданием, мы не думаем об их пользе, а просто долго-долго смотрим на них. Они возбуждают в нас «чувства добрые». Другой пользы и не нужно искать в произведениях искусства.

Для обозрения памятника старины очень важно, чтобы его окружали свободные пространства. Никакие другие постройки не должны заслонять, чтобы издали на него смотреть.

Современные владимирские градостроители это учли. Все незначительные дома вокруг Золотых ворот теперь снесены, оставлена лишь кирпичная церковь Троицкая, выстроенная перед самой революцией[17].

И Золотые ворота — не то храм, не то сказочный терем из тридевятого царства — высятся ныне посреди самой оживленной

улицы Владимира. Объезжая их, мчатся автомашины, переваливаясь, заворачивают троллейбусы, спешат озабоченные пешеходы… А белокаменная златоглавая твердыня стояла и будет стоять века. И порой тот же пешеход останавливается в раздумье полюбоваться этим, не похожим ни на какой другой памятником прошлого.

«И украси ю дивно»

«Того же лета создана бысть церкви святам Богородица в Володимери благоверным и боголюбивым князем Андреем; и украси ю дивно многоразличными иконами и драгим камением без числа, и ссуды <сосудами> церковными и верх ея позлати… и украси ю паче инех церквей…» — так говорится в летописи за 1160 год.

Опять князь создал и украсил. А главный зодчий, а другие

мастера? Летописец их, как всегда, не заметил.

Начали каменщики класть стены из белого камня. В Софии Киевской было тринадцать глав, в Софии Новгородской пять, в Успенском соборе города Владимира поднимется лишь одна глава, но зодчие знали — красота и величие не в величине и не в многоглавии, а в стройности очертаний, в разноличном, во многом «украсно украшенном» узорочье и снаружи и внутри храма.

Прежние белокаменные храмы Юрия Долгорукого были «безнарядны» (без украшений). На четырех столбах, на четырех стенах держались там полукруглые своды и купол. Новый храм строился намного просторнее и выше, и был он на шести столбах.

Не призвал князь Андрей мастеров с других земель. Артель камнесечцев, исконных жителей владимирских и суздальских, главный зодчий особо поставил, дал им трудную работу, понадеялся на них.

Ни сами эти мастера, ни их отцы и деды раньше не знали, как долотить камень, а была у них давнишняя сноровка: умели они вырезать из дерева и украшать резьбой все, что им заказывали: детские игрушки, ложки, донца, веретена, солоницы и прочую мелочь. А то для украшения деревянных церквей на иконостасах и на царских вратах предивную резьбу из разных переплетенных стеблей, цветов и трав полевых и лесных пускали.

С тех пор как в Суздальской земле войны и княжеские усобицы попритихли, начали бояре один перед другим соперничать, наказывать плотникам-древоделам рубить терема с крылечками да князьками резными, крашеными, с такими травяными завитками на оконных наличниках да на подзорах и причелинах, что выходило просто заглядение.

Вот эту свою ловкую сноровку хитрой резьбы по дереву и старались теперь владимирские и суздальские мастера показать на твердом и неподатливом белом камне.

Нуден и тяжек был этот труд. Писатель XIII века Даниил Заточник упомянул такую народную пословицу: «Лепши есть камень долотити, нежели зла жена учити». И не на каменосечной ли работе родилась печальная песня народная про «бел-горюч камень»?

Русские плотники с древних времен и до нынешнего дня рубят деревянные избы не на тех местах, где им стоять надлежит, а где-нибудь рядом, а потом переносят размеченные бревна сруба на готовый фундамент и кладут их накрепко.

Эту свою сноровку владимирские старинные мастера и приложили к каменной кладке.

В сторонке на земле долотили они камни и плотно подгоняли

один к другому. Так мало-помалу получались по четырем сторонам от фундамента распластанные на земле все четыре каменных стены.

Возле этих разложенных по порядку камней садились самые искусные мастера и выводили на них резьбу, какую главный зодчий либо они сами на камнях углем рисовали.

Малыми скарпелями понемногу сбивали они фон, а сами узоры не трогали, так рисунок получался выпуклым. Ударяли осторожно, ведь один раз неверно стукнешь молотком по рукояти скарпеля, и ненароком отскочит кусок узора — принимайся сызнова за другой камень.

Получались из их искусных рук на камнях резных то листья со стеблями, то звери, то птицы. Случалось, львов, с поджатыми лапами возлежащих, из единого камня высекали.

По христианским обычаям те львы прозывались «неусыпными стражами», их ставили стеречь вход во храм. Но живых львов владимирские камнесечцы отроду не видывали, и получались из-под их скарпелей не львы, а словно коты, да еще улыбающиеся, из той породы пушистых усатых котов, что в боярских теремах на теплых муравленых лежанках нежиться любили, а мышей ловить давно разучились.

Готовые камни подмастерья несли к начатым стенам и вмазывали накрепко.

Все выше и выше возводили каменщики стены. Леса из сосновых жердей ставили. Каждый камень обвязывали веревкой, закидывали веревку через деревянный кругляш — блок и тянули ее. Так поднимался камень кверху, на свое место.

Северная и южная стены немного выступающими плоскими лопатками снизу доверху делились на четыре части, на четыре «прясла» — «щеки». И на каждом прясле каменщики начали ставить узкие, будто молодые, березки, стройные полуколонки; на каком прясле три, на каком две. Издали казалось, будто соединенные арочками шнуры свисали вниз, и каждый такой белокаменный шнур кончался, словно драгоценной подвеской, — либо женской, либо львиной, вернее кошачьей, головой, а то и малым заморским зверьком или птицей; зверек размахивал крыльями, а птица ходила на четырех лапах.

Женские головы были с косами, заплетенными на две стороны, — так причесывались тогдашние девушки. И для каждой головы мастер находил свое выражение лица: эту высекал с тонкими, строго поджатыми губами, а ту выводил толстощекую, улыбающуюся. Словно бы создавали мастера скульптурные портреты своих дочерей.

Из этих свисающих вниз белокаменных, соединенных арками

нескольких шнуров-полуколонок, с львиными и женскими головами, со зверями и птицами на концах шел по всем четырем стенам храма аркатурный пояс.

Главный зодчий знал: коли смотреть издали на поднимающиеся снизу вверх линии лопаток да на эти свисающие шнуры колончато-аркатурного пояса, здание кажется выше и стройнее.

В Германии на некоторых средневековых замках тоже есть аркатурные пояски, но попроще. Может, кто из мастеров строил те замки, а потом явился во Владимир. Русские умельцы и переняли его ремесло, но придумали долотить камни чуднее да искуснее.

Главный зодчий знал и другое: он наказывал выводить и сами стены, и лопатки, и каждую колонку аркатурного пояска кверху чуть поуже. И от этих многих, чуть сходящихся линий все здание опять-таки словно бы возносилось вверх, к облакам.

Выше, выше возводили каменщики стены. Над аркатурным поясом пробежала дорожка из маленьких камешков — поребриков[18]. Еще положили несколько рядов камней, пришла пора оставлять места для окон, узких и высоких, как стрелы, взлетающих к небу, по четыре окна на северной и на южной стене. Полукружиями заканчивали каменщики каждый оконный проем.

Перед тем как начинать крышу ставить, главный зодчий собрал на совет лучших в артели мастеров. Многие старые книги пересмотрели они, перебрали разные чеканные и литые, золотые, серебряные, медные украшения и посуду — серьги, браслеты, кубки, чары, перестелили многие узорчатые ткани и пелены с вышивками. Такие ткани привозили купцы из Царьграда, с далекого Хорезма, из Грузии, из Армении. А рукописные старинные книги присылались из Киева, либо от греков, либо от сербов с болгарами. А драгоценные украшения и посуду собирали со всех земель.

Суздальские мастера увидели на тканях, на металле, на пергаменте рукописных книг предивные изображения неведомых зверей, птиц, цветов, святых, царей, витязей. И взялись они перенести все эти дива на белые камни.

Над иными окнами, под полукружием закомар становился не один такой резной камень, а целая семья. Получались словно бы каменные картины со сказочными зверями, птицами и людьми. Как назывались такие картины, мы не знаем. Затерялось то старое и, верно, меткое русское словцо. А нынешние ученые называют их на иноземный лад — «композициями».

Сюжеты этих композиций главный зодчий выискивал из

древних сказаний и из священного писания.

Из трех камней состояло «Вознесение Александра Македонского». На среднем был изображен сам Александр, держащий в поднятых руках двух маленьких ягнят, а на обоих боковых камнях находились два страшных грифона — два орла с огромными крыльями, с туловищем и лапами льва. И старались те диковинные птицы схватить ягнят; оттого и поднимались они к небу. Древние считали орла царем птиц, льва — царем зверей, а Александра — величайшем государем, повелителем людей, зверей и птиц. Ходило между людьми сказание, будто пожелал он вознестись на небо. И подхватили его крылатые четырехлапые грифоны, и полетел он к самому солнцу. Но показалось ему над облаками чересчур жарко, и повелел он грифонам вернуться на землю. В своем ненасытном властолюбии Андрей Боголюбский сравнивал себя с Александром.

На прочих пряслах главный зодчий поместил композиции на сюжеты из священного писания — «Три отрока в пещи огненной», «Сорок мучеников Севастийских» и другие.

Выше, выше возводили каменщики стены, закругляли полукружья закомар, лопатки заканчивали резными капителями. Каждый из шести столбов внутри храма расширялся наверху и переходил в своды. А в пяты сводов сажали мастера своих любимых белокаменных львов. Притаились львы, положили головы на передние лапы и с улыбкой глядят сверху вот уже девятый век.

Большим искусством обладали каменщики, выкладывавшие своды. Временные деревянные кружала подпирали кладку снизу. Когда же известь высыхала, кружала разбирали, а своды, державшие и крышу и купол, оставались незыблемыми на столетия.

Пока кровельщики прибивали по закомарам кованые свинцовые листы, каменщики начали выкладывать огромный двенадцатиоконный, украшенный узорочьем барабан главы и строили притвор — переход в княжеский терем Андрея. Притвор был белокаменный, с высокой златоверхой крышей, с такими же, как на храме, аркатурными поясками, с тройными резными окнами.

Медники обшивали золочеными листами крышу притвора и купол храма, пускали по аркатурному пояску широкую золотую полосу.

Явились во Владимир из Киева, Чернигова, из дальнего Царьграда искусные мастера-иконописцы расписывать стены внутри храма. «Почата бысть писати церквы в Володимери Золотоверхому», — говорит летопись.

И выстроились по стенам и столбам один за другим строгие бородатые апостолы и святые в длинных разноцветных одеждах. Два ангела, сложив крылья, держали в руках тонкие, словно копья, трубы. Один ангел трубил вниз, в землю, другой трубил вверх, в небо. Трубными звуками они должны были пробуждать мертвых, и те вставали из своих могил. Бог творил Страшный суд, низвергал грешников в ад, рогатые черти подхватывали их и тащили в огонь, а перед праведниками открывались райские двери.

Много золота и серебра привез Андрей после набега на Болгарское царство. Начали златокузнецы-чеканщики, литейщики, финифтяные мастера лить, ковать, украшать узорами сосуды церковные, оклады на книги и иконы, кресты, подсвечники и всякое другое, потребное для богослужения. Златошвеи вышивали золотом и серебром ризы и пелены. Ценинных дел мастера в печах обжигали узорные поливные плитки для пола. Переписчики священных книг, не поднимая голов, не разгибая спин, сидели в особой, «книжецкой» палате и писали гусиными перьями. А самые из них искусные брали колонковые и беличьи, тончайшие, в семь волосков, кисточки, макали их в блюдечки с лазоревой, алой, зеленой, золотой, разведенной на яичном желтке краской и выводили затейливые заглавные буквы, раскрашивали мелкие картинки, какие мы теперь называем «миниатюрами».

Но летописец не заметил всех этих столь умелых мастеров, для него был один строитель, один мастер — князь… Рассказывает летописец: «Князь же Андрей… доспе церковь камену сборную <соборную> святыя Богородица пречюдну вел ми и всеми различными видами украси ю от злата и сребра… каменьем дорогымь и жемчюгом украси ю многоценьным и всякыми узорочьи удиви ю».

Чтобы умножить богатства храма, Андрей «дал ей много именья и слободы купленыя и з даньми, и села лепшая, и десятины в стадех своих, и торг десятый».

Андрей обладал несметными богатствами, и ему ничего не стоило отдать в пользу храма десятую часть своего имущества. Он наложил на торговцев пошлину — десятую часть их доходов, а свободных хлебопашцев из «лепших» (лучших) сел превратил в невольников.

Часто наезжал он со своей свитой и шел смотреть, как воздвигаются стены храма. Обходил он кругом и раз и два, заворачивал к камнесечцам, оглядывал разложенные на земле по порядку камни — будущие четыре стены храма.

Мастера сидели один подле другого, и каждый из них бил

молотком по скарпелю. И казалось Андрею — то колокольцы перезванивались, то играла пастушья свирель, то гудели гусли сказителя.

Не хотел он замечать, что сидели те камнесечцы оборванные и босые, лица их были серые, рты обвязаны тряпками, а воспаленные глаза слезились. То один, то другой выпрямлял спину, отнимал тряпку ото рта и кашлял, сплевывая кровь.

Знал Андрей, что продолотит иной камнесечец год и два, иные пять лет и помрет злой болезнью. Жалел он тех, кто особо искусно высекал, не сразу находилась замена такому умельцу.

Подошел к Андрею главный зодчий, сказал, что ропщут иные каменщики, не хотят глотать известковую пыль.

Князь повелел сказать таким непутевым, коли будут еще пустословить, найдется на них управа — либо кнут, либо темница.

Поклонился зодчий и прочь отошел. А Андрей шаг направил на самый гребень обрыва и остановился там. Свита отошла, а он, гордый и суровый, сдвинул брови, скрестил руки и окинул взглядом необъятные просторы.

Где-то на западе из далекой голубой дымки возникала полноводная Клязьма. Извиваясь, текла она по лугам и меж кустами, подходила под гору и вновь исчезала на востоке в голубой дымке. А за рекой, по холмам и далям, тянулись необозримые, как море, леса.

Угадывал Андрей, где прячутся с детства знакомые, невидимые за лесами ручьи и озерки — старицы Клязьмы; там в юные годы он охотился. И светлело в раздумье его лицо.

Шел он к златокузнецам, не гнушался спускаться в их закоптелые кузницы, к их мехам и наковальням. Лучшие и хитрейшие мастера чеканили, ковали и лили золотой оклад к его святой покровительнице, к иконе Владимирской богоматери. Один мастер щипчиками впаивал в венчик оклада малые, меньше просяного зернышка, золотые раскаленные шарики, тончайшие золотые проволочки, другой золотом писал дивных птиц с цветами в клювах, третий выбивал гнезда для бурмицкого жемчуга, для зерен бирюзы и яхонтов.

Летописец написал про икону:

«И вкова в нее боле 30 гривенок злата, кроме сребра и драгаго камения и женчюга, и украси ю, постави в церкви своей в Володимери…»

Так на семь с половиной веков затворилось от людского взора бессмертное творение неведомого художника.

За три года в стольном граде Владимире поднялся

белокаменный собор в память Успения богородицы. Жарким пламенем горел он на солнце, виден был за много верст.

На Успеньев день, 15 августа, шли богомольцы по Суздальской и по Юрьевской дорогам, любовались, как из-за горы выплывал золотой купол, точно солнце всходило. И казалось им, будто поднялся храм на самое небо.

Шли богомольцы и по Муромской дороге; между ними брел седобородый дед, некогда воевавший в полку Мономаховом под Киевом с половцами. Был он в темном домотканом кафтане, в новеньких лыковых лаптях. Сбоку его кафтана болталась на веревочке киса с двумя шкурками собольими, какие собирался он выменять в городе на разные гостинцы заморские.

Издалека увидели богомольцы — вся краса стольного города Владимира предстала перед ними на Клязьминских горах. Раскинулось перед их смущенными взорами не то сказочное тридевятое царство, не то божественный рай. Деревянные стены со многими островерхими башнями, с белокаменными воротами опоясывали горы, то извиваясь по склонам, то спускаясь в овраги. Тьма-тьмущая деревянных церквей и боярских теремов поднимали к небу свои островерхие князьки и кресты.

На одной горе стояла старая церковь Спаса, что построили из розовой плинфы еще при деде Андреевом Владимире Мономахе. На другой горе высился белокаменный храм Георгия Победоносца. А поблизости, на склоне, будто лебедь белая, красовалась недавно рожденная зодчими Андрея белокаменная церковь Спаса «толико чу́дна, якова не бывала и потом не будет»[19].

А на самой высокой горе сверкал на солнце «предивной красоты» Успенский собор.

— Дед, а дед, который град славнее — Владимир или Киев? — спросили богомольцы.

— Киев славен, а слава Владимира превзойдет Киев и вознесется на небо, — отвечал дед.

Богомольцы переплыли на челноках Клязьму, через Волжские ворота поднялись на гору в Новый город, оттуда через Торговые ворота проникли в старый Печерний город Мономаха и подошли к Успенскому собору. Они подивились на его высоту и узорочье, перекрестились и вошли внутрь.

Лучи солнца сквозь многие окна главы, сквозь окна восточной стены золотыми прозрачными мечами протянулись внутри храма наискось. И заискрились драгоценные каменья на окладах, на ризах священнослужителей. Горело множество свечей в подсвечниках, горели лампады, сияли паникадила.

Народу было полным-полно. Служил сам епископ Ростовский

Федор в золотом саккосе, в золотой, сверкающей жемчугом и драгоценными каменьями митре. Двое отроков в золотых стихарях с трудом поднесли дьякону огромное в золотом окладе Евангелие. Чернобородый дьякон, весь сверкающий золотом, начал читать, и голос его был подобен грому. Сладкозвучное пение невидимых певчих слышалось с обоих клиросов.

Дедушке показалось скользко стоять на гладком полу из медных золоченых плит. Он подвинулся к столбу, поскользнулся и чуть не упал на разноцветные, словно играющий красками ковер, поливные плитки, какими был выложен пол возле столбов.

Кто-то ткнул его в бок, чей-то голос прохрипел сзади: «Проходи, старче».

Через весь храм были протянуты две толстые пеньковые веревки, на них висели шитые золотом парчовые и шелковые церковные и княжеские «порты» (одежды и ткани). Между рядами тканей, как между полотнищами золотых шатров, двигались богомольцы, подгоняя один другого. Шли они поклониться иконе Владимирской богоматери, что была вделана слева от деревянных, невиданной тончайшей резьбы, многоцветных царских врат. И колыхались от движения толпы людей и от огня свечей и лампад сверкавшие на солнце драгоценные златотканые пелены.

Дедушке удалось втиснуться в людской поток, он подошел к иконе, поклонился, перекрестился, поцеловал холодный угол ризы, который успели до него поцеловать тысячи богомольцев. Из-за блистающего золотом оклада на один только миг глянули на него невыразимо печальные глаза богородицы. И дрожь пробрала старика.

Пошел дедушка к боковому выходу, посмотрел наверх и увидел высоко над главным входом на полатях (на галерее) самого князя Андрея Боголюбского.

Статный, широкоплечий, гордо и прямо стоял князь в лазоревой, вышитой золотом длинной одежде, и черные очи его грозно сверкали из-под сдвинутых бровей. Рядом с ним стояли три мальчика, три его юных сына, один другого краше и наряднее, сзади виднелись хмурые и надменные бояре и ближние мужи.

И подумал дедушка: «Бога-то не видно. Он высоко в небе. А тут на земле грозный владыка, князь Андрей Юрьевич Боголюбский. И нет ему равного на Руси по богатству и могуществу».

Вышел дедушка на паперть сам не свой, а там стоял важный дьячок в стихаре и гудел: «Подайте, люди добрые, на украшение храма». Дедушка положил рядом с ним на лавку обе собольи

шкурки.

Вернулся он в свою захудалую деревеньку. Избушка у него была низкая, окошки — только руку просунуть, дымом закоптели черные стропила, державшие дерновую крышу.

Полуголые внучата, что в тряпье на полатях копошились, подползли к деду со всех сторон.

— Дедушка, дедушка, какой ты нам гостинец принес?

— Ничего не принес, не на что было купить, — вздохнул старик и добавил: — Побывал я на седьмом небе…

Пошла слава по всей Руси о великолепии белокаменного златоверхого Успенского собора во Владимире. Затмил он своей красой, богатством и величием прочие храмы на Руси.

Начались возле иконы Владимирской богоматери «чудеса». И творились эти чудеса не где-то в заоблачных высях, а рядом, на улицах, в садах и дворах.

Приехала из Твери знатная боярыня, больная, умирающая, поцеловала ризу у святой иконы и сразу поправилась.

— Чудо сотворила богородица! — восклицали попы Микула и Нестор и тотчас же начали служить благодарственный молебен.

Исцелился больной «огненной болезнью», у сухорукого рука задвигалась, маленькая внучка боярина Словуты выздоровела, полотнища Золотых ворот упали и никого не придавили. «Чудеса» следовали одно за другим. Чудо явилось и к самому попу Микуле во двор. Бешеный жеребец погнался за Микулиной попадьей, ей едва удалось от него спастись. И опять поспешили отслужить благодарственный молебен.

Кузьмище Киянин все старательно записывал в свою книгу «Сказания о чудесах иконы Владимирской Богоматери».

Дальнейшая судьба этого величайшего произведения древней живописи так сложилась: много раз грабили собор войска завоевателей — и русских князей и татар, сдирали каменья с окладов. Неоднократно собор горел, и каждый раз икону первой выносили наружу и спасали.

Когда в 1395 году один из самых беспощадных покорителей царств и народов, хан Тамерлан, вторгся в пределы Московского государства, икону привезли в Коломну. Тамерлан дошел до города Ельца, но получил известие о восстании в своей столице Самарканде и повернул обратно.

«Богородица заступилась за землю Русскую, спасла от страшного нашествия» — так объясняли эти события простому народу священнослужители.

По велению митрополита Московского икону не возвратили во Владимир, а «с честью и славой» (владимирские летописцы добавляли: «и с великой скорбью») перенесли в Москву и

поставили в Кремле в Успенском соборе на самом почетном месте, налево от царских врат.

Четыре раза в течение столетий иконописцы покрывали ее новыми красками, а златокузнецы замуровывали в новую темницу, прятали под вдвое драгоценнейший оклад, усыпанный бóльшим числом редких каменьев. Духовенство прославляло икону как «чудотворную», называло ее «величайшей русской святыней».

А в первые годы революции, действительно, произошло чудо! Сняли несметно богатый оклад, счистили, смыли с кипарисовой доски многовековую копоть, пыль и позднейшие слои красок и олифы.

И предстала перед восторженными взорами людей в своей первозданной прелести молодая женщина-мать с печальными глазами. Склонив голову, она держала на руках нежно любимого сына. Подобные иконы богоматери именуются «Умилением».

В Третьяковской галерее, в отделе древнерусской живописи, налево у окна, на отдельном стенде находится сейчас эта икона. Она совсем небольшая, и можно пройти мимо нее, не заметив. А кто увидит ее, невольно остановится перед нею. И вспомнит, быть может, всю многовековую бурную судьбу ее еще с тех времен, как прибыла она из-за Черного моря на землю Русскую.

Эта икона одна из первых художественных ценностей нашей страны, она не уступает лучшим полотнам Рафаэля, Леонардо да Винчи, Рембрандта, Веласкеса…

Посол солнечной Грузии

Весной 1165 года ярко раскрашенные ладьи медленно плыли по реке. Посольство было многочисленным. Оно направлялось в город Ульдемир, где правил могучий государь князь Андрей. Слава о богатстве повелителя Ульдемира через леса, степи, моря и горы долетела до солнечной Грузии.

Плыть против течения было тяжело, полуобнаженные рабы-гребцы с трудом налегали на весла. На первой ладье плыл сам

посол, он вез дары князю и его вельможам, на других ладьях находились свита, воины охраны и купцы, которые везли шелковые ткани, вино, пряности.

Путь посла был долог и опасен, морские бури Гирканского (Каспийского) моря трепали суда. На реке Итиль (Волге) путешественников подстерегали разбойники.

Проплыли ладьи мимо обгорелых развалин столицы Болгарского царства; послу объяснили, что это воины храброго князя Андрея год назад сожгли и разгромили город.

Из полноводной реки Итиль путешественники повернули в не менее полноводную реку Окун и вновь свернули в широкий приток, название которого посол не запомнил.

Один берег был высокий, другой низкий. На обоих берегах росли невиданной толщины и высоты дубы и вязы. Казалось послу — их густолиственные вершины вздымались до самых облаков.

Много дней плыли ладьи по неизвестной реке. Плескались огромные рыбы, стаи гусей и уток поднимались к небу, пытливые бобры высовывали из воды свои черные морды, подходили к берегу медведи и лоси.

Однажды, когда солнце уже склонилось к закату, за поворотом показались деревянные, недавно построенные хижины. Посол приказал пристать, собираясь расставить шатры и заночевать.

Из ближней хижины вышел высокого роста рыжебородый лохматый человек с дубиной. Он сказал, что послу незачем плыть в город Ульдемир, ибо князь Андрей построил себе дворец, храм и крепость на этой же реке, но ближе Ульдемира.

Утром путешественники направились дальше и по прошествии трех дней пристали к берегу в том месте, где ме́ньшая река впадала в ту, по которой они плыли.

Внимание посла привлекло множество людей, босых и в лохмотьях, которые носили землю плетеными корзинами и насыпали большой холм.

Он подошел ближе и увидел, что трудятся не одни землекопы, но и каменщики. По мере того как ряды камней поднимались все выше, между рядами насыпали землю и плотно трамбовали ее, ударяя толстыми поленьями. Так постепенно рос земляной холм; под его насыпью скрывались только что возведенные каменные опоры.

— Что же столь необычное тут строят? — спросил посол.

Ему объяснили, что прошлым летом в битве с болгарами был тяжело ранен и вскоре умер старший сын князя Андрея Изяслав. И потрясенный горем повелитель Ульдемира в память погибшего

приказал воздвигнуть храм. Строят пленные рабы-болгары и холопы с деревень, принадлежащих князю и боярам. Но берег здесь низок. Каждую весну от таянья снегов реки разливаются по лугам, и потому приходится насыпать холм. На этих скрытых внутри холма рядах каменных опор и будет выситься храм в честь богородицы.

Подскакали всадники. Они вели в поводу несколько оседланных коней. Ехавший впереди нарядно одетый вельможа отделился от остальных и направил своего коня к послу. Это был родственник княгини Петр Кучкович.

Процессия двинулась. Впереди ехали посол и Петр Кучкович, за ними их свиты, на вьючных лошадях везли подарки. Через толмача-переводчика Петр Кучкович рассказывал послу о всем том, что перед ним предстало.

Выехали они из вязовой рощи на луг и издали на невысоком холме увидели ослепительной белизны город. Над земляными валами шли белые каменные стены с четырехугольными островерхими башнями. Из-за стен виднелись белокаменные здания и высился храм с золотым куполом.

Через белокаменные ворота всадники въехали в город и спешились посреди площади. Посол оглянулся. Налево стоял дворец — обиталище самого князя, белые стены так сверкали на солнце, что посол невольно прищурился. Нижний этаж был почти без украшений. Тут находились разные службы, склад оружия, караульная. А выше, между тройными окнами, спускались вниз узкие белокаменные полуколонки.

Крыша, покрытая золочеными листами меди, была высокая и крутая, с кружевными узорами по верху и по карнизу.

Справа ко дворцу примыкал белокаменный крытый переход, который вел в высокую башню. На ее крыше красовался золотой длиннохвостый петух. Другой крытый переход шел через второй этаж башни и заканчивался на втором этаже храма.

За свою долгую жизнь посол видел в Хорезме, в Византии, в Персии многие храмы, прославлявшие разных богов и богинь. Были те храмы и обширнее и выше. Он вспомнил древнее библейское сказание о мудром царе Соломоне, который воздвиг в Иерусалиме огромный и самый роскошный храм на свете.

И посол подумал, что князь Андрей, повелев построить столь прекрасное белокаменное святилище с башней, с княжеским дворцом, замыслил сравняться с самим властителем Иудеи.

Посол увидел перед дворцом высокий четырехгранный столп, увенчанный капителью. На каждой грани было высечено по изображению девы. Он вспомнил, что, по преданию, подобный же столп высился и перед храмом Соломона.

Он еще раз окинул взглядом все здания, и ему показалось, словно белый сокол опустился на землю, распластав свои белоснежные крылья. Линии перьев на соколиной груди и на крыльях тянулись либо снизу вверх, либо закруглялись, а золотая глава храма напоминала солнце, всходившее из-за моря.

Как и дворец, нижний этаж храма был почти без украшений; только вокруг высокого полукруглого входа с окованными медью дверями тянулась кружевная резьба по камню, а стены как бы опирались на каменные соколиные когти, впившиеся в землю. Над маленькими узкими окнами и над входом шел поясок полуколонок, издали напоминавший бахрому дорогой ткани.

Словно белокаменным резным ковром был покрыт второй этаж храма. Три узких и высоких окна прорезали этот ковер, а над каждым окном были вставлены выпуклые каменные изваяния неведомых зверей и птиц или женских голов. А над крышей вздымалась к небу узорчатая многооконная глава большого, крытого золоченными листами меди купола с крестом наверху. И сиял тот купол подобно драгоценному шлему.

Посол заметил далеко выступающие вперед изваяния каменных псов. Псы сидели на крыше в пазухах между полукружиями, вытянув передние лапы, а между лапами шли желоба для стока воды. Посол заметил, что и по всей мощенной каменными плитами предсоборной площади также были проложены желоба.

Он остановил свой взор на маленьком изящном белокаменном шатре перед собором: островерхий, увенчанный крестом балдахин его опирался на восемь тонких белокаменных колонок. Под балдахином находилась большая каменная чаша с водой.

Петр Кучкович объяснил послу: когда была закончена постройка дворца и храма, князь Андрей приказал воздвигнуть этот каменный шатер, называемый киворием. В чашу была налита «святая вода», якобы исцеляющая больных.

Петр Кучкович повел посла и его спутников в храм. Но они направились не через главный вход, а поднялись по узкой витой каменной лестнице внутри башни.

Послу было непривычно подниматься, склонив голову, по крутым, чересчур высоким ступеням. Его спутники, несшие дары, шли сзади, также нагнувшись. Поднялись на второй этаж башни и через короткий крытый переход вступили в храм на его верхнюю галерею.

Петр Кучкович сказал, что князь Андрей примет посла здесь.

Посол подошел к медной кованой ограде. Отсюда, сверху, вся внутренность храма была ему хорошо видна. Четыре круглых

белокаменных столба поддерживали своды. Золото сверкало везде. Оклады икон, хоругви и мелкие украшения горели золотом и драгоценными каменьями. Пол храма был устлан медными плитами, а поперек стен шел пояс медных листов.

Посол понимал, что привели его сюда, на галерею, дабы показать могущество и блеск государя земель Ульдемира. По самому своему званию посольскому ему нельзя было ни перед чем увиденным и услышанным выказывать свое удивление, и потому он счел за лучшее молчать.

Петр Кучкович объяснил ему, что князь Андрей каждый день приходит сюда, на галерею храма, прямо из своего дворца, не спускаясь вниз на землю. Здесь он молится. Богородица любит его, благодаря ее покровительству стал князь Андрей столь могучим государем. Потому и строит он храмы в честь богородицы. Один храм здесь, возле своего дворца, другой в своем стольном городе Ульдемире, третий на берегу реки, где сегодня пристали грузинские ладьи.

И еще сказал Петр Кучкович послу, что у деда и отца князя большие палаты, называемые гридницами, там они пировали с ближними боярами и дружинниками и держали с ними совет о важных делах, там же они принимали послов. В молодости и князь Андрей следовал старым обычаям, любил пировать со своими мужами. Но с тех пор как выстроил он здесь, в Боголюбове, дворец без гридницы, перестал устраивать пиры, на охоту без бояр и дружинников ездит и ни с кем не вершит совета. Все дела решает он сам в одиночестве и говорит, что одна у него советчица — богородица.

Хотя беседа велась через толмача, в голосе Петра Кучковича наблюдательный посол уловил недовольство.

Тут скорыми шагами вошел князь Андрей с двумя юношами-сыновьями и со свитой. Все тотчас же смолкли, наклонили головы.

Повелитель Ульдемира был в длинной, светлой, расшитой золотыми листьями одежде, в богатом длинном плаще, скрепленном у ворота большой золоченой пряжкой. Вельможи князя носили более короткие одежды, расшитые серебром или цветными нитками. Князь быстро сел на резное позолоченное кресло.

Посол взглянул на его грозное лицо, невольно ощутил робость, приблизился, поклонился поясным поклоном и правой рукой коснулся пола. Спутники посла также приблизились и, встав на колени, положили перед князем богатые и многочисленные дары.

Князь только мельком бросил взгляд на драгоценные

серебряные сосуды, на куски шелковых и парчовых тканей, на высокие глиняные корчаги с вином. Небрежным жестом он пригласил посла сесть на скамью перед креслом. Все остальные заняли места на лавках вдоль стен. Толмач встал возле посла.

Зычным и отрывистым голосом князь расспрашивал посла о Грузии: кто правит той страной, какие там города, дворцы, храмы, какие реки текут, что возделывается на полях, какие звери и птицы водятся, чем занимаются жители, чем торгуют и с какими странами? Когда же толмач, не сразу находя нужное слово, замолкал, князь нетерпеливо стучал рукой по подлокотнику кресла.

Повествуя о своей стране, посол временами останавливал взор на обоих юных красавцах княжичах. Он подробно говорил о славном повелителе Грузии царе Георгии Третьем, о его единственной дочери и наследнице, семилетней царевне Тамаре, о ее сияющей, подобно утренней заре, красе, о ее мудрости змеи, доброте голубицы, о стройном, подобно тростинке, стане.

Князь особенно пристрастно расспрашивал о царевне. Любит ли она охотиться, читать книги, слушать песни, часто ли она молится? Его не смущал юный возраст царевны, дума была у князя большая: вот живет за реками, за морями, за горами народ христианской веры, видно, богато живет, направить бы в ту страну своих послов да купцов. Торговать с тем народом будет прибыльно, а с царем той страны и породниться почетно.

Когда же беседа окончилась, посол пошел в отведенные ему покои. А через неделю, щедро осыпанный подарками и с подарками для царя Георгия и для царевны Тамары, теми же реками отправился он в обратный путь.

Перед отплытием ему удалось поохотиться с молодыми княжичами и побывать в городе Ульдемире, полюбоваться тамошними белокаменными храмами, могучими стенами и воротами.

Вернувшись в Грузию, он много рассказывал царю Георгию о своем долгодневном путешествии в далекую сказочную страну руссов, о могучем, богатом и мудром христианском государе той страны, князе Андрее, о построенных им дивных, подобных храму Соломона, зданиях из белого камня.

А в отдельной тайной беседе с царем он подробно описал красоту, удаль и добрый нрав двух юных сыновей князя. Пройдет немного лет, и каждый из княжичей стал бы достоин руки царевны Тамары.

Конец повелителя Владимирского и Суздальского

Сгорела в Ростове деревянная церковь, о коей летописец, как и об иных других церквах, теми же словами повторил, что была она «толико чу́дна, якова не бывала и потом не будет». И обратились ростовские бояре к князю Андрею: «Помоги нам поставить новый храм, но не хотим деревянного, а хотим из

белого камня».

Андрей прислал в Ростов строителей, но не самых искусных: лучшие мастера заняты были во Владимире и в Боголюбове.

Ростовцы сперва захотели строить четырехстолпный храм. Но когда начали возводить стены, узнали они, что во Владимире строится храм о шести столбах, и сказали друг другу: «Наш город древнейший, не годится, чтобы церковь в мизиньном Владимире затмила бы нашу».

По воле боярской возвели мастера в Ростове белокаменный собор больше владимирского Успенского. Когда копали землю, нашли гробницу. Кто-то пустил молву: «То останки епископа Леонтия».

А Леонтий некогда был убит в Ростове еще о ту пору, когда поклонялись ростовцы Перуну, Велесу и другим деревянным идолам.

Сам князь Андрей со своей дружиной и с попами Микулой и Нестором прибыл в Ростов на освящение нового храма. Духовенство провозгласило Леонтия святым.

Ростовские бояре решили: видно, князь сменил прежний гнев на милость, помириться с ними хочет. А иные затылки зачесали — не лукавит ли князь: святым хочет назвать того, кто убит был их бояр дедами и прадедами. Поговаривали, что положено на Руси объявлять святых благословением верховного владыки церковного — патриарха Византийского, а вовсе не княжеской властью устанавливать. Но разговоры такие вели ростовские бояре втихомолку.

Далеко вперед мыслил Андрей. Был он государственным мужем большого ума и понимал, что лишь единая Русь сможет успешно отражать нападения иноземных врагов, станет могучей, непобедимой.

Непомерное честолюбие переполняло его: перст божий указал на него — он, князь Владимирский и Суздальский, должен взять в свои руки власть над всей Русью, над князьями, боярами, посадскими и хлебопашцами всех княжеств и городов. И священнослужители тоже должны по его воле ходить.

Но понимал он, что не за один год сможет он осуществить свои замыслы.

А Византия, наоборот, с давних лет мыслила видеть по соседству Русь слабую, расчлененную на многие враждующие меж собой княжества. Митрополиты киевские почти все были греки по происхождению, держали они руку Византии, греческого императора и греческого патриарха. Вот почему властолюбивый Андрей враждовал со ставленником Византии митрополитом Киевским.

Назначил митрополит в Ростов епископом грека Леона. Как прибыл Леон в Ростов, так по-своему стал править: посадских людей, какие ему неугодными казались, в темницы ввергал и до самих бояр начал добираться.

Узнал Андрей о таком своеволии Леона и приказал ему немедля выехать из пределов княжества в Киев, а епископский жезл отдал верному Федору, но повелел ему жить во Владимире.

Киевский владыка это княжеское самоуправство не хотел признавать, однако до поры до времени затаил свою обиду…

Было предание: жили в IX веке в Византийской империи святой Андрей Юродивый и его ученик Епифаний. Во время осады Царьграда сарацинами молились они во Влахернском храме о спасении города. И будто бы явилась им на облаках сама Богородица и простерла над христианами «Покров», то есть пелену. И увидел Андрей Юродивый, что сверкала та пелена ярче молнии. Рассказал он о своем видении осажденным. Приободрились греческие воины и с оружием в руках пошли на сарацин. Те испугались и отступили без боя.

Близкие к Андрею священнослужители говорили: раз князь получил имя того святого, значит, Богородица простирает теперь свой «Покров» над землей и над их князем.

И объявил Андрей своей властью особый владимирский праздник Покрова Богородицы. А Киевский митрополит этот праздник не признал и запретил его отмечать.

Год сменялся годом. Глухая тайная борьба продолжалась между Андреем и митрополитом Киевским. Духовные пастыри хвалили Андрея за то, что храмов много поставил, но корили его — зачем власть свою выше церковной полагает.

Сидел о ту пору на Киевском великокняжеском столе двоюродный брат Андрея Ростислав Мстиславич Смоленский — убеленный сединами и мудрый, все почитали его. Не решился Андрей идти против него.

В 1168 году умер Ростислав. Киевляне, минуя всякое старшинство, без согласия Андрея, по совету митрополита позвали великим князем Мстислава Изяславича. С отцом его Изяславом много лет враждовал еще отец Андрея.

Разгневался Андрей — почто киевляне избрали князя против его воли? С давних битв полагал он того Мстислава своим лютым врагом.

И вскоре пришла к нему весть: повздорили сыновья покойного Ростислава с новым киевским князем.

Понял Андрей — настала пора выполнять свои властолюбивые замыслы, пришло его время вынуть меч из ножен. Стал он собирать князей-союзников, к половцам послал гонцов.

Одиннадцать союзных князей из разных городов двинули свои полки на Киев. Сам Андрей воевать не пошел, а во главе полков поставил сына своего, которого также звали Мстиславом.

Летом 1169 года окружили осаждающие киевляне стены со всех сторон. Увидели киевляне: не будет им пощады за убитых после смерти Юрия Долгорукого суздальцев, за многие другие обиды.

В прежние годы, когда во время усобиц сменялись князья в Киеве, биться выходили полки за городские стены. А теперь сказали все одиннадцать князей своим воинам:

— Возьмете город — золото, вино, жены на три дня — все ваше!

Отроду не бывало того, чтобы стены матери городов русских брали приступом «на щит».

И пошли русские люди на русских людей проливать кровь русскую, грабить и жечь. Никому не давали пощады — ни богатому, ни бедному, мужей убивали, жен вязали, жгли терема златоверхие бояр и землянки посадских, не щадили и церкви. Ворвались они в Софийский собор, поснимали ризы с икон, содрали драгоценные каменья с окладов. А половцы зажгли Печерский монастырь, да монахам удалось затушить пожар.

«И весь Киев пограбища и церкви и монастыри за три дни, а иконы поимаша и книги и ризы» — так заключает летописец свой исполненный ужаса и скорби рассказ.

Вернулся во Владимир сын Андреев Мстислав с честью и славой, а иные летописцы добавляют — «и с проклятием».

Униженный лежал стольный златоглавый Киев перед победителем — князем Андреем. Но он даже не пожелал взглянуть на пожарище.

И вся земля Русская поразилась: князь Андрей Юрьевич Боголюбский, старший из князей Мономахова рода, не захотел назваться великим князем Киевским, а отдал Киевский стол брату своему младшему Глебу.

Не от смирения христианского и не от гнева на Киев отказался он владеть Златоглавым. Знал он, никогда не простят ему киевляне кровь своих близких, погорелые и разоренные жилища.

И спросил он самого себя: где золотой стол его встанет могущественнее и безопаснее? В том ли поверженном граде, где его воины столько людей погубили? В том ли чужом Киеве, где бояре и посадские будут ненавидеть его пуще, чем отца ненавидели? В том ли Киеве, где по ближним городам сидят родичи-князья, коим в душу не влезешь — враги ли они или други?

Далеко вперед смотрели очи Андрея. Понимал он, что слава древнего Киева — матери городов русских — меркнет от года в год перед славой Владимира.

И еще была причина во Владимире остаться: огненной любовью любил он свой град белокаменный, что построил на клязьминских берегах. Неужели достанется та краса младшим братьям его?

И решил он не ехать в Киев, будет из своего Боголюбовского дворца держать в страхе и послушании всех князей русских, всю землю Русскую…

Далеко на севере, на реке Волхове, стоял славный и вольнолюбивый город — Господин Великий Новгород.

Земли суздальские соседними были с новгородскими. Захотел Андрей, чтобы и новгородцы по его воле ходили.

Сидел там князем Роман, сын ненавистного, изгнанного Андреем из Киева Мстислава Изяславича. Был Роман молод и отважен, и любили его новгородцы. Но для Андрея сын врага тоже являлся врагом. Повелел он новгородцам изгнать Романа, но они его не послушали.

Осенние ветры подули. Прямо из побежденного Киева пошли вверх по Днепру по воле Андрея полки суздальские и прочие. Миновали землю Смоленскую, «неготовыми» дорогами вступили на землю Новгородскую, пожгли, пограбили многие села и погосты, подошли к Новгороду, поставили шатры вокруг него со всех сторон.

Знали новгородцы, как измывались Андреевы воины над Киевом, крепко заперли они кремлевские ворота, порешили защищать святую Софию, пока последняя рука меч держать будет. Мудрый посадник Якун и юный князь Роман во главе их войска встали.

И день, и другой, и третий, и десятый ходили Андреевы полки на приступ. Засыпали рвы землею и бревнами, приставляли лестницы к стенам, лезли наверх. А новгородцы из-за стен метали в них стрелами, камнями, лили горячую смолу и кипяток.

Отражали осажденные все приступы. Но к исходу подошли у них запасы хлеба, поели они всех кошек да собак. И поползли по городу моровые болезни.

В церквах новгородских молились богородице старики и женщины, просили даровать победу. Молва ходила по городу, сам епископ Илья и другие священнослужители в трех церквах видели, как из ликов трех икон слезы текли.

Пошел мор и в войсках осаждающих, кони начали падать. И там в походных шатрах тоже молились богородице, просили,

чтобы даровала она им победу.

От отчаяния, от голода решились новгородцы на ночную вылазку. Спали сном крепким осаждающие, когда ворвались новгородцы в их стан. Страх обуял захваченных врасплох, побросали они награбленное добро и с великим позором побежали куда глаза глядят. Много пленных захватили новгородцы. Потом продавали они их, как говорит летописец, «по две ногаты»[20].

Служили в освобожденном Новгороде торжественные молебны. Говорил епископ Илья: «Богородица даровала нам победу».

И с тех пор в Новгороде, а потом и по всем другим городам русским стали по церквам отмечать праздник Знамения.

Ужаснулся Андрей, как узнал, что с его полками стало, каждый день молился. В страшном неистовстве, покрываясь холодным потом, стукался он лбом о каменный пол, со слезами молил богородицу простить его за осквернение киевских святынь, снять с него великий грех.

И невдомек было набожному князю, что в новгородской неудаче не грехи его погубили войско, а замахнулся он чересчур в своем безмерном властолюбии. Не пришло еще время для Руси единой.

Год прошел и другой. Окружил Андрей себя слугами пришлыми с разных земель. Ключником у него был Анбал, родом яс (с Северного Кавказа). Хазарин Ефрем Мойзич ведал его кухней, многие другие иноземцы служили ему. Из русских только троих приветил он — мечника Михну, любимого отрока Прокопия да грамотея Кузьмищу Киянина. Прокопий чистил кольчугу с наколенниками и оплечьями и златокованый шлем, что византийские мастера сковали еще деду Андрея Владимиру Мономаху, Михна точил меч харалужный с драгоценной рукоятью. Тот меч, по преданию, принадлежал пращуру Андрея, святому князю Борису. Кузьмище на листах пергамента прославлял деяния повелителя Владимирского и Суздальского.

В 1171 году нежданно-негаданно скончался брат Андрея Глеб — великий князь Киевский.

По воле Андрея сел в Киеве, помимо других старших князей, сын его покойного двоюродного брата — Ростислава — Роман Ростиславич.

И тут приползла к Андрею злая весть из Киева: «Не своею смертью помер твой брат Глеб, а отравили его киевские бояре — тысяцкий Григорий Хотович, Степанец и Олекса».

Направил Андрей посла в Киев с повелением — выдать ему на суд виновных бояр.

А Роман не знал на них никакой вины. Позвал он братьев своих: Рюрика, Давида и Мстислава — на совет, и решили они ослушаться дядю.

Второго посла направил Андрей племянникам Ростиславичам: «Не хотите ходить по моей воле, ступайте вон из Киева в свои прежние города».

Испугался Роман, покорно ушел из Киева в свой родной Смоленск, а младшие его братья остались. Занял Киевский стол Рюрик Ростиславич.

Третьего посла направил Андрей в Киев. Поехал любимый его мечник Михна, что служил своему князю верой и правдой много лет.

Дан был строгий наказ Михне сказать ослушникам Ростиславичам: «Вы, Рюрик и Давид, возвращайтесь в свои города, а ты, Мстислав, вовсе уезжай в чужедальние страны — куда хочешь». Прослышал Андрей, что похвалялся Мстислав: «Никого я не боюсь, кроме бога», — оттого и гневался Андрей на него пуще, чем на других племянников.

Братья Ростиславичи вознегодовали: «Что дядя смотрит на нас как на каких-то подручников[21]. Мы с ним одного рода-племени».

По приказу Мстислава Ростиславича связали того мечника Михну, обрили ему голову и бороду и отпустили обратно во Владимир.

И сказано в летописи, как увидел Андрей своего опозоренного слугу, так «от гнева весь распалился».

Послал он гонцов ко многим князьям — собирать полки, идти походом на ослушников Ростиславичей. Поскакали гонцы по городам, ближним и дальним, до берегов Припяти и Немана добрались.

Иные князья с охотой оседлали коней. Сулил им Андрей новые города, обещал богатую добычу. А иные шли с оглядкою — боялись гнева Андрея. Роману Смоленскому тяжкая доля досталась — на братьев родных меч обнажать.

Собралась рать невиданная. Двадцать князей привели на берега днепровские свои полки. Опять Андрей остался в Боголюбове. Соединенные войска повел младший его сын, Юрий. Наказал ему отец схватить дерзкого Мстислава непременно живым и доставить целым и невредимым во Владимир. Не говорит летописец, какие страшные муки и пытки готовил Андрей непокорному племяннику.

Братья Ростиславичи увели полки из Киева. Затворился Мстислав со своим войском и с войском брата Давида в ближнем Вышгороде. Давид поскакал на Волынь и в Галич уговаривать

тамошних князей на подмогу прийти. А Рюрик в Белгороде затворился.

Прошли полки союзных князей мимо Киева к Вышгороду, обложили его со всех сторон. Расчет у них был: взять город за неделю, забрать богатую добычу.

Увидели осажденные — смерть к ним пришла — и решили защищаться до последнего. Отражали они все приступы, князь Мстислав наравне с простыми воинами бился.

Девять недель осаждали союзные князья Вышгород, и начались меж ними ссоры: кому из них подарит Андрей золотой стол Киевский? Обещал Андрей добычу богатую, а она в руки не давалась! И хлеб по разоренным селам с каждым днем стало труднее добывать. И надоело воевать ради Суздальского князя.

Нежданно нагрянул с Волыни на выручку осажденным с большим войском князь Ярослав Луцкий, тоже Мономахова роду. Напал он на стан союзных князей, а те не стали отбиваться от волынских полков и поспешили переправиться через Днепр. Увидел Мстислав с вышгородских стен смятение в стане противника и приказал отворить крепостные ворота. Поскакали его воины на врагов.

И опять, в который раз на многострадальной земле Русской, схватились меж собой в страшной сече русские полки. Кровь русская ручьями потекла в Днепр.

Победил лютый враг Андрея — его племянник Мстислав Ростиславич. За эту победу дал ему летописец прозвание «Храбрый». Много пленных взяли его полки. Иные из них были отпущены восвояси, а суздальцы проданы за Черное море в рабство.

Князья воевали меж собой, одни побеждали других, строили города и церкви, жгли города и церкви. Год за годом заносят на листы пергамента летописцы деяния и злодеяния князей. И по-прежнему нет на тех пергаментах ни одной строки, что же делал простой народ русский? Неужели безмолствовал, прощал главного виновника своих страданий и бед князя Андрея?

Надо думать, собирались тогда посадские и хлебопашцы на завалинках своих изб и рассуждали меж собой:

— Доколе будем терпеть от своих князей столько горя?

Иные из простых людей уходили тогда в леса, оттуда нападали на проезжавших мимо по дорогам княжьих слуг, а иные ждали, всё надеялись на лучшие времена. Не было среди них единения…

Как раненый лев, запрятавшись в своем логове, зализывает раны, так и князь Андрей в неистовой злобе на врагов, сокрушивших его властолюбивые замыслы, затворился в далеком

от Киева Боголюбове. Но он не считал себя побежденным, а неколебимо верил в божественное предначертание: рано или поздно будет он повелителем всея Руси…

Еще год прошел, другой и третий. Южные князья по-прежнему то ссорились, то мирились, но Андрей не вмешивался в их распри, а молчал и ждал…

Никого не принимал он в своем белокаменном дворце в Боголюбове: ни иноземных купцов, ни послов. Все, что надобно было ему, передавал он через своих слуг, коих считал вернейшими: через ключника Анбала, отрока Прокопия и Кузьмищу Киянина.

Обижались на Андрея бояре за такое небрежение, да за гордость, да за вспыльчивый нрав.

Жена его Улита Кучковна жила в дальней половине дворца, и муж не допускал ее к себе. А была у Андрея наложница — болгарская царевна, еще в волжском походе взяли ее в плен. В иные ночи приказывал он приводить пленницу к нему и, не зная чужого языка, молча наслаждался ею. И никто не догадывался, какие мысли таит про себя та злосчастная дева, у коей Андреевы дружинники зарезали отца, мать и братьев.

Ростиславичи прислали к Андрею посла.

На этот раз принял его Андрей. И передал ему посол такие слова племянников:

— Давай мириться. И на брата нашего Мстислава зла не держи, он тебя почитает. Ты нам двоюродный дядя, ты за отца нам был и будешь. Пойдем вместе добывать Киевский стол брату нашему старшему Роману, он из твоей воли никогда не выходил.

Андрей ответил Ростиславичам, что нет у него на них обиды, а о Киевском столе так передал: «С братьями своими родными хочу совет держать». И поскакали послы к двум его братьям меньшим, что оставались живы о ту пору, — к Михалке в Торческ и ко Всеволоду в Туров.

Но ответа от них не суждено было ему дождаться.

Новое тяжкое испытание легло на плечи Андрея. Три дня проболел и умер от неведомой болезни его сын Мстислав.

Похоронив его, заперся Андрей в своей ложнице (спальне), никуда не выходил…

Записал Кузьмище Киянин все, что довелось ему услышать и увидеть в те ближайшие, страшные для всей Руси дни.

Разгневался Андрей на одного боярина, Кучковича родом, и приказал его казнить, а за какие вины, умолчал Кузьмище.

Всполошилась вся родня казненного. Собрались братья и племянники в своем тереме под Петров день — день ангела Петра Кучковича, собрались будто на почестен пир. И позвали они

Анбала-ключника, и хазарина Ефрема Мойзича. А за что ненавидели Андрея эти иноземные люди, тоже умолчал Кузьмище. И княгиня Улита Кучковна на том пиру была, и пленная болгарская царевна.

Когда пошла чара пенного меду по кругу, заговорили Кучковичи громче:

— Князь Андрей брата нашего убил, теперь и до нас доберется. И целовали они крест на том, чтобы князя Андрея на следующую ночь порешить.

День настал святых апостолов Петра и Павла — 29 июня 1174 года. Верхним переходом прошел Андрей в собор на вечерню. Ключник Анбал сказал болгарке, чтобы прокралась она в ложницу князя и выкрала бы с его постели меч святого Бориса. А меч тот всегда Андрей возле своего ложа держал.

Когда вернулся князь из собора, подошел Анбал к двум стражам, что наверху в башне на переходе сидели, сказал он им: «Праздник сегодня, вас вином угощаю». Не знала стража, что то вино на сухой сонной траве было настояно.

Верного слугу княжеского Прокопия услал боярин Петр Кучкович во Владимир.

Темная ночь наступила. Двадцать человек с мечами и копьями, по словам летописца Кузьмища, «аки зверие верепие», подошли ко дворцу Андрееву и остановились. Страх на них напал. Зашли они в медушню, в погреб каменный, по чаре меду выпили, приободрились, вновь подошли с факелами в руках к двери под башней. Хитрый потайной замок был на той кованой двери. Но ключ от замка висел на поясе Анбала. Открыли дверь, поднялись все двадцать — один за другим — наверх по узкой витой лестнице. Там в сенях спали стражи, напоенные сонным зелием. Злодеи их тут же закололи. «Избиша сторожи дверные», — записал впоследствии Кузьмище. Потом все двадцать переходом прошли во дворец, подошли к запертой двери княжеской ложницы. Яким Кучкович постучал.

— Кто там? — тотчас отозвался Андрей.

— Это я, Прокопий, — сказал Яким Кучкович.

— Нет, не Прокопий! — вскричал Андрей грозным голосом. Кинулся он за мечом, но меча не было.

Выломали заговорщики дверь. «Силою отломиша двери из сеней». Набросились они на Андрея. И началась борьба неравная — двадцати вооруженных против одного безоружного. Факелы попадали и потухли. Могуч был князь, долго отбивался, в темноте и тесноте сумел выхватить меч у одного из заговорщиков и ранить его. Повалили злодеи князя, стали мечами сечь. Андрей, залитый кровью, затих.

Тут услышали они внизу голос Прокопия. Спустились по лестнице и зарубили верного слугу княжеского.

Раздались стоны из башни. Неужто князь жив? Устремились все двадцать вверх по лестнице, по переходу. Вновь ворвались в княжескую ложницу. При свете факелов увидели они лужу крови, а самого Андрея не нашли.

Страх напал на убийц. Поняли они, что князь жив остался. Ужаснулись они при одной мысли, что с ними станется. И пошли по следам кровавым. Повели следы на переход, далее на крутые ступени лестницы. Внизу, за лестничным столбом, увидели убийцы сидящего князя, всего в крови. «И наидоша по крови, седяща за столпом восходным, и ту прикончаша его…»

Петр Кучкович первым подскочил к Андрею и отсек ему руку. Яким Кучкович ударом копья проломил череп.

Так исполнилась кровавая месть Кучковичей за смерть отца их, боярина Степана Кучки, убитого двадцать семь лет назад отцом князя Андрея Юрием Долгоруким. Так отомстила болгарка-наложница за смерть своих родичей.

А убийцы в то же утро: «Разграбиша двор княж… выимаша золото и камение дорогое и жемчюг, и всяко узорочие, и до всего любимого имения…» Нагрузили они многие возы награбленным добром и отвезли в терема свои. Оставшийся в живых верный слуга Андрея Кузьмище Киянин нашел тело князя растерзанным и нагим в огороде позади дворца. Начал он причитать и плакать над князем. Анбал-ключник высунулся сверху из окна башни. Кузьмище попросил его кинуть что-нибудь, дабы прикрыть тело.

И прикрыт был убитый повелитель Владимирских, Суздальских и многих других земель куском простой льняной дерюги.

Понес Кузьмище мертвого князя в собор, чтобы отпеть его, но двери оказались запертыми, а поп от страха куда-то запрятался. И тогда Кузьмище оставил тело в открытом притворе. «И тако положивы у притворе, у церкви…»

Первые дни после убийства Андрея владимирские посадские люди в страхе затворились по своим избам. Знали они, что враждебны им бояре старших городов — Ростова и Суздаля, и ждали, что будет.

На шестой день тело Андрея было положено в каменный гроб и привезено во Владимир. Иные жители, ранее обласканные князем и обязанные своим достатком ему, непритворно горевали, узнав о его гибели. Толпы с плачем встречали тело у Серебряных ворот. Понесли гроб в Успенский собор и там положили в каменную гробницу, недалеко от иконы Владимирской богоматери…

В те дни безначалия великая смута поднялась во всей Суздальской земле. Встал простой народ русский. Посадские, тиуны, мечники, детские (отроки), дворяне-милостники, коих посадил Андрей «по городам и весям», поборами и тяготами терзали народ. И Кузьмище Киянин записал на пергаменте:

«Много зла створиша в волости его <Андрея> посадник его и тиунов его дома пограбиша, а самех избиша… Из сел приходяче грабяху…»

Мстил простой народ ставленникам Андрея за многое зло и за напрасные реки крови.

Но давно высохли слезы, пролитые на Руси восемьсот лет назад, и быльем поросли могилы и вельмож, и простых людей.

С тех лет, кровью омытых, сберeглись до наших дней в Боголюбове и во Владимире лишь малые частицы того белокаменного великолепия, что создали безвестные зодчие властолюбивого князя Андрея. О них, о дивных обломках былой красоты, продолжится в нашей книге сказание.

Изьмечтана всею хытростью

«И церковь преславну святыя Богородица Рождества посреди города камену создав Боголюбом и удиви ю паче всех церкви и подобная тое святая святых, ю же Соломон Кесарь премудрый создал. Тако и сии князь благоверный Андрей. И створи церковь сию в память собе и украси ю иконами многоценными, златом и каменьем драгым и жемчюгом великим безьценьным… И вси бо, видивше ю, не могут сказати изрядныя красоты ея… От верха и

до долу, и по стенам, и по столпам ковано золотом, и двери же и ободверье златом же ковано… и всею добродетелью церковьною исполнена, изьмечтана всею хытростью…»

Подобно послу солнечной Грузии, и Кузьмище Киянин сравнил того белокаменного сокола, что «створи» князь Андрей, «в память собе», с храмом Соломона.

«Изьмечтана всею хытростью». Любой нынешний поэт, кто пишет на русском языке, позавидует древнему творцу такого волшебного сочетания слов! Изьмечтать, удивить, украсить — эти три глагола некогда таили в себе почти один и тот же смысл. Таково было прежнее, ныне утраченное богатство старого русского языка. Слово «удивить» теперь приобрело иное толкование, слово «изьмечтать» вовсе исчезло, и лишь один глагол «украсить» сохранил до нашего времени свое прежнее значение…

Трагична была дальнейшая судьба «белокаменного сокола». После убийства Андрея запустел Боголюбов. Князья, его преемники, остерегались жить в том обагренном кровью месте. Сколько-то лет оно оставалось безлюдным, потом там был основан монастырь. За время многих смут, нашествий и набегов гибли творения древних зодчих; рухнули ворота с церковью наверху, рухнул дворец Андрея, заросли травой, ушли в землю белокаменные плиты мостовой. Монахи не поддерживали былое великолепие, а перестраивали и приспосабливали здания под свои повседневные хозяйственные нужды, случалось, разбирали камни до самой щебеночной подстилки.

Один век сменялся другим. От ветхости разрушились белокаменные стены, опоясывавшие монастырь. Слой мусора, грязи, пыли, помета нарастал все выше и выше. Как-то бурным весенним разливом Клязьминские воды промыли новое русло, и река навсегда ушла от Боголюбовского холма, оставив зеленое озеро — старицу, заросшую ряской.

Умирали монахи, их хоронили вокруг старого собора. Там, где некогда гарцевали на конях вельможи Андрея, где шествовали послы, где в своем белокаменном дворце проживал повелитель земель Владимирских и Суздальских, там устроили кладбище.

Когда копали могилы, попадались белые камни, случалось, с узорочьем, их выламывали, выбрасывали вон, вставляли тыльной стороной вперед в новые постройки. Так уничтожались последние следы разрушенных зданий.

Наступил XVII век. Богобоязненный и лукавый царь Алексей Михайлович видел в церковных властях могущественного союзника. Он не жалел денег на благолепие храмов и монастырей, одаривал их многими деревнями с крепостными

крестьянами. По всем городам и монастырям строились новые церкви из кирпича. Обстраивался и Боголюбов монастырь.

Древний собор ветшал. Пообломались каменные псы водометов на крыше. В пазухах между полукружием закомар летом застаивалась вода, зимой забивался снег. И тогда крышу перекрыли на четыре ската, заложив кирпичом пазухи и запрятав закомары под железными листами.

Облез и позеленел золоченый купол, выветрились белокаменные узоры на барабане, заново была поставлена другая золотая глава — большая выпуклая луковица с новым крестом наверху.

Упал стоявший на площади столп с четырехликой капителью. Над огромным камнем соорудили часовню, и богомольцы пошли поклоняться четырем ликам дев.

Прежний киворий с каменной чашей, наполненной «святой» водой, совсем обветшал, сломали над ним балдахин с белокаменными колоннами и построили на том же месте новый киворий на четырех тяжелых столбах, вычурный и роскошный.

Были разобраны прежние белокаменные стены, окружавшие обиталище Андрея; лишь кое-где «ушли в землю» нижние ряды камней и остались дожидаться пытливых археологов.

Православная церковь «канонизировала» Андрея — объявила его святым, погибшим мученической смертью от руки злодеев. И монастырь начал богатеть. Многие купцы и дворяне щедро одаривали его деньгами, золотыми и серебряными окладами на иконы и на книги, драгоценной утварью.

В те годы был изобретен дешевый способ производства стекла. И пошла по всей Руси сплошная и варварская переделка каменных храмов.

Узкие щелевидные окна пропускали мало света, и в храмах царил таинственный полумрак. Начали растесывать и расширять такие окна, выламывали боковые камни. И стали храмы светлые внутри, но жестоко израненные снаружи.

В наше время, когда заботливая рука реставратора прикасается к памятнику старины, к каменному или кирпичному, то прежде всего она ищет, где были те узкие окна, как шли закомары под крышей, где было пущено узорочье. Тщательно изучив следы старой кладки, реставратор заделывает широкие окна, вновь выводит полукружия закомар и восстанавливает памятник в его первозданной красе.

В Боголюбове случилось ужасное, непоправимое.

Летописец монастыря иеромонах Аристарх весьма красочно описал, что произошло, когда приступили к растеске окон старого храма.

Начали каменщики долбить белокаменное тело. И не выдержали стены, треснули в нескольких местах. «Свод порушился и помалу нача расседатися и великия являться скважины (трещины)»…

А спустя тридцать лет, весной 1722 года, рухнул древний храм. Известь, словно снегом, засыпала монастырский двор, а золоченый крест перелетел через ограду и упал на лугу.

«Разрушившись свод, и некоторая часть стен паде ужасно, и от зельного того падения духа, крест святый в пойму снесе и в землю глубоко по самое подножие водрузи…» — писал Аристарх.

Так погибло от невежественной руки, быть может, самое прекрасное, что создали на Руси безвестные зодчие, исчез навсегда храм «изьмечтаный всею хытростью».

До наших времен от всего боголюбовского белокаменного великолепия дошла только часть соколиного плеча, только переход над аркой от исчезнувшего храма к башне и большая часть левой башни с витою лестницей внутри. По этой лестнице некогда поднимался посол Грузии. И по этой же лестнице летней безлунной ночью крались убийцы Андрея. А потом сам он, израненный, умирающий, сползал, оставляя за собой кровавый след. Внизу, за лестничным столбом, можно увидеть ту нишу, где он спрятался от убийц.

Уцелевшие старые стены изъедены временем, они серого цвета, похожи на огромный, весь в дырьях каравай хлеба с налетом вековой пыли. Поперек стен башни и перехода идет ряд маленьких, изящных полуколонок аркатурного пояса, выше протянулась нитка поребриков, а еще выше второй аркатурный поясок, видны полукруглые очертания арки, когда-то поддерживающей верх башни.

Сохранились кое-где по стенам башни и перехода щелевидные окна, такие узкие, что едва можно руку просунуть. Пробиты эти окна то выше, то ниже, следуя виткам внутренней лестницы.

И сохранилось на втором этаже башни единственное на Владимирской земле, тройное с узорными колонками-перемычками окно. Не через это ли окно Анбал кинул Кузьмище Киянину льняную дерюгу, чтобы прикрыть тело убитого князя Андрея?

На втором этаже башни заметна заложенная дверь, которая некогда вела во дворец Андрея, а сейчас ведет «в никуда».

Уцелевший переход — это просто небольшая горница со сводчатым потолком; прежняя дверь на галерею погибшего собора переделана в большое с решеткой окно.

Когда провозгласили Андрея святым, монахи спохватились:

от старины-то почти ничего не осталось, — пришлось им назвать сохранившуюся горницу той самой ложницей князя, где согласно летописи он был убит. В XVIII веке все стены ее расписали фресками, весьма выразительно изображавшими различные моменты гибели Андрея. На самом деле Андрей был убит не здесь, а в ложнице давно разрушенного дворца.

Когда погиб знаменитый собор, на фундаменте выстроили новую церковь, а над башней поставили колокольню. Однако сразу можно различить, где мастерство седой старины, где позднейшая надстройка.

Не было каменных плит мостовой, да еще с желобами для стока воды. И белокаменные стены никогда не опоясывали Боголюбовский холм. И дворец Андрей построил деревянный. И храм не был столь дивно украшен. «Сказания о чудесах иконы Владимирской Богоматери» вымысел, преувеличения — так утверждали когда-то историки и искусствоведы.

Еще до революции, когда копали в Боголюбове землю, то находили белые, отесанные, иногда резные камни. Монахи безжалостно сбивали с них резьбу и использовали их на новых постройках. А ведь каждое такое белокаменное узорочье могло бы стать лишним доказательством достоверности «Сказаний».

В наше время к таким находкам стали относиться бережно. В Боголюбове был организован музей. В нем размещены по полкам найденные в земле каменная песья голова, петушья голова, обломки отдельных женских голов, обломки камней с растительным узором. Можно увидеть огромную белокаменную капитель от столпа, некогда стоявшего перед дворцом Андрея; на капители четыре девичьих лика, стертых от времени, однако поразительных по мастерству камнесечца, их создавшего.

Ученые пытались по этим случайно уцелевшим крохам судить, как выглядели древние постройки, но безуспешно.

В 1937 году в Боголюбове были организованы раскопки, которыми руководил молодой тогда Николай Николаевич Воронин. Война прервала работы. Затем поиски неизвестного возобновились.

У Воронина было много помощников, в том числе бесплатных. Из Владимира, из других городов приехали студенты на летнюю практику, приехали на каникулы школьники. Они соорудили под Боголюбовским холмом целый городок из палаток и шалашей и каждый день с утра приходили на раскопки.

По квадратам — два метра на два метра, размеченным между кольями, мальчики, осторожно втыкая лопаты, снимали по пять сантиметров один культурный слой за другим, стараясь не повредить то неведомое и драгоценное, что сберeглось от седой

старины. Они передавали выкопанный грунт девочкам, а те перебирали его между пальцами. Каждую находку — глиняный черепок, косточку, обломок белого камня — археологи откладывали, снабжали этикетками, заворачивали в бумагу.

О боголюбовских раскопках писали в газетах. Из Москвы, из Ленинграда приезжали ученые-консультанты. Они восхищались находками, сами залезали в шурфы и раскопы, поощряли Воронина, а подчас горячо спорили с ним и между собой: что означает каждая находка, в какую сторону продолжать работы?

То, что было найдено Ворониным и другими изыскателями, оказалось потрясающе интересным.

Нашли окрашенные с одного бока маленькие кусочки извести — все, что сохранило время от фресок храма, нашли кусочки цветных поливных плиток пола, кованные от руки гвозди с остатками медных листов, наконец, было найдено несколько обломков камней с узорами.

Воронин вел раскопки и внутри и снаружи современной церкви. Он установил, что новые стены точно стоят на старом основании. Удалось добраться до слоя песка с известковым раствором, с зелеными потеками меди. Значит, пол древнего собора был действительно покрыт медными листами, значит, он действительно блестел как золотой. Четырехгранные каменные столбы поддерживают своды современной церкви. А раскопки у основания столбов показали, что нижняя часть их была круглой, как колонны, и, значит, столбы XII века были целиком круглые и венчали их резные «коруны» — короны — капители, о которых упоминает Кузьмище. На древних остатках колонн заметна роспись под мрамор и следы обшивки листами золоченой меди. Значит, золото действительно сияло внутри храма.

Раскопки снаружи церкви обнаружили древний цоколь. Он не был сплошь гладким, как в храмах времен Юрия Долгорукого. Камни, слагавшие цоколь, выдавались вперед карнизами и прихотливыми выступами с соколиными когтями, вонзавшимися в камень. По этому цоколю можно было догадываться, сколь нарядно выглядели сами стены.

Воронин повел раскопки влево от башни. Он обнаружил ряд камней — все, что осталось от перехода ко дворцу. Ряд часто прерывался, многочисленные позднейшие захоронения перемешивали слои, сбивали археологов с толку. Не сразу удалось распознать, что этот переход, следуя рельефу местности, несколько заворачивал.

Дальше на пути раскопок встал каменный корпус монашеских келий, построенный в XVIII веке. Фундамент дома был заложен так глубоко, что искать под ним какие-либо остатки дворца

Андрея оказалось бесполезным.

Тогда Воронин перенес раскопки на другую сторону существующей церкви. Там, в промежутках между могилами, были найдены остатки подстилающего слоя — щебень и булыги, отдельные обломки белого камня. Но этих остатков нашлось так мало, что иные ученые усомнились: а существовал ли тут второй переход и вторая башня?

Археологи повели раскопки на склоне Боголюбовского холма, на северном крыле западного вала. На протяжении нескольких метров им удалось отыскать два и три ряда белых камней и основания башен. Значит, белокаменные стены, подобным коим тогда нигде не было на Руси, действительно опоясывали обиталище Андрея.

Так подтвердились слова Кузьмища Киянина «Створи град камен».

Попытались копать под существующим киворием XVII века и откопали белые камни. Обнаружился каменный диск — дно той самой чаши, о которой писал Кузьмище.

На одном из камней по своему великому смирению зодчий высек не свой знак, а знак князя, кому служил, кому отдал свой талант и славу.

Раскопки под киворием продолжались вглубь. По десять сантиметров осторожно снимали слой за слоем, наконец добрались до камешков, которые были выложены четырьмя кружками. Вот все, что осталось от четырех (из восьми) белокаменных колонн. По этому немногому Воронин восстановил восьмиколонный балдахин, что возвышался когда-то над чашей.

Боголюбовская земля хранит тысячи исторических тайн. Много открытий еще ждет будущих археологов.

В начале прошлого столетия великий естествоиспытатель Кювье брался по одной кости восстановить не только скелет, но и облик давно исчезнувшего животного или птицы.

В распоряжении Воронина было несколько таких «соколиных костей», в том числе «плечо сокола» — существующая левая башня с переходом. Он откопал цоколь собора Андрея, докопался до слоя песка, пропитанного известковым раствором, подстилавшего плиты пола внутри храма, собрал многочисленные мелкие находки, относившиеся к собору, ко дворцу или еще к каким-то неизвестным постройкам. Он пересмотрел изображения старинных зданий на иконах, на древних пергаментах рукописей, наконец тщательно изучил все, что осталось от других, пусть перестроенных древних храмов на Владимирщине, а также в других старых русских городах, пересмотрел изображения германских феодальных замков.

Но, может быть, самое важное — Воронин был не только ученым, чувствующим и знающим, как сопоставить между собой все эти отдельные обломки «соколиных костей», но обладал бесценным даром и воображением подлинного и большого художника.

Он попытался восстановить облик того белого сокола с распростертыми крыльями, что видел когда-то грузинский посол.

Вот оно, «изъмечтаное всею хытростью» белокаменное чудо, воздвигнутое Андреем на Боголюбовском холме «в память собе».

Но для восстановления дворца Андрея в распоряжении ученого не оказалось ни одной «соколиной кости», и потому он не решился поместить дворец на своем чертеже. И нет на чертеже столпа с четырехликой капителью. То, что тот столп действительно стоял на площади, доказали последователи Воронина уже после его кончины. И эти же последователи усомнились: а существовали ли некогда второй переход и вторая башня?

Вот такими островерхими, как на картинках в старинных рукописях, полагал Воронин, были обе башни, таким же островерхим был и балдахин кивория, покоящийся на восьми колоннах. По всем исчезнувшим стенам шел тонкий аркатурный пояс: несколько обломков полуколонок были найдены при раскопках, была обнаружена каменная песья голова. На основании только одной этой находки и куска белого камня с желобом и звериной лапой Воронин восстановил облик зверя-водомета, какие были размещены на крыше собора. А головка петуха, найденная в земле близ башни, оставалась загадкой. Где, над окнами или на каких коньках красовались каменные петухи, Воронин не смог ответить.

Где на соборных стенах находились львиные маски, которые сейчас вделаны в стены существующей церкви, а также каменные женские головы? Какие резные композиции на сказочные и на библейские сюжеты размещались над окнами? Они были, они не могли не быть на стенах того храма, который Кузьмище Киянин сравнивал с храмом царя Соломона.

Воронин, художник и ученый, попытался восстановить облик белого сокола. Однако, внимательно рассматривая чертеж, можно усомниться: не увлекся ли ученый симметрией, столь обязательной для современных архитекторов? Уж очень одинаковы получились башни и переходы — тут две аркатуринки и там две, тут три окошка и там столько же. Это однообразие граничит с холодом и сухостью.

А зодчие-хитрецы Андрея пренебрегали симметрией. Не угломерным инструментом со стальной рулеткой размечали они

фундаменты и углы выводили не точно по девяносто градусов, а если требовалось, то чуть больше или чуть меньше. И окошки в зданиях располагали где по шнурку, а где пониже или повыше согласно расположению горниц и следуя виткам лестниц. И узоры выводили, стараясь измерять расстояния не аршином, а где «как глянется». Словом, строили они рукою, зорким глазом, умом и сердцем, «как мера и красота покажет».

Эти последние слова взяты из обычного делового договора XVII века между ярославским купцом, задумавшим построить храм, и зодчим.

Мера — это безошибочный расчет, это вечные законы геометрии, какие, прежде чем начинать строить, вкладывал древний зодчий в маленькую деревянную модель своего будущего творения или процарапывал ему одному понятными знаками и линиями на бересте.

А красота — это то неизъяснимое, что он переносил в свое творение.

И теперь все мы — пожилые и молодые и совсем юные, когда подходим к подножию каждого древнего белокаменного чуда Владимирской земли, застываем неподвижно, любуясь, наслаждаясь, созерцая…

А столь поразительные слова из Ярославского договора должны крепко запомнить и деревенский плотник, когда рядится срубить соседу избу, и нынешний архитектор, когда еще только чертит на бумаге будущее здание, будущие кварталы и даже новые города.

Златокудрая царевна

Когда отправляюсь я со школьниками-туристами в поход по Владимирщине, то сперва показываю им боголюбовскую старину, а потом уж веду их к прославленной на весь мир церкви Покрова на Нерли. Это недалеко, меньше полутора километров.

Как только пересечешь железнодорожные пути, так издали из-за рощицы показывается небольшая беленькая церковь. Я назвал ее — Златокудрая царевна. Во времена моей юности купол

ее был золотым и ярко горел на солнце. За долгие годы золото потускнело, но буроватые пятна ржавчины и потеки по бокам луковицы придавали церкви особенно поэтичную проникновенность.

Впрочем, и сейчас, с темно-серым куполом, до чего она хороша! Стоит одиноко возле вязовой рощи, на небольшом холмике невдалеке от реки Нерли, на берегу тихого озерка-старицы.

Наша цепочка туристов еще только приближается к церкви, а повседневные разговоры как-то сами собой замолкают…

Подвожу я ребят к моей царевне и говорю им:

— Скидывайте рюкзаки и поздоровайтесь с ней. Перед вами самая красивая в нашей стране церковь. Ступайте, смотрите и любуйтесь пока одни, без меня. Сейчас ничего вам рассказывать не буду.

Слова служат для доказательств. А тут нужно только смотреть на белые очертания, на игру света и теней, только вглядываться попристальнее внутренним своим оком и чувствовать сердцем.

Мои юные спутники-туристы видят не только церковь, но и окружающий ее цветущий луг, белые и золотые кувшинки на маленьком озерке-старице, вдыхают запахи травы… Они обойдут царевну и раз и два… Потом мальчики постоят в одиночку, девочки вдвоем-втроем, обнявшись. Потом я соберу их всех вокруг себя и начну рассказывать. И вовсе не об Андрее Боголюбском и не о древнерусском зодчестве, а отвлеку их, казалось бы, на совсем постороннюю тему.

В конце октября 1941 года саперная часть, где я служил, была расквартирована по селам возле Боголюбова. Немногие вроде меня были молоды, а все больше пожилые, старше пятидесяти лет, годные лишь в нестроевую службу. Прежде чем попасть на Владимирщину, копали мы в Смоленской области противотанковые рвы. Потом Гитлер ударил, командование и перебросило нас за Москву, на берег Нерли.

Страшно вспоминать тот ноябрь. Замполит каждый день читал сводки Информбюро. Сводки те были скупые, в несколько фраз, и в каждой фразе стояло противное слово «направление» с прилагательными от названий городов. И подползали те прилагательные все ближе и ближе к Москве. Дошло до крайнего: мы услышали «Клинское направление, Тульское, Серпуховское…». Враг с севера и с юга охватывал клещами нашу столицу.

А морозы тогда стояли лютые, бесснежные, ветер до нижней сорочки пробирал. Ходили наши старички саперы то дороги чистить, то на станцию Боголюбово дрова и торф грузить.

Казалось нам, забыли нас тут. Почему держат? Почему никуда не отправляют? И кормили нас неважно. Тыловой паек жесткий выдавали — кусок хлеба да половник приварка.

И от всей нашей тогдашней малополезной жизни настроение у нас было тяжелее тяжелого.

Мне все-таки повезло. Дали мне — теперь уже можно в этом признаться — командировочное предписание: дескать, такой-то направляется в город Ковров за медикаментами. А на самом деле я за пятьдесят километров два раза в неделю в Любец на поезде катался — там у меня в колхозе жена работала. А трудодень в том колхозе был богатый.

Приеду домой, увижу двух своих маленьких сынков, сытых и в тепле, так словно полегче на душе станет.

Каждую поездку привозил я из Любца себе и своим непосредственным командирам пуд картошки, поэтому мои не очень-то законные путешествия в общем-то поощрялись.

Декабрь наступил. Закружились метели, морозы еще страшнее ударили. Наша часть все не двигалась, все ждала «особого распоряжения». По сводкам Информбюро, наступление гитлеровцев вроде бы приостановилось. Много дней подряд передавали: Клинское да Клинское направление, следующее к востоку — Дмитровское — не появлялось.

Отправился я с пустым вещмешком в очередную поездку. Пришел на станцию и узнал: что-то случилось — поезд будет не раньше чем через три часа. Досадно мне стало. Значит, в Любец попаду только ночью.

А, рассчитывая на домашний ужин, я весь свой паек друзьям однополчанам отдал.

Походил я, ежась от ветра, по платформе. Снег синий-синий на солнце блестел. Снежные струйки неслись, подгоняемые ветром… И увидел я вдалеке, посреди необозримой белой равнины, Златокудрую царевну в подвенечной фате.

До войны мне несколько раз возле нее довелось побывать. А как наша воинская часть сюда попала, так только издали любовался ею.

Времени у меня было достаточно, и я прямехонько по сверкающему насту, нагнув голову, зашагал против ледяного ветра.

Вдруг заметил бумажку зелененькую, за прошлогодний бурьян зацепившуюся. Поднял ее. Да это фашистская листовка! Сейчас не помню точно ее содержания — словом: «Сдавайтесь! Мы под самой Москвой! Наша армия непобедима. Скоро фюрер будет принимать парад на Красной площади…»

Я бумажку от злости на мелкие клочки изорвал и пустил по

ветру. Зашагал дальше, не глядя вперед; от ветра глаза слезились.

Подошел к церкви. Тишина меня охватила. В пустой сторожке оконные стекла были выбиты, дверь на одной петле болталась. Снежные заструги перекрестило множество заячьих следов.

И стояла белокаменная спящая царевна одна-одинешенька, всеми покинутая, сугробами занесенная; купол ее, когда-то золотой, совсем потемнел, проржавел…

Обошел я один раз, другой раз, задумался… Кремль, Красная площадь, Мавзолей… и Гитлер… Никак в голове не укладывалось. Ну просто душа не принимала.

«Нет, нет!» — отбрасывал я прочь кощунственные мысли… Такой на меня напал ужас, что я повернулся и, подгоняемый попутным ветром, помчался назад чуть ли не бегом.

На станции сразу заметил движение. Наши саперы словно бы проворнее обычного накатывали лес на железнодорожные платформы. Замполит тут же ходил, постукивая от холода хромовыми сапожками.

Я подошел к нему. Глаза его сияли неподдельным, удивительным для тех гнетущих месяцев восторгом. Он показал мне сводку Информбюро.

Это было потрясающе! Западный фронт на сотни километров прорван! Освободили столько-то населенных пунктов, такие-то города, захватили орудия, подбили танки, взяли пленных… И цифры, цифры… Даже голова кружилась!

За то зимнее наступление наши войска продвинулись вперед не так уж много. В последующие годы вырывались стремительнее, захватывали пространства обширнее. Но моральное значение той, первой под Москвой, нашей победы было огромным, исключительным. Люди приободрились. Люди поверили. И за один день миф о непобедимости Гитлера лопнул как детский воздушный шар.

Через неделю на станцию Боголюбове подали товарные вагоны. Мы погрузились и покатили на запад.

С тех пор мне довелось участвовать в Сталинградской и Курской битвах, в разгроме немцев под Бобруйском. Все дальше и дальше откатывался фронт от берегов Нерли. Я видел разрушенную Варшаву, пылающий Берлин.

И сколько раз после очередной нашей победы вставала перед моими глазами та далекая, извечно прекрасная царевна!

Она была для меня Победой!

Почему-то теперь купол ее выкрасили темно-серой с зеленоватым оттенком краской. Так это жалко и так портит общее впечатление.

Но для меня она всегда останется Златокудрой. И когда я

привожу ребят-туристов к ее подножию, то рассказываю им сперва эту историю, а потом уже говорю об Андрее Боголюбском.

Церковь Покрова на Нерли была построена по велению Андрея в честь его удачного похода на поволжских болгар и в память старшего сына Изяслава, смертельно раненного во время этого похода. Построена она была, по словам летописца, «единым летом» (за один год).

Посол Грузии, когда ладьи его пристали к берегу, как раз и видел это строительство.

В «Житии святого князя Андрея» говорится:

«Сего же лета <1165 год> сын его первый Изяслав Андреевич ко Господу отьиде… Сей же великий князь Андрей, еще печалию о скончавшемся сыне объят быв, и скорбяще, обаче более в богоугодные дела поощряшеся, ибо Боголюбские обители яко поприще едино (т. е. на расстоянии одной версты) на реке Клязьме, в лугу нача здати церковь во имя пресвятые Богородица, честнаго ея Покрова… на устьи реки Нерли… оную церковь единым летом соверши…»

Это была первая церковь, выстроенная в честь нового, установленного волею Андрея праздника Покрова Богородицы.

В архиве Третьяковской галереи, в фонде выдающегося русского художника В. Д. Поленова хранится письмо отца Василия Дмитриевича — Дмитрия Васильевича, который в молодости, в сороковых годах прошлого столетия, служил секретарем русской дипломатической миссии в Греции. Рассказывая о своих впечатлениях родителям, молодой дипломат описывает, как вместе с приехавшим в Афины знаменитым художником Брюлловым осматривал Акрополь:

«Я был вместе с ним в Акрополисе в первый день его приезда; когда мы взошли на холм и Парфенон открылся перед нами, он воскликнул, всплеснув руками, и остановился как бы в положении молящегося… И начал потом разбирать его красоту. Он признал, что невозможно и никто еще не достиг до того, чтобы соединить эту необыкновенную простоту в частях с таким величием и легкостью…»

Если откинуть слово «величие», все остальное целиком приложимо к нашему русскому Парфенону.

Первое впечатление при взгляде на облик церкви — это ощущение покоряющей женственности. Ее не назовешь ни храмом, ни памятником старины. Для меня она Златокудрая царевна… Один поэт назвал ее крестьянской девушкой-невестой в подвенечной фате, милой, застенчивой, иногда радостной, но чаще печальной. Воронин сравнил ее с музыкой, с песнопениями.

Может прийти на ум икона Владимирской богоматери: там молодая женщина как бы светится духовной красотой матери. И здесь белые стены словно дышат столь же неземной красотой.

Ни убавить, ни прибавить, ни передвинуть ни одного камня нельзя — так непостижимо пропорциональны все части этого единого и прекрасного целого.

Три полукруглые алтарные апсиды совсем не похожи на суровые полубашни Кидекшского храма, они выдвинуты вперед, но немного, «в меру». На каждой апсиде щелевидное окно. Современные строители разместили бы все три окна по шнурку в один ряд. А зодчий Андрея взял да и приподнял среднее окно чуть повыше крайних. Отчего это ему захотелось? Едва ли он сумел бы ответить — просто сердце подсказало.

Стройными были все храмы, воздвигнутые при Андрее Боголюбском, но до нас дошло от них немногое. А эту церковь, стоявшую в стороне от проезжих дорог, от городов и селений, враги грабили мимоходом, и пожары ее щадили. Потому и дожила она до нашего времени, претерпев не столь тяжкие невзгоды.

Раньше была она выше, за свою долгую жизнь на два ряда камней вросла в землю.

Зодчий, строивший ее, сумел соединить необыкновенную простоту в частях с удивительной легкостью. Она точно белая голубка, готовая взлететь на небо. Этой легкости зодчий достиг многими вертикальными линиями стен, будто не имеющих никакого весу.

В молодой березовой рощице все стволы тянутся к небу, к солнцу. И по замыслу зодчего все линии стен, колонки аркатурного пояса устремлены вверх. Так здание кажется выше, воздушнее, легче.

На северной, южной и западной стенах над каждым средним окном помещена одна и та же композиция: библейский юноша — царь царей Давид восседает на троне; в левой руке вместо арфы он держит славянские гусли, ниже три женские маски, а еще ниже два льва с хвостами, продетыми через заднюю лапу; концы хвостов разветвляются и превращаются в три цветка. А над каждым боковым оконцем изображен четырехлапый грифон, терзающий то ли лань, то ли ягненка. А под каждым грифоном еще по две женские маски.

О чем поет царь Давид, подняв правую руку вверх? Он славит богородицу. Львы и орлы нисколько его не боятся и слушают дивное пение, а грифоны держат в лапах ланей, чтобы принести их в жертву той же богородице.

Богоматерь и отважный Давид — победитель Голиафа. Оба

эти образа были близки заказчику — князю Андрею, который мнил себя победителем. Львы-стражи и одновременно цари зверей вместе с грифонами являлись символом княжеской власти. А женские маски? Их очень много — двадцать одна под композициями Давида и грифонов да по концам отдельных аркатурин еще двадцать. Маски самые различные, лица то удлиненные, то с пухлыми щеками. Но это вовсе не святые девы, над ними нет нимбов.

Да это самые обыкновенные девичьи лица, исполненные поэзии, и, видно, высекали их с большой любовью и особым тщанием лучшие мастера-камнесечцы.

Праздник Покрова отмечался 1 октября, когда после уборки урожая повсюду в крестьянских дворах играли свадьбы.

И надо думать, изображали мастера на стенах церкви головы деревенских девушек-невест.

Так зодчий, вставив в стены столько женских масок, углубил ощущение поэзии и проникновенной женственности, приблизил свое белокаменное творение к простому народу.

Словно сошлись крестьянские девушки перед своими свадьбами здесь, на лугу возле Нерли, и запели. И тихая песня их будто застыла в облике белокаменной царевны. И сама она стала по словам их: «Як невеста…»

Внутри церковь кажется совсем маленькой — стены-то в полтора аршина толщиной (98 см). Там тишина. Под высоким куполом гулко раздаются голоса. И также устремлены ввысь линии белых стен, линии четырех столбов, подпирающих своды. Церковь пуста — никаких украшений, никаких фресок нет, только львы притаились в пятах арок. Львов много — целых двадцать пар. Они лежат, повернув головы, переплетясь хвостами. Иные улыбаются, как в Успенском соборе города Владимира, а иные оскалили зубы и словно готовы спрыгнуть сверху и растерзать каждого, кто посягнет на стены церкви…

После убийства Андрея церковь долго стояла заброшенной, потом вокруг нее обосновался небольшой женский монастырь. Потом его упразднили и церковь вновь оставили «без надобности».

Деревень вблизи не было, молиться никто сюда не приходил.

Но не пропадать же зря столь добротным белым камням. В конце XVIII столетия хозяйственный игумен Боголюбовского монастыря Парфений обратился к епископу Владимирскому и Суздальскому Виктору с нижайшим посланием — разрешить церковь разобрать, а камень употребить на постройку монашеских келий, кузницы и для подновления ворот.

Епископ свое «благословение» дал. Подрядчик, который по

договору с монастырем взялся ее умертвить, нанял крестьян из ближайших деревень. Подошли мужички, оглядели беззащитную со всех сторон, почесали затылки и принялись разбирать кирпичную паперть, пристроенную в XVII столетии. Опять перекрестились. Один полез на купол, да золотая соринка ему в глаз попала, он и спустился на землю кривой. Смутились мужички — не дурной ли это знак, однако вонзили свои ломы в белые стены. Но камни были скреплены столь прочным известковым раствором, что не поддавались никак.

Пошел подрядчик в монастырь со слезной мольбой, запросил вдвое большую цену. Игумен отказался, и договор был расторгнут.

История с золотой соринкой, разумеется, позднейшая легенда, а подлинное «дело» о попытке разрушения церкви хранится во Владимирском областном государственном архиве.

Девяносто лет спустя после расторжения договора снова подобрались к Златокудрой царевне враги. Притаившиеся над столбами белокаменные львы не бросились на ее защиту.

Было решено «обновить» церковь. Стянули железным поясом все четыре ее стены, водрузили на крыше длинные, похожие на торчащие в разные стороны рога, водосточные желоба. И самое преступное — начисто соскребли остатки фресок XII столетия.

Бессмысленно было издеваться над царевной. Ведь каменщики Андрея клали стены столь прочно, что ни льдины, бьющие о цоколь во время самых больших речных разливов, ни дожди, ни вьюги никогда ее не погубят. Страшна для нее лишь злая рука безумного человека.

За несколько лет до этого злодейства побывал в тех краях академик живописи Солнцев. Стоя внутри церкви, он набросал на листке бумаги отдельные фрагменты подкупольных фресок и оставил нам их описание:

«Живопись эта по своей древности, по пошибу складок, расположению фигур и манере заслуживает внимания, как редкий остаток XII века, и необходимо было бы ее возобновить».

Н. Н. Воронин в своих трудах высказывает догадку: а не являлся ли автором тех фресок бессмертный художник Древней Руси Андрей Рублев, расписавший стены и иконостас внутри владимирского Успенского собора?

Если эта догадка верна, тем более страшен поступок церковных властей.

Среди «обновлений» церкви одна перестройка, как считают некоторые ценители старины, украсила ее.

Раньше купола на церквах ставили шлемовидные. Ровный полукруглый шлем, точно холодный небосвод, увенчивал

барабан. А в XVI столетии появились главы-луковицы, нередко золотые, горящие на солнце, точно пламя огромной свечи. И приглянулись людям те луковицы, стали они переделывать прежние шлемы на старых храмах, зажигать горячее пламя свечей. Правда, не всегда получалось удачно. На Борисоглебской церкви в Кидекше поставили луковицу чересчур маленькую, а на Спасо-Преображенском соборе в Переславле-Залесском водрузили такую, что она словно придавила все здание.

Мастер, который ставил луковицу над церковью Покрова на Нерли, был, видно, человек со вкусом художественным, и обновленный купол как бы слился со всем обликом здания.

Существует мнение, что эту луковицу следует разобрать и вновь восстановить шлем. Да, с точки зрения исторической истины реставраторы будут правы. Но есть еще истина другая — художественное чутье, мерило которому ласкающие глаз очертания.

Может быть, лучше не трогать луковицу, наоборот, позолотить ее, зажечь потухшее пламя свечи, чтобы не я один, по старым своим воспоминаниям, а каждый, кто остановится с восхищением у подножия церкви, смог бы назвать ее Златокудрой царевной.

Совсем недавно реставраторы решили частично обновить церковь. Ее стены были расчищены от «набелов» — позднейших, в течение ряда веков, слоев известковых побелок. Не поднялась рука менять купол, оставили прежнюю, дорогую всем любителям старины, главу-луковицу. А закругленно-покатая, установленная в начале прошлого века, крыша с металлическими и, надо признаться, весьма непривлекательными рогами-водометами, была удалена. Теперь под куполом, у основания барабана, образовалась каменная ступенька.

Здание выглядит вроде бы стройнее, основательнее, но словно бы холоднее. А впрочем, может быть, я и ошибаюсь. Специалистам виднее.

«Образ прославленного творения владимирских мастеров столь совершенен, что никогда не возникало сомнения в том, что таким он был изначально, таким он и был задуман его зодчим». Знаменательные слова сказал Воронин, и, наверное, каждый побывавший близ устья Нерли готов их повторить.

Ну а откуда взялись те огромные камни с узорочьем, которые сейчас хранятся в музеях, — два барса, поднявшиеся в прыжке, грифоны, важно, как индюки, переступающие всеми четырьмя лапами? Их сняли со стен колокольни XVII века, что стояла близ церкви и ныне разобрана. Все это узорочье при Андрее Боголюбском украшало какое-то соседнее, несомненно,

прекрасное здание.

Откуда те, найденные рядом в земле сто лет назад, камни с изображением сказочных зверей, которые до нас дошли только в рисунках?

А что за странный обломок с растительным орнаментом откопали совсем недавно?

И наконец, как люди попадали на полати церкви? Ведь не простые же люди наверх поднимались, а сам князь Андрей со своими вельможами. Ход-то шел снаружи.

Сейчас в западной стене виден оконный проем, прорезающий аркатурный пояс. Нижняя часть этого проема заложена кирпичами, и вход превращен в укороченное окно.

Воронин надеялся разрешить все эти загадки. Начали копать на насыпном холме возле церкви и вскоре наткнулись на ряды подземных каменных опор. Воронин закладывал новые шурфы и везде обнаруживал эти подземные опоры, сложенные из девяти рядов камней, ни больше ни меньше. И лишь на глубине свыше пяти метров ему удалось добраться до почвенного слоя XII века.

Он решил, что откопал фундамент открытой галереи, когда-то окружавшей церковь и позднее разобранной. Следы подобных галерей были найдены при раскопках вокруг собора города Чернигова, а также вокруг церкви в исчезнувшем после татарского нашествия городе Вщиже на юге России.

Воронин стал думать: а здесь, на берегу Нерли, могла ли быть галерея и как выглядел насыпной холм восемьсот лет назад?

Ему представился холм, сплошь выложенный белокаменными плитами. Белокаменная лестница начиналась от самой пристани. Иноземные послы и гости (купцы), приплывавшие по Волге и по Оке, поднимались по этой лестнице и останавливались в восхищении. Три восьмиколонные башенки разместились по галерее, по стенам тянулся изящный аркатурный пояс, просвечивали три арки для проезда.

«Какое богатство узорочья! Какой блеск!» — верно восклицали путешественники, подходя к церкви и мимо каменных львов поднимаясь на галерею. Издали любовались они белым боголюбовским соцветием, хорошо видным отсюда, потом их вводили в церковь на полати. Они присутствовали при торжественном богослужении и видели роскошь внутреннего убранства.

Так еще с преддверия своего обиталища Андрей хотел поразить иноземцев великолепием белокаменных чудес, дабы все приезжавшие в Суздальскую землю с первого шага убеждались в его могуществе.

В своей книге Воронин приводит многочисленные и, казалось

бы, весьма веские доказательства, что галерея шла вокруг церкви. Он создал чертеж пышного, нарядного храма с холодными симметричными украшениями, признавая, однако, что это только недоказанная попытка восстановить изначальный облик здания.

Среди ученых оказались люди недоверчивые. Так, покойный владимирский архитектор Александр Васильевич Столетов указал на странности: если галерея действительно была, то почему же ее везде разобрали точно до девятого камня? Может быть, десятого (то есть первого камня галереи) никогда и не было? Почему толщина подземных стен, несущих меньшую нагрузку, превышает толщину стен самого здания? И почему, наконец, среди найденных камней не обнаружено ни одного обломка аркатуры?

На все эти вопросы можно ответить, если признать, что такой галереи никогда не существовало. А наши предки были люди практичные и умели справляться со сложными инженерными задачами. Подземные опоры не служили фундаментом для галереи, они просто защищали насыпной холм во время половодья.

Столетов, однако, не смог убедительно ответить на такие вопросы:

А как же все-таки поднимались на полати? Возможно, рядом с церковью была белокаменная лестничная башня, внутри которой шла витая лестница. А барсы и львы украшали эту башню.

Некоторые ученые утверждали, что галерея все же была, но не столь высокая, как полагал Воронин, а, наоборот, низкая.

Словом, множество неразрешимых загадок не позволяет с научной достоверностью восстановить прежний облик церкви.

Пусть ученые спорят между собой. Пусть каждая сторона защищает свою точку зрения. Но, может быть, надо прислушаться также к голосам людей, просто любящих и тонко чувствующих древнерусское зодчество?

В непосредственной близости от церкви проходит линия высоковольтной передачи. Иные, любящие древнерусское искусство люди с негодованием восклицают: как могли инженеры поставить огромные рогатые чудища-мачты рядом с такой красотой?

А крупнейший художник нашей страны, покойный В. А. Фаворский, в свое время в беседе со мной говорил, что иногда разница стилей совсем различных эпох не мешает, не портит, а, наоборот, подчеркивает красоту древнего.

Но тот же Владимир Андреевич, рассматривая чертеж Воронина, пренебрегал, казалось бы, вескими доказательствами ученого в пользу роскошной галереи и горячо восставал против

нее. Его сердце, его опыт вдохновенного художника подсказывали ему, что на этом чертеже изображена не робкая девушка, Златокудрая царевна из старых русских сказок, а ее злая мачеха, торжественная, надменная и холодная царица в богатых одеждах.

Может быть, и царевнин сарафан был когда-то иным. Но не лучше ли вовсе оставить попытки восстановить на бумаге то единое и прекрасное целое, что создал гениальный зодчий-хитрец? Ведь восстановить исчезнувшее гениальное обычный человеческий разум просто не может, воображения у него не хватит.

Ну а кто же был тот гениальный зодчий, тот хитрец?

Многие исследователи задают себе этот бесплодный вопрос и сами же отвечают: «Не знаем».

Жил во Владимире выдающийся, безвременно скончавшийся писатель Сергей Никитин. Он и родился на Владимирщине, в городе Коврове, всего в семи километрах от Любца, и самые поэтичные свои творения посвятил родной стороне. Есть у него такие строки о храме Покрова на Нерли:

«Мне всегда кажется, что создан он без помощи рук, одним лишь вдохновением, равным чародейской силе сказочных волшебников. Есть в нем что-то непостижимое, действующее не на глаз, а на душу, начинающую как-то торжественно, возвышенно и грустно томиться при виде этой белокаменной поэмы древних времен. Увидевший этот храм хоть раз, уже не может сказать, что в жизни его не было счастливых минут…»

А что, если попытаться мысленно представить себе облик того зодчего, который подарил людям столько счастливых минут?

Хотелось думать, что он был молод. В нем кипела беспокойная жизненная сила, неуемная жажда созидания. Он был молод! Мастер пожилой больше руководствуется расчетливым рассудком, чем пламенными порывами вдохновения.

Седой мудрый зодчий, неизвестно, из какой страны пришедший, за свою долгую жизнь многое строил, во многих странах. Он воздвигал там, на горе в Боголюбове, а сюда, на устье Нерли, на младшую церковь послал своего ученика, может быть, лучшего и любимого ученика.

На Руси в стародавние времена чувство вдохновения, творческий восторг называли молитвой. Просто иного, более подходящего слова не знали. Да, тот молодой зодчий молился. Кому? Богородице ли, Даждь-богу или русалкам-берегиням, что живут на дне омутов нерльских? В такие часы восторгов зарождался в душе зодчего прелестный белокаменный облик церкви, и в такие часы размечал он на своем берестяном чертеже нужные размеры или вырезал из куска дерева маленькую модель

храма, или просто стоял в раздумье, издали наблюдая за каменщиками, неторопливо клавшими ряд за рядом.

Не так же ли молился Зевсу или Афине-Палладе тот зодчий, что строил Парфенон? И двадцать пять веков спустя славный художник Брюллов, когда созерцал творение древнего грека?

Кем он был, создатель русского Парфенона? Дружинником ли Андрея, монахом, посадским или ремесленником, или сыном хлебопашца из ближнего села? Не знаем. Но мы можем утверждать одно: он не принадлежал к артели тех иноземных мастеров, какие явились по зову князя Андрея «от немець». Подобно своему современнику, безвестному творцу «Слова о полку Игореве», он был русским, обладал русской сметкой и русской душой.

Не родился ли он в Суздале, или во Владимире, или в не столь дальнем Любце? С детства вдохновляли его лесные дубравы, реки тихоструйные, зори алые, песни печальные крестьянских девушек, кружевное узорочье на дубовых теремах боярских, на скромных сельских избушках… И перенес он на белые камни ту красоту, что подслушал и подглядел в свои юные годы…

И, как творец «Слова о полку Игореве», он беспредельно любил Русь, убогую и обильную, расчлененную на отдельные княжества, измученную усобицами.

И когда создавали его сердце, его ум, его руки белокаменную царевну, то с надеждой думал он о грядущей Победе своей Родины.

Потомок императоров Византийских

Месяц ли прошел, два ли месяца, как убили князя Андрея, восстание народное начало стихать. А почему оно стихло, про то умолчал летописец. Вернее всего, не было у народа вожака, бояре, да дружинники, да тиуны порознь расправились с народными мстителями — кого убили, кого в темнице сгноили.

Собрались во Владимире-граде бояре из старших городов — Ростова и Суздаля. Приехали послы из соседней Рязани.

Направил их Рязанский князь Глеб — давно он зубы точил на многообильную Суздальскую землю.

— Кого позовем князем? — советовались меж собой бояре.

Рязанские послы подсказали:

— Позовите Ростиславичей.

А были те молодые Ростиславичи — Ярополк и Мстислав — сыновьями давно умершего старшего брата Андрея, Ростислава. Жили они в ту пору изгоями обездоленными в городе Чернигове. Глеб Рязанский зятем им приходился — был на их сестре женат. Собирался он за шурьев в Суздальской земле править и свои порядки там наводить. Потому и подкупили послы Глебовы кое-кого из тех бояр, что на совет во Владимир съехались. Бояре так судили:

— Походили мы под тяжелой десницей князя Андрея — теперь хватит. Поставим своих боярских князей, да не во Владимире, а в Ростове. Что скажет наше вече, то и назначится.

И в те же самые дни боярского совета владимирские посадские — ремесленники да купцы послали тайно в города «мизиньные» — Переславль-Залесский, Юрьев-Польской, Стародуб-Клязьминский, Ярополч звать тамошних посадских на свой совет — «кого будем искать князем?».

И решили они позвать брата Андреева, молодого Михалка. Он князь смелый, он наведет на Суздальской земле порядок и бояр припугнет.

А тот Михалко, как и его племянники Ростиславичи, вместе со своим младшим братом Всеволодом уже четвертый год также в Чернигове изгоем сидел. И была меж всеми четырьмя князьями — почти однолетками, как говорит летописец, «дружба великая».

Прибыли в Чернигов сразу два посольства — и от бояр и от посадских. Поехали вперед в Суздальскую землю Ярополк и его дядя Михалко. А другой дядя, Всеволод, осторожен был — он в Чернигове остался и племянника Мстислава с собой удержал.

В окраинном малом городке Москве встретили Михалка да Ярополка ростовские бояре. И сказали они Ярополку:

— Иди к нам княжить… — А Михалку путь преградили: — Ты назад воротись в Чернигов.

Ярополк поехал в Ростов, но Михалко не послушал послов и повернул на Владимир.

Так два князя сели на Суздальской земле. И тотчас же ростовцы под водительством бояр большою ратью пошли на Владимир, повыжгли вокруг села и осадили город.

Начался во Владимире голод. Поняли осажденные — беда к ним пришла, сдаваться придется. И сказали они Михалку:

— Ступай куда хочешь.

Написал летописец, что проводили владимирцы своего недавнего князя «с плачем».

Пришел в Суздальскую землю Глеб Рязанский, рязанцев да половцев поганых с собой привел. Говорил он, что хочет помочь своим молодым шурьям дела вершить, хочет заставить непокорных владимирцев головы склонить.

Начали рязанцы да половцы грабить Владимир, в церквах ризы с икон сдирали: «И златые ризы отодраша». Забрали они многие драгоценности, книги, иконы. Даже знаменитую икону Владимирской богоматери сняли со стены Успенского собора. Загорелись города и села по всей Суздальской земле. И увез Глеб все награбленное к себе в Рязань.

Вновь направили владимирцы тайных послов к Михалку в Чернигов:

— Воротись, князь, мочи нам больше нет терпеть от рязанцев великое зло. Все города мизиньные грудью за тебя встанут.

Болен был Михалко, а все же поехал. На носилках его понесли. А брат его младший, Всеволод, хоть и здоров был, остался в Чернигове дожидаться, как дела в Суздальской земле сложатся.

Встретились на реке Колокше русские полки против русских полков, мизиньные города против старших городов. Но, видно, рязанцы столько досады на Суздальской земле содеяли, что лишь бояре со своими приспешниками хотели идти с мечами на владимирцев. Не успели с каждой стороны по одной стреле пустить, как побежали ростовцы.

Победитель Михалко изгнал своих племянников Ростиславичей.

Но не в гордый Ростов под вече боярское поехал он, а понесли его больного на носилках во Владимир. И сел он там княжить.

Глеб Рязанский испугался победителя-соседа и тотчас вернул все награбленные драгоценности. «До золотника последнего», — говорит летописец.

Как узнал осторожный Всеволод, что брату его легкая победа досталась, тотчас же прибыл он из Чернигова. И дал ему Михалко в удел не Ростов, не Суздаль, а мизиньный город Переславль-Залесский.

Все болел Михалко. И хоть не мог он вставать с постели, объявил суд над убийцами брата своего Андрея.

Привели к нему Кучковичей и их сообщников — пытать начали. Признались злодеи, как убили они князя. И приказал Михалко казнить их лютой казнью. Связали всех, положили в долбленые колоды и пустили колоды в озеро. И с тех пор зовется

то озеро Пловучим. А княгиню Улиту утопили в соседнем озере, и доныне зовется оно Поганым. А что сделали с пленной болгаркой — про то не говорится в сказании[22].

Вскоре умер Михалко. Было это в 1176 году. И тотчас же позвали владимирцы брата его Всеволода из Переславля. Опять Владимир стал стольным градом в Суздальской земле.

Всеволод был самым младшим из одиннадцати сыновей Юрия Долгорукого и моложе своего брата Андрея на целых сорок лет.

Совсем маленьким он был, когда пришлось ему покинуть Суздаль. Изгнал его Андрей с тремя братьями и матерью — греческой царевной. Дядя — император Византийский Мануил Комнен дал им четыре города на Дунае. Всеволод, как самый младший из братьев нередко вместе с матерью гостил у своего дяди. С самого раннего детства испытал он горечь изгнания среди невиданной роскоши Царьградского дворца.

Многому научился в Царьграде умный и наблюдательный мальчик. Только издали на торжественных выходах видел он толпы народные. Радостными, как ему казалось, криками приветствовали они своего повелителя. Он решил, что византийцы живут ради прославления императора, ради его удовольствий, ради его счастья.

Узнал мальчик, как побеждает император своих врагов. Это русские князья добывают победу и славу в открытом бою на поле брани. А византийские повелители расставляют невидимые сети, ссорят одних врагов с другими, иных переманивают на свою сторону, подкупают их, сулят несметные богатства и почет, а потом обманывают. А бывало и такое: после пира падал нежданно иной вельможа мертвым, а другого находили зарезанным в постели. И тогда забирал себе император все добро покойников.

Учился мальчик науке жить, никому не открывать своих мыслей. Учился он и добрым наукам, на многих языках мог разговаривать, книги любил читать.

Вернулся он в земли Русские о ту пору, когда после смерти брата Глеба пошли на Золотом Киевском столе меняться князья один за другим. Андрей своею властью поставил было и его в Киеве великим князем, да через сорок дней угодил Всеволод в темницу.

Хоть пришлось ему там сидеть недолго, но запомнил он тот урок на всю жизнь. Вот почему медлил он ехать во Владимир из своего черниговского изгнания.

Когда после смерти Михалка стал Всеволод князем над всей Суздальской землей, сразу пришлось ему туго.

Узнал он, что ростовские бояре послали за Ростиславичами

звать их княжить, и понял — надо торопиться, опередить соперников; иначе грозит ему опять изгнание, а то и погибель.

Направил он тайно верных людей и в Ростов, и в Суздаль. Рыскали его люди по дворам посадским, с одними, с другими перешептывались, кое-кому из бояр подарки сулили.

Глеб Рязанский привел войско на Суздальскую землю и соединился с дружинами своих молодых шурьев.

Опять на реке Колокше встали друг против друга полки старших и полки младших городов. Владимирцы требовали от Всеволода, чтобы приказал он броситься в бой. А тот предпочитал ждать.

Целый месяц стояли полки. Ни та, ни другая сторона не решалась перейти через реку.

От лазутчиков Всеволод узнал, что в стане его врагов пошли ссоры: надоело рязанцам воевать на чужой земле безо всякой для себя выгоды. Дождался Всеволод темной ночи, тайно переправил свои полки через Колокшу, ударил по врагам и в короткой сече победил их.

«Всеволод погна в след их со всею дружиною, овы секуще, овы вяжуще…» — пишет летописец. А тремя строками ниже: «И ту самого Глеба яша руками и сына его Романа и шюрина его Мстислава». Пленники были приведены во Владимир и заточены в «поруб» — в подземную темницу. Побежденные рязанцы выдали Всеволоду и второго Ростиславича, Ярополка.

Тут поднял свой властный голос Святослав — великий князь Киевский. Сын Глебов, Роман был на его дочери женат. Вознегодовал Святослав, когда узнал, что его сват в беду попал. Как же за него и за его сродников не заступиться? Направил он послов во Владимир.

— Выведи из поруба князей, тобой плененных.

Всеволод медлил, тянул с ответом, пока Глеб не умер в сыром подземелье. «Он ко Господу отыде», — равнодушно говорит летописец, не поминая, своею ли смертью скончался строптивый князь, или подсыпали ему чего в хлебово.

Молодых Ростиславичей собрался Всеволод выпустить из поруба и изгнать из Суздальской земли.

Как узнали о том владимирские посадские, так несметной толпой подступили ко княжескому дворцу, начали кричать:

— От них, от Ростиславичей, вся смута на земле нашей. Ослепить их, ослепить!

Всеволод понимал, что ослепить узников нетрудно. Но покровительствует им сам великий князь Киевский Святослав. Не годится с ним ссору затевать. И знал Всеволод другое: лет восемьдесят назад было страшное дело, когда ослепили князья

своего племянника Василька Теребовльского. Сказание о том злодействе гусляры по торжищам поют. И народ их слушает. А Всеволод хотел, чтобы гусляры прославляли его добрые дела.

И надумал он такое, что только потомок императоров византийских мог надумать.

На другой день вывели обоих Ростиславичей на площадь, и все увидели на их глазах окровавленные повязки.

Повезли ослепленных на телеге. Как миновали они городок Москву и вступили на землю Смоленскую, так повели их в церковь. Далее летописец пишет, что, помолившись, сняли они повязки с глаз и оказались прозревшими. Никто не осмелился усомниться в таком «чуде».

Был у Всеволода племянник — последний оставшийся в живых сын Андрея Боголюбского Юрий. Опасался его Всеволод: как бы не пожелал тот отцовского стола, и изгнал он его из пределов Суздальских.

Долго скитался Юрий по разным странам, пока не привела его дорога в далекую Грузию, где царствовала тогда славнейшая и прекраснейшая царица Тамара. Показался ей знатный изгнанник краше других, домогавшихся ее руки женихов. И стал Юрий ее мужем.

Так исполнился тот замысел, чтобы русский князь стал зятем Грузинского царя, о чем впервые поведал посол Грузии Андрею Боголюбскому.

Но недолго был Юрий мужем царицы Тамары. Ее вельможи увидели в нем соперника, и по их настоянию он был изгнан. А что с ним дальше сталось — про то и грузинские и русские летописи молчат.

Крепко взял власть в свои руки Всеволод. Присмирели бояре ростовские и суздальские. У иных он отобрал села и стада, а других помиловал, позвал с собой в походы на поволжских болгар и на мордву. И после каждого похода делился с ними добычей.

В первые годы после убийства Андрея из-за смуты и междоусобий ослабла Суздальская земля, но при Всеволоде постепенно оправилась.

Всеволод пошел по стопам старшего брата. Лелеял он его заветные чаяния — объединить под своей властью все русские княжества. Но Андрей посылал свои полки на Киев и на Новгород, и терпели они поражения.

А Всеволод осторожен был, исподволь готовил войска, предпочитал переговоры, мирные пути к осуществлению своих замыслов.

В Киеве все сидел великим князем Святослав Всеволодович

Черниговский из рода Ольговичей. За свою долгую жизнь довелось ему совершить много подвигов ратных, знал он и горечь поражений. Создатель «Слова о полку Игореве» любит и чтит его, неоднократно называет «Великим».

У него в Чернигове провел когда-то Всеволод четыре года изгнания. За то, что приют он там нашел, по гроб жизни благодарить бы надо.

До поры до времени мирно сидели оба князя — Святослав и Всеволод по своим золотым столам, добрыми грамотами пересылались.

За смерть свата Глеба Рязанского Святослав зло на Всеволода про себя держал. Никак нельзя было ему зачинать ссору с могучим князем Суздальским, во многих соседних с Киевом городах сидели враждебные Святославу князья — Мономаховичи.

Казалось, настал долгий, хотя вряд ли добрый, мир меж обоими княжествами.

Из Киева во Владимир шли товары заморские — ткани многоцветные, имбирь, перец, вино, хитрые изделия киевских златокузнецов. А из Владимира в Киев везли купцы меха собольи да бобровые, мед, воск, смолу, пеньку. И радовались такой торговле и купцы, и бояре, и ремесленники.

С каждым годом все могучее и богаче становилось княжество Суздальское, повелел Всеволод именовать свои земли, как и Киевские, «великим княжеством». И эту обиду вытерпел молча Святослав.

Захотел Всеволод под свою руку положить соседнюю Рязань, своего сына там князем поставить. А Святослав своего сына Глеба в Рязань на подмогу направил. Всеволод взял Глеба в плен.

Такого самоуправства Святослав допустить не мог. Помирился он с южными Мономаховичами и позвал на помощь половцев.

Великая сила полков нагрянула в пределы Суздальские. Загорелись деревни и посады. Было это зимой 1180 года.

Понял Всеволод: не удастся тянуть мирные переговоры, надо меч обнажать. Собрал он свои полки и пошел навстречу полкам Святославовым.

На реке Влене, в сорока верстах от Переславля-Залесского, встретились обе рати. Полки Всеволодовы встали на высоком берегу реки, полки Святославовы на низком.

Всеволод ждал, когда Святослав начнет по льду переправляться, а Святослав не решался — снизу на снежную гору лезть было несподручно и скользко. Долго стояли друг против друга полки. Суздальские воины подступили к шатру Всеволодову с таким речами:

— Мы не целоваться сюда пришли, а землю родную боронить. Ударим с горы на киевлян.

А Всеволод им говорит:

— Погодите, мы их пересидим.

Половцам надоело у костров греться да ждать обещанной добычи. Роптать они начали на Святослава.

Направил Святослав послов ко Всеволоду, как по обычаю тех времен князья друг ко другу направляли.

— Выходи на чистое поле. Биться будем. Бог нас рассудит.

Ни один князь на Руси никогда бы не решился поступить так, как поступил в тот раз Всеволод. Ничего не ответил он Святославу, а приказал тех послов связать и отправить во Владимир.

Ждал Святослав ответа и день, и неделю, и месяц, пока весенняя оттепель не наступила. Пришлось ему бросить весь санный обоз и с великим позором верхами на отощалых конях и пешими отступить. Пересидел-таки его Всеволод, и победа ему досталась бескровная.

Ни об одном князе столь почтительно не пишет создатель «Слова о полку Игореве», как о Всеволоде: «Не мыслию ти прелетети издалеча отня злата стола поблюсти. Ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Дон шеломы выльяти!»

Конечно, это поэтический образ. Да, войска у могучего князя Суздальского было много. И потому склоняли перед ним свои гордые головы все князья русские и даже Святослав Великий, на Золотом Киевском столе сидящий, и даже далекие от города Владимира князья Галицкие.

Говорит о Всеволоде летописец:

«Сего имени токмо трепетаху вся страны и по всей земле изыде слух его».

Достиг Всеволод такого могущества не столько победами на поле брани, сколько осторожностью, обманом, посулами, подкупом.

Можно предположить, что подобно императору Византийскому, он редко показывался на людях. А коли ездил куда в походы ратные, в ближние города или на охоту, то выезжал на белом коне. А княгиня его Мария Шварновна ездила в золоченой колеснице, или несли ее на носилках. Сопровождавшие их бояре и дружинники были одеты в парчу, и каменья горели на их кафтанах и на конских сбруях. Никогда Андрей так богато не одевал своих приближенных. Во всем Всеволод хотел затмить старшего брата и сравняться в роскоши с византийским двором.

Андрея только после смерти стали называть великим князем, а Всеволод при жизни требовал, чтобы его наравне с Киевским

так величали, чтобы все его родичи, обращаясь к нему, не смели бы называть его «брате», а только: «отче» и «господине»…

В 1194 году умер Святослав Киевский. Вновь пошли сменяться в Киеве великие князья, ни один из них долго не сидел на Золотом столе. Словно коршун за стаей куропаток, следил Всеволод за этими перемещениями, ссорил южных князей одного с другим; он знал — от их розни растет могущество Суздальской земли.

Так волею Всеволода сел на Киевском великокняжеском столе его двоюродный племянник и сват Рюрик Ростиславич. Летописец прямо говорит, что «посла великий князь Всеволод муже свое в Кыев и посади в Кыеве Рюрика Ростиславича». Чтобы удержаться в Киеве, Рюрик позвал половцев, и те сожгли стольный город, а Всеволод не однажды посылал ему на помощь полки суздальцев.

Он пренебрегал мнением боярским, редко звал их на совет, сам правил, сам вершил суд, в страхе и послушании держал бояр, но всякий раз после ратных походов на болгар, на мордву, на мелкие поволжские племена щедро одаривал их захваченной добычей.

О простом народе, о «черных людях» редко упоминают летописцы. Была «смута велика» после убийства Андрея Боголюбского. Было при Всеволоде после Владимирского пожара 1185 года народное колебание пространее и страшнее, нежели сам пожар.

Видимо, Всеволод считался с народом. В летописи сказано, что он «суд судя истинен и нелицемерен, не обинуяся лица силных своих бояр, обидящих менших и работящих сироты». Насчет суда истинного и нелицемерного лучше умолчать, однако, в иных случаях Всеволод действительно брал «сирот» под защиту от боярского произвола.

Летописцы захваливают, прославляют его, называют «миродержцем», «благосердым». Подобно брату Андрею, хорошо знал Всеволод, что союз князя и церкви — это сила грозная. Но старший брат всю жизнь враждовал с Киевским митрополитом, а младшего митрополит боялся. Подобно брату Андрею, не допустил Всеволод во Владимир епископа-грека, назначенного Византией, а своею властью поставил верного ему пастыря Луку. И митрополиту волей-неволей пришлось того Луку признать.

Андрей, особенно в конце жизни, был очень набожен, а Всеволод ходил в церковь, чтобы народ издали видел его, чтобы показать себя во всем блеске. Он понимал, что верующий народ в смирении своем будет почитать и слушаться его, богом поставленного властвовать на Владимирской и Суздальской земле.

Андрей искренне любил свою родину, любил все, что создали его зодчие из белого камня.

Всеволод, с детства мыкавшийся по чужим краям, вряд ли любил что-нибудь или кого-нибудь, кроме самого себя и своей власти.

Летописи упоминают, что он любил свою дочь Верхуславу. Но ее выдали замуж девятилетней за сына Рюрика Ростиславича Киевского, и девочка покинула отцовский дом. Где же тут любовь — один холодный расчет[23].

У Всеволода было восемь сыновей, не сосчитать его потомков. Вот почему летописцы позднейших лет дали ему прозвание — Большое Гнездо. Но нигде не говорят летописцы о его любви к сыновьям, а о вражде со старшим сыном речь будет впереди.

Была у него одна любовь, хотя летописцы не единым словом не обмолвились о той любви.

Всеволод, надо думать, много читал. Из Киева, из Византии, от сербов, от болгар стекались рукописные книги в его княжеский дворец, но жаловал он не священное писание, а повести светские, сборники сказаний древнегреческих, персидских, сербских, армянских, грузинских. Назывались такие сборники — «Златоустами», «Златоструями», «Палеями».

Сидели на Всеволодовом дворе многие переписчики и с усердием похвальным переписывали для него редкостные книги, выводили на иных страницах золотом и алой краской затейливые заставки и буквицы с неведомыми чудищами и птицами.

Со всех концов земли Русской шли во Владимир сказители и, подобно соловью старого времени вещему Бояну, пели под перезвон гуслей ста́рины о знаменитом пращуре Всеволода, о князе Владимире Святославиче Красное Солнышко и о его славных богатырях.

Случалось, Всеволод долгими зимними вечерами слушал гусляров и сказителей, и, верно, грезилось ему, придет время, и о нем, о его деяниях будут слагаться песни да старины.

Но в пламени многих пожаров погибли книги, а песни да старины давно позабылись. А может, вовсе не думал народ русский возносить хвалу князю Всеволоду Большое Гнездо, и растаяла память о нем в сердцах людских, как льдины весной.

Откуда же мы знаем, что любил Всеволод книги?

А сберегла́сь до наших дней книга одна, что огня не боится. Книга та белокаменная. Дойдет черед, и о ней поведется наша повесть.

Пять богатырей

В 1185 году случился великий пожар во Владимире. Выгорели все посады и самый город внутри дубовых стен. Начались в городе и по селам смуты. Говорит летописец: «На крестьянском роде страх, колебание и беда упространися».

Сгорели тридцать две каменные и деревянные церкви, погибли в пламени многие терема боярские златоверхие, пестроцветным узорочьем украшенные. А сколько посадских

лачуг огонь не пощадил, про то молчит летописец.

«Погоре бо мало не весь город» — пишет он и упоминает, что княжеский дворец «Богом соблюден бысть от пожара», то есть уцелел.

И объят был пламенем белокаменный Успенский собор, что с такой любовью и тщанием строили и украшали зодчие Андрея Боголюбского. Выгорели внутри собора дубовые связи, трещины пробежали по стенам, осели своды.

Со скорбью перечисляет летописец то несметное богатство, что погибло в соборе: «ссуды (сосуды) златые и сребреные», «порты, золотом шитые», «иконы, золотом кованные», «куны (меха) и книги и паволокы — им же несть числи». Успели вынести из огня немногое, спасли и знаменитую икону Владимирской богоматери.

После смерти Андрея Боголюбского одиннадцать лет смуты и войны не давали ничего белокаменного строить на берегах Клязьмы. Иноземные мастера разъехались, а свои не сидели все эти годы без дела, многие боярские терема деревянной резьбой украшали; иные вернулись в родные деревни и там пахали и сеяли.

А настал день, и повелел Всеволод всем тем русским мастерам явиться во Владимир. Летописец особо отметил, что Всеволод «не ища мастеров от немець, и обрете их от работных в своей епископьи и от иных своих…»

Пришли мастера к закопченому собору, стали думу думать. И надумали они построить невиданное. В наше время о таком деле сказали бы: «Было принято исключительно смелое и оригинальное инженерное решение».

С трех сторон, с севера, с запада и с юга, решили мастера окружить прежний собор Андрея новыми стенами из белого камня, заключить обгорелый остов как бы в новый «футляр». Начали они старые стены разбирать, да не целиком, а проделали в них широкие проемы, оставляя от нижних частей этих стен столбы, связанные между собой арками.

Так, вместо шестистолпного встал новый храм невиданных размеров, на восемнадцати столбах. Прежние алтарные апсиды в сравнении со всем зданием выглядели малыми. Мастера их полностью разобрали и построили новые — словно три могучие, выдвинутые вперед, полукруглые башни. К одной большой средней главе добавили четыре поменьше по углам. Так встало над храмом пять глав — средняя в золотом шлеме, четыре по сторонам в серебряных.

Летописец пишет: «Князь великий Всеволод церковь Володимерскую сугубо округ ея упространи, украси, юже брат его

Андрей поставил об едином версе <главе>… Всеволод же четыре верхи създа».

Поистине поразительно то умение и истинно русская смекалка владимирских «холопей-каменьщиц», которые так искусно накрыли один собор другим.

Воздвигли Всеволодовы мастера из белого камня огромный храм. С ним могли соперничать лишь оба Софийских собора: один — в Киеве Златоглавом, другой — в Господине Великом Новгороде.

Каждая стена Владимирского храма выступающими вперед шестью лопатками делилась на пять неравной ширины прясел. Каждая лопатка опиралась внизу на соколиную когтистую лапу, а каждое прясло завершалось под крышей полукружием. Посреди стен протянулся аркатурный пояс — в семь, в шесть, в пять, а то и в четыре свисающие вниз полуколонки. Над аркатурным поясом пробежала дорожка поребриков, а еще выше посреди каждого прясла были оставлены высокие и узкие окна.

Совсем мало по стенам белокаменной резьбы. А ведь прежний собор Андрея был богато украшен узорочьем. Так неужели забыли мастера свое тонкое умение долотить на камне узоры?

Вряд ли Всеволод ходил смотреть, как возводятся стены собора. Он доверил надзирать за работами епископу Луке, сказав ему, что новый храм своим великолепием должен затмить все, что создавали раньше. О великолепии, о величии собора Всеволод помянул, но не помянул он о его красоте.

Таков был княжеский, как мы теперь выражаемся, «социальный заказ».

Священнослужители взялись руководить зодчими.

— Пусть стены собора останутся белыми и чистыми, подобно одеждам ангельским, — говорили они.

Когда разбирали проемы в прежнем соборе, многие резные камни лишними оказались, иные из них мастера помещали в стены тыльной стороной вперед, иные камни вовсе повыбрасывали, а иные композиции собирались уберечь, да не сумели, при переносе попортили, и пришлось резьбу совсем сбить.

Такая беда случилась с композицией «Вознесения Александра Македонского» — она погибла. И мы, пытливые изыскатели владимирской старины, с горечью рассматриваем теперь едва заметные неровности на тех трех огромных камнях южной стены собора. Вот все, что осталось от великолепного творения камнесечца.

Такая же участь постигла и четыре камня композиции «Сорок

мучеников Севастийских».

Церковная легенда гласит: некогда в Армении, в городе Севастии, было гонение на христиан. Сорок римских солдат перешли в христианскую веру. Солдаты-язычники их обезоружили, связали, привели к берегу озера и потребовали, чтобы они поклонились мраморному богу. Солдаты-христиане отказались. Тогда их загнали в озеро и заставили стоять по пояс в ледяной воде. Один из сорока смалодушничал и поклонился статуе. Но в тот же час один из гонителей перешел добровольно в христианскую веру. Так снова оказалось сорок солдат-христиан, которые и погибли мученической смертью.

И эта композиция была погублена при переносе, и потому строители ее безжалостно сбили. Лишь на одном из камней остались заметны фигурки пятерых людей, стоявших в ряд по пояс в воде среди кудрявых завитков волн.

А композиция «Три отрока в пещи огненной» уцелела. Изображение трех юношей, из коих средний поднял вверх руки, и сейчас можно видеть на северной стене храма. Уцелели от собора Андрея вставленные по стенам кое-где отдельные женские и львиные маски. Да на концы иных аркатурин перенесли мастера Всеволода маленькие резные камни с львиными или женскими масками, с птичками в профиль.

Еще недавно возле собора то тут, то там находили резные камни. И глядят на них ученые да гадают: где, какие стены, какие лестничные башни[24] украшались тем узорочьем?

На ободвериях[25] разгулялось бойкое долото Всеволодовых мастеров. По сторонам входных дверей выросли справа и слева как бы белоствольные березы. То не березы встали, а колонны с резными капителями. Мастера, видно, знали, как долотить податливое дерево и прежнюю свою сноровку на камень перенесли. Так над дверьми с одного ряда колонн к другому перекинулись резные арки из белого камня.

Прежний одноглавый собор Андрея был красив, изящен, строен и точно кружевом украшен многообразным узорочьем.

Собор Всеволода 1185–1189 годов тоже красив. Но красота его иная. Празднично-торжественный, он поражает своим величием.

Великолепен собор, воздвигнутый повелением Всеволода.

«Я — великий князь Владимирский, Суздальский, Ростовский и прочая и прочая… Я и православная церковь, которая мне служит, правлю вами. Смотрите, какое белокаменное великолепие создано по моему повелению» — словно хотел сказать простому народу тот властелин, что лелеял честолюбивый замысел взять под свою руку всю тогдашнюю Русь,

тот властелин, чьи воины могли Волгу веслами расплескать.

Девятый век стоят пять богатырей на высокой горе над излучиной Клязьмы — теперь все пятеро в золотых шлемах. Глядят они сверху на лесное бесконечное зеленое море. Где-то вдали по холмам на другой стороне Клязьмы протянулись чуть видимые деревни. Леса уходят в синюю дымку, сливаются с синим небом. Ширь. Красота…

Пять богатырей словно стерегут покой земли Русской. Они поднялись на гору, на простор, на свежий воздух, что веет с Клязьминской поймы, встали в глубокой тревоге о будущих судьбах своей родины и словно спрашивают один другого: «Высоко вознесся великий князь Всеволод, а дальше что будет на Руси?»

Внутри здания на уцелевших частях прежних стен храма Андрея сохранились кое-где колонки аркатур, некогда опоясывавших все четыре стены, и остались в пятах арок улыбающиеся белокаменные львы.

Одно не рассчитали мастера Всеволода, когда ставили новый собор. Стены его были чересчур толсты. И потому сквозь двадцать узких окон второго яруса, сквозь многие окна барабанов пяти куполов мало просачивалось света на медный и поливной пол.

Но епископ Лука и его преемники не жалели ярого воска на свечи, не жалели масла на лампады. И когда зажигались тысячи огней, сверкало, переливаясь, вдвое, втрое богатейшее, чем на прежнем храме Андрея, драгоценное убранство собора.

И проступали из полутьмы золотые буквы надписей на гробницах князя Андрея, его сына, Михалко — его брата и умерших за те годы епископов. Гробницы были вделаны в ниши стен, назывались те ниши аркосолиями.

При огне свечей и лампад показывались многие настенные фрески, изображавшие святых и юных ангелов в длинных, с ниспадающими складками одеждах. Очи у тех святых и ангелов были большие и с печалью глядели на богомольцев.

Эти фрески были писаны греческими искусными мастерами, коих позвал Всеволод из Царьграда.

Русские ученики перенимали у греков их умение и приемы, учились, как рисовать, какие разноцветные камни, где искать и как их толочь, из каких глин, руды и трав изготовлять краски, как их смешивать и накладывать. Но пока еще не было у тех учеников достаточной сноровки, и нетвердо держала кисть их рука. Лишь два столетия спустя ученики учеников и самый первый из них — великий Андрей Рублев превзошли своих учителей.

Много строил Всеволод в стольном своем граде Владимире. На том же холме над Клязьмой, где стоит Успенский собор, но в

противоположном юго-восточном углу его, в ограде Рождественского монастыря, в 1192 году был воздвигнут белокаменный одноглавый собор-крепость.

Вся дальнейшая история этого памятника старины служит скорбным примером преступного равнодушия людей, ученых и неученых, безбожников и верующих, к наследию прошлого. А ведь в том соборе был похоронен внук Всеволодов, знаменитый князь Александр Невский.

Собор неоднократно перестраивали, переделывали, одни части ломали, пристраивали кирпичные паперти, галереи, притворы. По прихоти царя Петра Первого прах Александра был перенесен в Петербург.

Рождественский собор продолжали перестраивать и переделывать. К середине прошлого века его первоначальный облик исказился до неузнаваемости. Все эти переделки довели собор до такого состояния, что он грозил обрушиться.

В таких случаях современные реставраторы осторожно разбирают позднейшие пристройки и, найдя древнее, пусть лишь частично уцелевшее «ядро», пытаются восстановить здание в первоначальном виде.

В 1859 году с Рождественским собором поступили иначе: его просто разрушили.

Это, верно, было очень страшно, когда погибал славный памятник старины. Можно себе представить такую картину:

Купчина-подрядчик, довольный договором с монастырским игуменом, нанял артель рабочих. Один из них — самый шустрый удалец — забрался на купол, закинул за крест веревку. Стоявшие внизу потянули: «Раз-два — взяли!» Крест, прыгая по карнизам, со звоном упал. Забрались с ломами наверх другие удальцы, содрали медные листы с купола, сшибли железный каркас, принялись за крышу, за стены позднейшей кирпичной надстройки. Выламывать кирпичи было не так уж трудно. Когда подошел черед притворов, отваливались целые глыбы. Постепенно обнажались белые камни первозданного собора.

По сохранившемуся остову выяснилось, что зодчие Всеволода построили его почти без украшений. Даже вместо аркатурного пояса мастера пустили поперек стен однообразный рядок колючих зубчиков.

Покряхтели удальцы над каждым белым камнем. Не хотел собор умирать. Камни, падая сверху, словно стонали. И разрушен был собор до основания. На том же месте построили новый, в стиле сухо-академическом, придерживаясь якобы очертаний XII века. Красиво стоял тот белокаменный собор с золотым, потускневшим куполом на высоком холме за белыми стенами

монастыря и прекрасно сочетался с зелеными садами и подлинно древними памятниками города. Восемьдесят лет спустя он также был разрушен.

Исчез безвозвратно и другой свидетель той эпохи — рубежа XII–XIII веков.

Жена Всеволода Мария Шварновна основала во Владимире женский монастырь, называемый Княгинин. Впервые со времен Мономаха там построили собор не из дорогого белого камня, доставлявшегося с отдаленных берегов Москвы-реки, а из дешевого кирпича — плинфы, который обжигался на месте. В том соборе похоронены многие княгини, в том числе Мария Шварновна, жена и дочь Александра Невского.

Недавние раскопки обнаружили только остатки фундамента когда-то сгоревшего собора. Он был одноглавый, четырехстолпный и очертаниями своими, верно, напоминал строгий Рождественский собор. Теперь на его месте стоит также одноглавый, своеобразно нарядный, опоясанный под куполом гирляндами кокошников, кирпичный и побеленный храм первой половины XVI века, восстановленный по проекту страстного охранителя владимирских древностей архитектора Столетова Александра Васильевича и нынешнего главного реставратора владимирской старины его сына Игоря Александровича.

Всеволод боялся народа. Он приказал окружить свой дворец и близлежащие здания белокаменной зубчатой стеной. Получился укрепленный городок в городе, называемый «детинец».

На верху ворот этого детинца стояла церковь Иоакима и Анны. При раскопках были найдены остатки фундамента белокаменных стен и фундамента ворот.

В Московском Историческом музее находится удивительный обломок резного камня — птица Сирин — «птица с ликом девы». В приходной книге музея значится, что камень этот был найден в 1908 году близ Успенского собора города Владимира. Никаких зарисовок точного места находки нет. И гадают теперь исследователи: камень явно относится к XVII веку. Какой церкви он принадлежал? Быть может, той надвратной, видимо, позднее перестроенной? Облик ее восстановить невозможно.

Как выглядел давно исчезнувший дворец Всеволода — тоже неизвестно. Мы даже не знаем, был ли он белокаменным, или кирпичным, или просто деревянным. Единственное его изображение в одной из летописей ничего не говорит исследователю. И место, где находится дворец, несмотря на неоднократно проводимые раскопки, до сих пор не найдено. Приходится вновь повторить ранее сказанные слова: «Много еще исторических тайн прячет земля Суздальская и Владимирская».

Белокаменная книга

Когда мои московские друзья просят меня показать им белокаменные сокровища древней Владимирщины, они шлют мне письма в Любец, где я живу, и я назначаю им встречу во Владимире «у Дмитриевского собора».

Это очень удобное место для таких встреч. Право, можно часами стоять и смотреть на лучший памятник зодчества эпохи Всеволода, на эти когда-то белые стены, покрытые теперь серой

пылью веков.

С первого взгляда Дмитриевский собор кажется очень похожим на церковь Покрова на Нерли. Он хотя и больше, но таких же очертаний и также с одной главой.

И однако, он совсем другой, и не только потому, что на тридцать лет моложе. Никому не придет в голову называть его церковью, а только в мужском роде — собором, храмом, памятником старины.

Златокудрой царевной — Покровом на Нерли хорошо любоваться издали, чтобы глаз охватывал всю ее, от цоколя и до креста. Цветущий луг, озерко-старица и она сама — это как бы единое целое. Она просто немыслима без окружающей природы.

Между Дмитриевским собором и Успенским стоит огромное каменное здание конца XVIII века — бывшие Губернские присутственные места. Эти мрачные, похожие на сундук, так называемые «палаты» втиснулись между подлинной стариной и точно сдавили Дмитриевский собор. Рядом с ними он кажется совсем незначительным. Нужно подойти к самому его подножию.

И тут стоит остановиться надолго, чтобы внимательно рассмотреть все камни, слагающие его стены. Каждый камень, начиная от аркатурного пояса и выше, камень особенный, непохожий на другие, и каждый в отдельности — подлинное произведение искусства.

Словно повешены на стены четыре белокаменных тяжелотканых ковра, или, лучше сказать, четыре страницы огромной белокаменной книги, написанной на неведомом языке. Каких только удивительных зверей, птиц, людей и вовсе непонятных существ не создавали скарпель и воображение мастеров: все разные заморские чудища — сказочные треххвостые львы и барсы, грифоны с туловищем льва, с головой и крыльями орла.

Белок, лисиц, волков, медведей нет на этих камнях.

Аз пущу на вас звери двоеглавые,
А главы у них львовые.
Крыла орловые,
Власы женские… —

так поется в старинном духовном стихе.

Исследователи этого единственного в своем роде памятника искусства подсчитали, сколько и каких изображений поместили мастера на трех его стенах, без аркатурного пояса и без трех алтарных апсид, составляющих четвертую стену. В книге Н. Н. Воронина приводится такая таблица:

Изображения христианского характера … 46
Звери и птицы … 236
Грифоны … 28
Растения … 234
Прочие … 22
Итого: 566 изображений.

Выходит, что изображений христианских помещено всего лишь на 8 процентов резных камней.

Всеволод поручил строить монашески-строгий и величественный Успенский собор властям церковным. Его воздвигали для народа, который нужно было держать покорным князю и священнослужителям.

А Дмитриевский собор Всеволод повелел строить для себя, для своей семьи, для своих приближенных.

Когда построили мастера Успенский и Рождественский соборы, поставили белокаменный детинец с воротами и надвратной церковью, настал день, и позвал их всех Всеволод.

— Хочу на своем дворе видеть храм, — сказал он им, — свой храм, во имя своего святого — воина мученика Дмитрия Солунского[26]. И пусть будет он таким, какого еще на Руси не видывали.

Собор строили рядом с княжеским дворцом, внутри княжеского детинца, куда простой народ не допускался. И конечно, Всеволод ходил на строительство постоянно, может быть, каждый день. Он сам выбирал из своей богатейшей по тем временам библиотеки рукописные книги с миниатюрами[27], вел мастеров в свои кладовые, показывал им заморские и киевские шитые ткани, чеканные медные и серебряные сосуды.

Мастера внимательно изучали изящные миниатюры в книгах, тонкие узоры на посуде и на тканях. Но у них был и свой наметанный глаз.

В детстве их деды и прадеды рассказывали им старые предания да сказки. И шли те сказки и предания с древних и древнейших, еще Перуновых и Ярилиных времен.

А еще подсмотрели мастера по лесам и лугам, как нежный вьюнок извивается своими слабыми побегами, как буйный хмель опоясывает белые стволы берез, как по болотам растут желтые и лиловые касатики (ирисы), а по полям алеют маки.

А еще с юных лет знали они, как долбить дерево. Челноки, колоды — пчелиные улья, колоды — гробы для покойников, корыта, ушаты, братины, чаши-ендовы, многие мелочи вроде солониц, ковшиков, разных ларцов выдалбливали мастера из цельного куска дерева, а потом брали самый малый и самый острый скарпель и украшали тонколистной резьбой изделия рук

своих.

А еще умели те мастера вырезать по дубу хитрые узоры на князьках, наличниках, причелинах, подзорах, крылечках теремов боярских.

Как сказал им Всеволод — «хочу видеть свой храм украсноукрашенным», так и встрепенулись их сердца. Захотелось им во всю удаль русскую разгуляться скарпелями.

Нынешние ученые-исследователи, изучающие узорочье на соборе, не могут определенно сказать, какой зверь, или птица, или цветок взят из книг, какой с заморских тканей или посуды, а что пошло от деревянной резьбы, а что подслушано в старых преданиях да сказках, а что подсмотрено по суздальским лесам и болотам. С разных сторон явилось художество на четыре страницы белокаменной книги.

Исследователи дореволюционные утверждали, что зодчие собора вложили в его камни определенную религиозную идею и строили его согласно словам из псалма царя Давида: «Всякое дыхание да хвалит Господа».

Но, разглядывая бесчисленных каменных зверей и птиц, можно увидеть, как далеки эти существа от всего небесного. Не могли такие чудища никого хвалить. Они просто выстроились один за другим. Вот два лебедя переплелись длинными шеями. Вот всадники-воины скачут неведомо куда, а четырехлапые грифоны прилетели неведомо откуда, иные стоят, иные машут крыльями. А эти львы или тоже стоят, или лежат, или идут; один поднял переднюю лапу, другой встал на дыбы, третий обернул голову назад: они посматривают на нас сверху то с улыбкой, то добродушно, а то оскалив зубы.

Обойдем еще раз собор и рассмотрим его внимательно. Три алтарные апсиды, составляющие восточную стену, украшены менее богато. Северная, западная и южная стены снизу доверху четырьмя выступающими вперед полуколонками делятся на три части, на три прясла, причем средние прясла шире крайних.

Три двери с трех сторон ведут в собор. По аркам, перекинутым над дверями, пущена не просто резьба, а тонкое, тончайшее белокаменное кружево с голубыми, как мартовский снег, тенями.

Подобные ободверия напоминают порталы католических соборов. Там, на каменных, наверху переходящих в плавно изогнутые дуги столбах также перевиваются стебли хмеля с диковинными беломраморными цветами да бутонами…

Поднимем глаза выше, рассмотрим аркатурный пояс.

На средних пряслах — по восемь, на крайних — по шесть выступающих вперед тяжелых подвесок, совсем не похожих на

легкие и простенькие полуколонки Успенского собора и Покрова на Нерли. Все эти подвески разные, и каждая из них — подлинно художественная драгоценность. Видимо, вспомнили мастера прежнее свое умение, как резать деревянные балясины, что держали крылечки на боярских теремах.

Иные подвески словно перевиты кружевными ленточками или стебельками хмеля, а другие будто сплетены из окаменелых ивовых прутьев и похожи на узкую рыболовную вершу. Каждая подвеска начинается с удивительного зверька или птицы. На спине птицы или на хвосте зверька растет цветок о четырех лепестках, а на цветок вскарабкался другой диковинный зверек, поменьше. Спускаются эти подвески из пышных капителей, соединенных меж собой подковками арочек и похожих на букет цветов. А вокруг арочек сплелись тонкие стебли растений. А выше идет ряд поребриков, а еще выше хитросплетенная каменная ленточка.

Между аркатуринами-подвесками разместилась вереница святых. Тут и апостол Петр с короткой полукруглой бородой, строгий Николай-чудотворец с каменными крестами на одежде. Святые стоят, а древние пророки удобно расселись на облачках-подушках. Всеволод приказал изваять и своих предков — рослого князя Бориса и юношу князя Глеба. У каждого святого строго установленные еще византийскими церковниками черты лица. И все же эти черты вполне живые, выразительные, словно мастера высекали на камнях портреты своих близких. Или, может, вспомнились им древние божки, что вешали их жены на стропила хлевов для бережения коров и овец от злых духов? А стоят те святые прямо на ветвистых заморских деревцах и цветках, а под теми деревцами и цветками спрятались заморские птицы да львы.

Поднимем глаза выше аркатурного пояса. На каждой стене по три окна, как и положено, узкие и длинные. По сторонам окон, под ними и над ними во всю ширь развернулась художественная удаль древних русских камнесечцев.

Целые стада ни на что не похожих, но совсем не уродливых и не страшных существ явились на эти серые, как весенний снег, стены-страницы.

Трижды повторяется большая композиция — царь Давид[28], окруженный множеством зверей и птиц, слушающих его игру на гуслях и пение. На одном камне — «Вознесение Александра Македонского на небо» — олицетворение величия и безграничных возможностей повелителя. Какого повелителя? Всеволод вряд ли разумел Александра, а вернее — самого себя.

Отойдем от собора чуть подальше и взглянем вверх, туда — повыше полукружий закомар, завершающих стены.

Каменная резьба на барабане купола совсем особая — переплетающиеся стебли растений образовали между окнами медальоны с изображениями то святых, то сказочных зверей.

Барабан завершается пологим шлемовидным куполом с четырехконечным, из золоченой меди кружевным крестом. А на кресте уселся маленький изящный медный голубок — ветрило.

Окинем взглядом весь собор. Кто-то высказал такую мысль: молодой зодчий — хитрец, создавший церковь Покрова на Нерли, тридцать лет спустя — убеленный сединами, увенчанный лаврами, создал роскошный Дмитриевский собор. Это, конечно, неверно.

Там, на берегу Нерли, среди зеленых лугов — вдохновение, поэзия, высшая духовная красота.

А Дмитриевский собор целиком принадлежит нашей грешной земле. И зодчий верно был муж ученый и одновременно одаренный сказочник, неистощимый выдумщик. И тоже искренний поэт, но иного склада души. Дмитриевский собор — это он сам, Всеволод Юрьевич Большое Гнездо, вероломный и умный, могущественный потомок императоров византийских, великий князь Владимирский и Суздальский, кто решал судьбы княжьих столов Киева, Новгорода, Смоленска, тот князь, что в пышных и ярких одеждах, вышитых невиданными чудищами, не часто показывался простому народу.

Но для нас величавый и мужественный Дмитриевский собор — это исполненная древней и глубокой мудрости белокаменная книга с четырьмя страницами — стенами. А ряды резных камней — строки той книги. А любой камень — отдельное мудрое слово, начертанное на неведомом языке. И каждый ученый по-своему объясняет слова-камни, и каждый рядовой любитель старины по-своему воспринимает их загадочную красоту…

А в той белокаменной книге будто написано:

«Смотрите, люди, удивляйтесь! Видите, какую огромную и разностороннюю культуру нес на своих плечах русский человек на рубеже XII и XIII веков. Нес весь русский народ, а не одно духовенство и не ближайшее боярское окружение Великого Всеволода».

А раз столь мудрое и тонкое умели мастера высекать на камне, значит, во времена долголетнего и, кроме первых смутных лет, в общем-то спокойного княжения Всеволода расцвели и другие отрасли русской культуры. И все эти чудища жили не только на камнях, но и в сказках, в песнях, в сказаниях. И жили в книгах.

«Слово о полку Игореве» неизмеримо выше всего малочисленного остального рукописного наследия тех веков.

«Слово» — это точно огромный одинокий дуб в шесть обхватов, что широко раскинул ветви над лесной порослью. Были и другие поэмы. В эпоху создания белокаменной книги их просто не могло не быть. Но пламя многих пожаров уничтожило их.

Из всей несметной деревянной резьбы тех времен сохранился лишь один обрубок дубовой резной колонны, откопанный в Новгороде. Так и «Слово о полку Игореве». Оно дошло до нас в единственном списке. И этот список XVI века погиб в 1812 году во время пожара Москвы.

Духовенство косо смотрело на подобные светские поэмы. Переписывать и хранить их было опасно. Да и пергамент из телячьей и козьей кожи стоил дорого. На нем переписывались книги, угодные церкви, а поэмы, возможно, процарапывались на обыкновенной бересте.

Вот уже который год археологи при раскопках в Новгороде находят многочисленные берестяные грамоты, процарапанные острым костяным «писалом», тексты — письма и записки самого разнообразного обыденного содержания. Была найдена даже берестяная азбука, даже берестяная тетрадка. И грамоты эти писали о своих повседневных делах не монахи, не бояре и купцы, а простые посадские люди. Это поистине исключительное открытие неоспоримо доказывало, что в Новгороде некогда существовала весьма высокая культура.

Но подлинной древней берестяной (березовой) книги пока еще нигде не нашли. Не потому ли не нашли что береста легко воспламеняется?

На Владимирщине и берестяных грамот найдено не было. Таково свойство здешнего грунта, в котором дерево не сохраняется. Но, разумеется, и во Владимире, и в Суздале, и в других ближних городах жили ученые мужи и просто грамотеи.

Существовала ли большая художественная литература в Древней Руси? Были ли у «Слова о полку Игореве» братья и сестры, процарапанные на бересте?

Как бы ни казались такие домыслы шаткими, четыре страницы белокаменной книги, четыре стены Дмитриевского собора каждым своим резным камнем говорили:

— Да, подобная высочайшего взлета древнерусская литература была!..

Отойдем от собора подальше, на самый взлобок горы. Тут когда-то шла деревянная крепостная стена. Попробуем себе представить, как выглядела раньше эта гора.

От собора, несомненно, шел крытый переход во дворец Всеволода, или деревянный, или подобный переходу в Боголюбове. Его опоясывала низкая, доходившая до аркатурного

пояса галерея, и стояли рядом с собором одна или две лестничные башни, ведшие непосредственно на «восходние полати» собора, куда во время богослужения поднимался Всеволод со своей семьей.

Умели наши предки выбирать места, где строить. Все созданное ими составляло единое целое и сливалось с окружающей природой. Такое единение мы теперь называем «архитектурный ансамбль». Величавый Успенский собор, нарядный Дмитриевский и многое, многое другое, белокаменное и деревянное, построенное при Андрее и при Всеволоде, возвышалось на высокой горе над Клязьмой. Это был непревзойденной красоты ансамбль, приводивший в изумление и трепет всех, кто его видел в те давние времена.

Так исполнился, еще при жизни Всеволода, его гордый замысел — затмить своим белокаменным и деревянным великолепием все, что строил до него брат Андрей.

Как же относилось духовенство ко всему тому звериному и птичьему, далекому от христианской религии буйству, что создали мастера на белых камнях Дмитриевского собора?

Епископ Иоанн, сменивший умершего Луку, не смел перечить великому Всеволоду. В дни княжеских семейных праздников приходилось самому Иоанну служить обедню в Дмитриевском соборе.

Церковники, столь ревностно прославлявшие в летописях деятельность Великого Всеволода, сказали свое слово о Дмитриевском соборе, вернее — не сказали ни единого слова. В летописях подробно говорится о победах Всеволода — кого, когда, какими путями он побеждал, с кем вел мирные переговоры, точно указывается, в каком году, какой у него сын родился, когда и на ком, какой сын женился, подробно рассказывается о всех построенных во время княжения Всеволода каменных зданиях.

А о Дмитриевском соборе монахи-летописцы вообще не упомянули, будто его вовсе не было. И только после смерти Всеволода в пространном его некрологе говорится: «Създа церковь прекрасну, на дворе своем святаго мученика Дмитрия, иже бе извну камень той около всея церкви резан, а врьх (верх) ея позлати».

Это неслучайное умолчание летописцев поставило в тупик исследователей-ученых, которым нужно было установить точную дату постройки собора.

Помогла левая надоконная композиция северной стены, состоявшая из трех камней.

На ней виден безбородый мужчина, одетый в нарядный вышитый кафтан, с княжеским плащом — «корзном» на плечах. И

держит тот мужчина на коленях мальчика, а четверо других мальчиков, также в нарядных кафтанах, подбегают к нему с двух сторон. Ученые высказали догадку, что тщеславный Всеволод приказал увековечить самого себя и своих сыновей. Его изображение находится на стене на одном уровне с изображением Александра Македонского и царя Давида, выше изображений святых и пророков.

Из восьми сыновей Всеволода двое старших умерли задолго до постройки собора. На композиции пять мальчиков. Значит, самый младший сын — Иван, родившийся в 1198 году, ко времени окончания собора еще не появился на свет. Выходит, что Всеволод держит на коленях своего предпоследнего сына, Святослава, родившегося в 1196 году, а подбегают к нему его сыновья Константин, Юрий, Ярослав и Владимир.

В летописи указано, что в январе 1197 года из греческого города Солуни была принесена в город Владимир «гробная доска» (крышка гробницы) святого Дмитрия Солунского. В позднейших летописях упоминается, что она находилась именно в Дмитриевском соборе. Значит, собор не мог быть построен после января этого года, но он не мог быть закончен и до рождения Святослава. Отсюда ученые сделали вывод: Дмитриевский собор был построен именно в 1196 году.

Вот так, косвенными путями, сопоставляя одни факты с другими, иногда приходится исследователям-историкам устанавливать точные даты.

В позднейших летописях собор почти не упоминается. Иногда встречаются записи вроде такой: «В 1536 году на Дмитрие святом вся кровля згорела».

В XVIII веке низкую галерею, окружавшую собор с трех сторон, частично надстроили и превратили в боковые церковные приделы, а лестничные башни перестроили в колокольню.

В 1837 году по именному повелению царя Николая Первого приказано было «привести собор в первобытный вид». И под руководством ретивых чиновников решительно снесли все окружающие пристройки, в том числе оставшиеся со времен Всеволода нижние части лестничных башен и перестроенную галерею. К счастью, любители старины успели зарисовать собор до этого разрушения.

В 1843 году по благословению архиерея в Дмитриевском соборе «старую штукатурку в алтаре, церкви и на хорах во всех местах отбить, неровные камни, где нужно, обтесать и все стены перетереть, как нужно под роспись…» В том же послании написано, что перетирали каменщики столь усердно, что «даже белый камень большими штуками откалывался».

Так погибла большая часть единственных в своем роде фресок времен Всеволода, которые горе-подновители называли «старой штукатуркой».

Внутренние стены собора были записаны ужасающей безвкусицей.

Чудом уцелевшая часть древних фресок скрылась за этой мазней ремесленников.

Честь открытия тех фресок принадлежит известному художнику и ученому — Игорю Эммануиловичу Грабарю, автору тех самых объемистых томов «Истории русского искусства», которые когда-то, на заре моей туманной юности, зажгли во мне вторую любовь.

В прошлом столетии только отдельные ценители искусства берегли старое русское зодчество, но и они совсем не интересовались иконами. Икон хранилось множество в церквах, в домашних божницах, на чердаках, в церковных чуланах. Закованные в серебряные и медные оклады, с черными, закопченными ликами, они считались предметами только религиозного культа. И на фрески не смотрели глазами художников и не видели за ними подлинные творения искусства. Раз потускнели краски — значит, пришла пора подновить роспись или вовсе сбить «старую штукатурку».

В начале нынешнего века догадались смывать и счищать с икон и фресок позднейшие слои красок, олифы, копоти. То, что иной раз обнаруживали под этими слоями случайные любители старины, было поразительно. Открылись подлинные чудеса искусства, сияющие светлыми и яркими красками. Так были найдены фрески и иконы великих живописцев Древней Руси — Андрея Рублева, Феофана Грека, Дионисия и многих других, чьих имен мы не знаем.

После революции Грабарь и другие ученые и художники с большим рвением продолжали дело, начатое любителями, стали ездить по старым городам в поисках неизвестных сокровищ искусств, многие века спрятанных под позднейшими слоями. Именно стараниями Грабаря была расчищена икона Владимирской богоматери, а также многие творения Рублева. И явилась перед изумленным человечеством ни с чем не сравнимая, высочайшего взлета древняя русская живопись…

Искусство иконописи пришло в XI–XII столетиях из Византии сперва в Киев, из Киева во Владимир, в Новгород, в Псков, в Ростов, в другие северные города.

В Византии были выработаны определенные, очень строгие «каноны», то есть правила, как изображать Христа, Богоматерь, того или иного святого. Фигуры на иконах выглядели

неподвижными, чересчур тонкими, со взором строгим, устремленным вперед. Иконописец был связан этими канонами, словно невидимыми путами. Он не мог их нарушить, не смел даже руку у святого изобразить поднятой чуть выше или чуть ниже, чем положено.

Иконописцы византийские неукоснительно следовали канонам. Когда приезжали они по приглашению князей в Киев или во Владимир, то и своих русских учеников учили так же безропотно подражать раз и навсегда установленным образцам.

Но годы шли, и ученики учеников, те, у кого билась в сердцах живая кровь подлинного мастера, чувствовали, как, точно путами, их связывали эти суровые каноны.

И тогда они пытались разорвать эти путы. Так, на полях иконы, по краям главного изображения святого появились «клейма» — маленькие, вполне жизненные картинки — сцены из «Жития» данного святого. Изображения людей на «клеймах» были все в движении, согретые светлой теплотой чувства. А угодники на самой иконе еще оставались такими же, как у греков, — изможденными, тонкими, неподвижными. И лишь в глазах угадывалась жизнь.

Глаза были всегда чересчур большие и удлиненные — то просветленные, то суровые, иногда обличающие, иногда печальные, задумчивые, несказанно кроткие.

И всегда глаза казались наполненными внутренним горением, с затаенной, хоть малой частицей скорби…

В музеях, в картинных галереях нашей страны обычно имеется отдел древнерусской живописи. Не проходите мимо равнодушно, а остановитесь у той или иной иконы и, не думая о том, какой именно святой изображен на ней, попытайтесь постичь внутреннюю работу дивного произведения искусства, созданного мастером, чьего имени зачастую мы никогда не узнаем…

Летом 1918 года во Владимир прибыла комиссия, возглавляемая Грабарем.

Сейчас трудно себе представить то тревожное время. Голод, разруха, враги внутри страны и на ее границах. А в голодный, измученный войной и сыпным тифом город приехала группа людей, посланных наркомом просвещения Луначарским, с несомненного согласия и одобрения Ленина.

Ленин всегда с уважением и вниманием относился к памятникам прошлого, призывал оберегать их. В том же тревожном 1918 году по его настоянию был принят «Закон об охране памятников культуры».

Известно, что Ленин, несмотря на всю свою занятость, заботился о содержании в порядке и чистоте зданий Московского

Кремля, об их ремонте. Во время боев Октябрьской революции был сшиблен снарядом верх Беклемешевской башни Кремля. Владимир Ильич потребовал его восстановить. Те, кому это дело было поручено, не торопились, считая, что у Советской Республики и без того много забот. Владимир Ильич настоял, чтобы его требование было выполнено.

И еще: при жизни Ленина ни один памятник старины разрушен не был. Такой факт следует запомнить.

Комиссия Грабаря приехала во Владимир. Начали расчищать в Дмитриевском соборе немногие уцелевшие фрески времен Всеволода Большое Гнездо. Работали все лето до глубокой осени.

В своем дневнике Грабарь писал, как во время работ один из его помощников заболел тифом, как ему на смену явились местные ревнители старины, предложив свою безвозмездную помощь.

Так один за другим появлялись на стенах из-за позднейших слоев красок лики святых.

Так была расчищена уцелевшая часть огромной композиции «Страшного суда». Строгие длиннобородые апостолы разместились под хорами вдоль западной стены храма. Они сидят на скамьях, один возле другого и словно беседуют между собой. Какие все они разные! И про каждого из них можно сказать — какой у него характер, что он думает, как относится к веренице праведников, которых ведет апостол Петр и сопровождают два трубящих ангела.

Другая фреска — «Рай». Богоматерь сидит на троне, библейские праотцы Авраам, Исаак, Иаков важно расположились под сенью причудливых цветущих растений.

И. Э. Грабарь первый высказал мысль, что расписывали собор два художника, один был талантливый грек, приглашенный Всеволодом из Византии, другой — не менее талантливый, но еще робкий, его русский ученик.

Ангелы, окруженные ветвями, написаны этим учеником как-то проще и человечнее, нет в них суровости восседающих перед ними апостолов. Святые жены одеты в русские одежды.

Северная, южная и восточная стены собора, очищенные от поздней ремесленной живописи, благодаря струящемуся из узких окон свету кажутся голубоватыми. Наверху, над столбами, соединенными арками, притаились, оскалив зубы и улыбаясь, каменные львы. Они вычурнее и словно бы злее, чем львы церкви Покрова на Нерли.

Войдешь в храм, и он кажется совсем небольшим, но многие линии, идущие снизу вверх, делают его внутри столь же

величественным, стройным и прекрасным, как и снаружи.

Рассказывая о Дмитриевском соборе, я хочу помянуть добрым словом одного владимирца, чье имя неразрывно связано с этим памятником старины. К сожалению, имя этого очень скромного, благородного, чистейшей души человека упоминается лишь в немногих ученых трудах. А друзья и сослуживцы всегда очень тепло отзывались о нем:

— Он любил нашу землю и свое дело, — говорили они.

— Скажите, что особенно выдающегося сделал Столетов для своего родного города? — спросил я как-то одного из них, и получил ответ:

— Он спас Дмитриевский собор.

Мне очень хотелось повидать Александра Васильевича, но меня предупредили, что он по болезни оставил свою должность главного архитектора Владимирских реставрационных мастерских и ушел на пенсию. Я все же решился к нему пойти.

За речкой Лыбедью, на тихой, заросшей овечьей травкой улице укрылся маленький домик. Мне открыл дверь высокий худощавый пожилой человек с крупными чертами лица. Провел в комнату, усадил. По его большим измученным глазам, по его лицу землисто-желтоватого оттенка я догадался, что он был тяжело болен.

Как можно короче я постарался рассказать о своей заветной книге, которую начал писать, о своих сомнениях.

Он сразу понял мой замысел, понял и загорелся. Жена несколько раз заглядывала в дверь, косилась на меня. Она умоляла мужа не волноваться, поменьше говорить…

— Подожди, подожди, — говорил он жене, наскоро глотая лекарство, и вновь обращался ко мне. Он хотел поведать некоторые свои мысли.

Мы просидели больше часа. Александр Васильевич признался мне, что сомневается в существовании галереи вокруг церкви Покрова на Нерли, которая искажает замысел зодчего. Он с увлечением начал мне объяснять свою теорию о том, что зодчие Древней Руси, когда строили, всегда руководствовались простейшими математическими пропорциями. Он называл мне цифры, много цифр — чему равняется отношение высоты храма к его длине, высоты к ширине. Он показывал мне чертежи древних зданий, восстановленных им на бумаге, хотя от тех зданий сохранились лишь остатки фундаментов.

Когда же я попросил его рассказать, как ему удалось спасти Дмитриевский собор, он устало закрыл глаза.

Я поднялся, мы распрощались. А вскоре я узнал о его смерти.

Зато другие мне поведали то, о чем умолчал Александр Васильевич. Да и сам я порылся в его многочисленных отчетах и в актах «скрытых работ».

После уничтожения в 1837 году всех пристроек, окружавших Дмитриевский собор, нарушилось внутреннее равновесие в кладке его стен. По сводам прошли трещины, которые с годами все расширялись. Разрушительный процесс продолжался, и через сто лет, к концу тридцатых годов этого века, собор оказался под угрозой гибели.

Столетов взялся его восстановить.

Уже упоминалось о том, что кладка стен в Древней Руси велась в два ряда: ряд камней наружной стены, ряд внутренней, а между рядами засыпалась каменная щебенка и проливался известковый раствор.

Столетов предложил такой способ укрепления стен.

Вынимали поочередно камень за камнем из определенного ряда внутренней стены, а в образовавшуюся щель постепенно пропускали железный пояс, который таким путем обвязывал стены. Всего пропустили три скрепленных цементом пояса. В иных местах большие участки каменной кладки перебирали заново, заливали швы новым раствором. Надежность каждого камня Александр Васильевич проверял своими руками…

Началась война. Молодые реставраторы ушли на фронт, продолжало работать только человек пять пожилых. Каждый день они приходили к опоясанному лесами, потемневшему от времени собору. Зимой тяжко им приходилось. На пронзительном ветру, ослабевшие от недоедания, они закоченелыми руками буравили камни, с усилием поднимали наверх железные полосы. Александр Васильевич трудился наравне со всеми.

Работы были закончены после Победы.

Однако новые опасности надвинулись и на Дмитриевский и на Успенский соборы.

Позднейшая живопись оберегала древние фрески от сырости, от колебаний температуры. Освобожденные от охранительного слоя фрески начали тускнеть. На помощь реставраторам пришли физики, химики, биологи. Они произвели тысячи опытов, прежде чем дали верный рецепт, и теперь грозный процесс, видимо, приостановлен.

И еще опасность, о которой много пишут и говорят во всех странах мира.

От паров бензина, от загрязнения воздуха рыхлою становится поверхность камня. Так, в Дмитриевском соборе в нескольких местах отвалилась резьба.

Наше правительство не жалеет денег на борьбу с подобной

страшной угрозой. Вновь пришли на помощь ученые многих специальностей. Вновь опоясали лесами Дмитриевский собор, с каждого камня счистили лишайники и известковые «набелы», пропитали камни особым раствором.

И теперь ведутся за собором постоянные наблюдения. Мы можем надеяться, что угроза миновала.

И со всех земель приходят к собору туристы, вглядываются в загадочные письмена, начертанные на четырех страницах его мудрой белокаменной книги, любуются извечной красотой его облика.

Сыновья великого Всеволода

К северу и северо-западу от Суздальского княжества находилось сильное и богатое государство — Господин Великий Новгород. Правили там знатные бояре и их боярское вече. Выбирали они такого посадника, чтобы выполнял их боярскую волю, а князьям построили палаты не в самом городе, а на другом берегу Волхова. И служил князь Новгороду лишь военачальником — полки в бой водил. Никакой власти над новгородцами у него

не было. Коли не нравился князь боярам, они его изгоняли и призывали другого.

Все годы своего долголетнего княжества домогался Всеволод положить под тяжелую руку Новгород. Случалось, что княжили там сыновья Всеволодовы — то старший, Константин, то третий сын — Ярослав, а то и предпоследний — Святослав.

Всеволод продолжал политику старшего брата, Андрея, но он помнил и о его неудачах, а потому действовал осторожнее, осмотрительнее, случалось, ссорил князей между собой, а сам в стороне оставался.

Лелеял он в своем сердце думу Андрея — создать на севере Руси единое и великое Новгородско-Суздальское княжество. Были у него и в самом Новгороде сторонники из простого народа, из посадских ремесленников. Кое-кого из бояр сумел он подкупить подарками да посулами. Те, кто держал руку Всеволода, полагали, коли сольются Новгородские земли с Суздальскими в единое и могучее княжество, то не посмеют иноземные враги напасть на Новгород, и, значит, жить станет легче и спокойнее, да и знатным боярским родам меньше воли останется.

Всеволод то в мире жил с новгородскими боярами, то ссорился с ними, но, когда враждовал, ни разу дальше Торжка не водил свои полки. А через пограничный Торжок шел в Новгород торговый хлебный путь. Отсюда и название города — Торжок. Как захватывали его суздальцы, так новгородцам туго приходилось, и, если не хотели они мякиной и лебедой питаться, склоняли свои головы перед Всеволодом и принимали князя, угодного ему.

В 1210 году, когда княжил в Новгороде малолетний сын Всеволода Святослав, чуть не каждый день собиралось боярское вече перед Софийским собором. Понимали бояре, что Всеволод замыслил, вмешиваясь в их дела, и решили позвать другого князя, умудренного в ратных делах, зрелого возрастом мужа.

В недальнем малом городке Торопце сидел князь Мстислав по прозванию Удалой. Его отцом был тот самый Мстислав Ростиславич Храбрый, который когда-то обрил голову послу Андрея Боголюбского, а потом разбил его войско под Вышгородом.

Воинского пыла у Мстислава Удалого было еще больше, чем у его отца. Где разгоралась усобица между князьями, туда скакал он со своей дружиной, помогал одному князю, нападал на другого и с богатой добычей возвращался в свой Торопец. Крови русской пролил он немало, а с иноземными врагами не приходилось ему воевать.

Вот этого беспокойного князя и решили позвать к себе новгородские бояре. Направили они тайно посла к нему.

Мстислав тотчас же явился в Новгород. Мальчика-князя Святослава взял под стражу, а дружину его приказал перевязать…

Всеволод был уже не тот, что в прежние годы. От старости, от многих беспокойств часто хворь на него нападала.

С большой неохотой собрал он войско и двинулся на Новгород. Как дошел до Торжка, так вступил с Мстиславом в переговоры и кончил их богатым свадебным пиром. Женил он третьего своего сына Ярослава на Мстиславовой дочери Федосье. Мстислав остался княжить в Новгороде. Обе стороны отпустили пленников.

Это примирение, конечно, было неудачей Великого Всеволода. От огорчения он совсем заболел и понял, что пришла ему пора помирать.

Не раз беседовал он со своими ближними людьми, с епископом Иоанном, с другими духовными пастырями. А разговор был у них один: кому завещать великокняжеский стол.

Все они хорошо знали, каким был старший сын Всеволода, Константин. Не походил он на отца ничем, да и княжеского ничего в нем не замечалось.

Совсем юному отдал ему отец в удел город Ростов. И привык там жить Константин, построил себе дворец, многие церкви. И боярам он не перечил судить да рядить, как хотят на своем боярском вече, а все дни проводил за чтением книг. Вместе с епископом Ростовским Кириллом основал он первое в Суздальской земле училище. Откуда могли — доставали они книги, посылали грамотеев во все города их переписывать.

Верно, о ту пору безвестный богомолец и принес в своей котомке в Ростов список «Слова о полку Игореве». Потом одни усердные люди его переписывали, другие читали, вновь переписывали. В конце XVIII столетия один из этих списков был найден недалеко от Ростова в Спасо-Преображенском монастыре города Ярославля.

Во время княжения Константина случилось в Ростове несчастье — обрушился, простояв немногим более сорока лет, Успенский собор, выстроенный зодчими Андрея.

Начали строить в Ростове новый собор и строили его много лет. Каким он был — мы не знаем. До нашего времени дошел только его фундамент, на котором в разные века еще трижды возводился следующий собор; тот, что сейчас стоит, относится к XVI веку. От времен Константина сохранились на его кованых дверях лишь две медных львиных головы с кольцом в пасти — дверные ручки, переставленные с первого собора.

Ни одна из церквей, что построил Константин в Ростове, ни его дворец не уцелели; и где они стояли — тоже неизвестно.

Случайными раскопками найдены были два белокаменных льва, больше на собак похожие и не очень умело вырезанные. Хотел, видно, мастер изобразить тех львов свирепо оскалившимися, а получились добродушно открытые пасти с вывалившимися толстыми языками. Возможно, эти львы лежали у входа в известную по летописям Константино-Еленинскую церковь и служили неусыпными стражами.

Летописи упоминают о церквах, построенных при Константине и в соседнем, принадлежавшем ему Ярославле. До 1937 года там стоял на старом фундаменте Успенский собор XVII века. При его разрушении в котловане нашли резную белокаменную львиную маску — еще одно свидетельство деятельности князя.

И знаменитая библиотека Константина и библиотека епископа Кирилла — а там насчитывалось свыше тысячи томов — исчезли, сохранились лишь позднейшие списки с тех рукописей.

«Князь пекыйся день и нощь… о создании прекрасных Божиих церквей и многы церквы въображая чюдными воображении святых икон, исполняя книгами и всякыми украшении» — так говорит о Константине и его исчезнувшем художественном богатстве летописец.

Любил князь науки и искусства. Но мог ли такой князь, слабый духом и плотью, кем руководили епископ Кирилл и властолюбивые бояре ростовские, мог ли он нести на своих некрепких плечах тяжкую ношу великого княжения, притом не в Ростове, а во Владимире?

Так, чувствуя приближение смерти, в тревоге спрашивал Всеволод епископа Иоанна и самого себя.

И еще тревожило его: доблести воинской не было в Константине. А что, коли вынет меч из ножен беспокойный сосед — Мстислав Удалой и поведет новгородцев на Суздальскую землю? А рязанские князья, словно хищные лисы, из-за Оки высматривают да ждут. Позовут они половцев и следом за Мстиславом бросятся жечь города и веси суздальские. А там дружины болгар поволжских приплывут на ладьях…

Вызвал Всеволод сына из Ростова и сказал, что хочет завещать ему великокняжеский стол, но чтобы жил он во Владимире, а Ростов передал бы брату Юрию.

По совету ростовских бояр ответил Константин, что хочет княжить и в Ростове и во Владимире, но жить останется в Ростове, где столько создал он красоты белокаменной.

Не по сердцу пришелся Всеволоду такой ответ сына. Не мог он желать, чтобы рушилась вся та мощь, все то богатство, что брат его Андрей и он сам за долгие годы умножали, отдавая

первенство Владимиру перед Ростовом.

Но ведь Константин был его старшим сыном, ему по праву первородства принадлежал великокняжеский престол.

Созвал Всеволод по совету епископа Иоанна первый на Руси Земский собор. Прибыли во Владимир со всего княжества бояре многих городов и волостей, духовные пастыри, дворяне. Всеволод позвал и первых людей из купцов, из посадских и ремесленников.

Собрались в Успенском соборе, точно на богослужение. Шесть сыновей Всеволода встали впереди других. Епископ Иоанн отслужил молебен.

Поведал Всеволод собравшимся, какие слова сказал ему старший сын, и спросил: как ему быть?

Епископ Иоанн, а за ним и многие другие, поклонившись, ответили:

— Отдай великое княжение второму своему сыну, Юрию.

И все целовали крест за Юрия. Одни по правде, другие из боязни ослушаться Всеволода.

Был Юрий любимым сыном, держал отец его всегда при себе, любил за веселый нрав, но надеялся: молод он еще — с годами образумится.

Третий сын Всеволода, Ярослав, в отца пошел — осторожен и лукав был, никто не знал, что у него на уме. Ему бы завещать великое княжение, да нельзя. Молчальник и книгочей Константин поклонится младшему брату, а если и Юрия великокняжеским столом обойти, пойдет на Руси великая смута.

Сказал Всеволод Юрию и Ярославу:

— Крепко держитесь вместе. Помогайте один другому. И через дружбу вашу будет земля Суздальская стоять как стояла.

Разъехались все, кто приезжал на Земский собор. А спустя немного — 14 апреля 1212 года — на тридцать седьмом году своего княжения умер Всеволод. «И плач был великий», — говорит летописец. Понимали люди, что кончилось спокойное житье.

Похоронили Всеволода в Успенском соборе в аркосолии, возле брата его Андрея. Стал великим князем Юрий. А Константин в Ростов отъехал.

Известный историк С. М. Соловьев так записал о Всеволоде:

«Умирая, он ввергнул меч между сыновьями своими, и злая усобица грозила разрушить дело Андрея и Всеволода».

— Обидели тебя, обошли, — шептали Константину ростовские бояре.

Как ручьи весенние, разлилась тревога по всей земле Суздальской. Меньшие братья — Владимир, Святослав и Иван — держали сторону Константина, а Ярослав примкнул к Юрию.

Люди жили в страхе, не знали, что станется с ними завтра, толпами переходили от одного князя к другому. Записал летописец: «Многие люди сюду и сюду отьезжаху мятущеся».

Стекались одни недовольные в Ростов, другие недовольные во Владимир. Дважды собирал полки Юрий, дважды вел их на полки брата Константина. И оба раза дело кончалось миром. Константин уступал и возвращался в Ростов, а Юрий возвращался во Владимир.

Той порой загорелась в землях Галицкой и Волынской усобица страшная меж Ольговичами и Мономаховичами.

Мстислав Удалой ускакал из Новгорода и ввязался в борьбу южных князей.

Оскорбились новгородцы таким его небрежением. Те, кто держал сторону суздальских князей, взяли верх; позвали новгородцы княжить зятя Мстислава Удалого — третьего сына Всеволода, Ярослава.

Думали они, что Ярослав, как в прежние годы все прочие князья, покорно будет исполнять волю их боярского веча. А Ярослав покинул свой Переславль-Залесский, прибыл в Новгород и тотчас приказал заковать в цепи и бросить в темницу двух знатнейших бояр.

С вечем Новгородским Ярослав вовсе не стал считаться и делал, что хотел. Забурлил Великий Новгород. Одного, другого, третьего из Ярославовых дружинников находили зарезанными.

Тогда выехал Ярослав в Торжок, а в Новгород послал верного ему посадника. Дядя его и отец ставили Владимир выше Ростова. Так и он хотел поставить Торжок выше Новгорода, а непокорных взять измором. По примеру отца повелел он не пускать в Новгород обозы и ладьи с хлебом. Начался там страшный голод.

«И бе в Новгороде печаль и вопль», — замечает летописец.

Дважды посылали новгородцы в Торжок послов. Говорили послы Ярославу: «Давай мириться, воротись к нам княжить». Но оба раза Ярослав приказывал бросать тех послов в темницу и не давал никакого ответа.

Тогда измученные голодом новгородцы отправили послов ко Мстиславу Удалому. А он на юге Руси все воевал. Мстислав, недолго думая, покинул своих союзников-князей — пусть сражаются без него как хотят — и прискакал в Новгород.

С молебствием встретили Мстислава новгородцы и во второй раз поставили его у себя князем. Обещал он им не давать их в обиду.

Раньше было — Суздальцы шли на Новгород, опустошали новгородские веси. А теперь Мстислав позвал на помощь псковичей да смолян, собрал войско и, минуя Торжок, прямиком

пошел на Владимир.

Знал он, что сыновья Всеволодовы не ладят меж собой, и послал гонцов к Константину, обещал ему поставить его на Владимирском великокняжеском столе.

И полки ростовских бояр во главе с Константином примкнули к полкам новгородским, псковским и смоленским.

Загорелась усобица не на жизнь, а на смерть. Но не сыновья Всеволода — Константин и Юрий — боролись меж собой за власть. И не Мстислав Удалой шел на зятя своего Ярослава. Старая Русь — боярство новгородское, боярство ростовское и их случайные союзники — псковичи и смоляне собрались одолеть новые порядки — соединенные силы князя и городов мизиньных.

Все люди Владимира и Переславля-Залесского, и стар и млад, пошли в поход. К полкам великого князя Юрия и его брата Ярослава присоединился полк брата Святослава и полк города Мурома. А братья Владимир и Иван в борьбу не ввязывались, предпочли дожидаться, чья сила пересилит.

Страшная битва произошла 21 апреля 1216 года на речке Липице близ города Юрьева-Польского.

«Вышли все володимерцы на бой и до купца и до пашенного человека», — говорит один летописец. А другой в ужасе заносит на пергамент: «Поидоша сынове на отца, а отцы на дети, брат на брата, рабы на господину, а господин на рабы».

Ночью накануне битвы братья Юрий, Ярослав и Святослав пировали со своими «младоумными» дружинниками и похвалялись: «Мы их седлами закидаем».

Один старый воин подошел к молодым князьям и такие слова молвил: «Славен Мстислав своей удалью да ратным искусством. Мириться с ним надо, а не проливать зря кровь русскую».

А братья от хмеля «възнесшеся славой». Не послушали они мудрого совета, а, уверенные в своей победе, принялись заранее делить всю землю Русскую промеж себя. Юрий брал себе Владимир, Суздаль и Ростов да еще хотел прихватить отдаленный Галич. Ярославу он отдавал Новгород, Святославу — Смоленск. Ольговичам оставался лишь Киев да Чернигов.

Наутро новгородцы, ростовцы, псковичи да смоляне встали на одной горе, называемой Юрьевой, старшим над всеми их полками был Мстислав Удалой.

На другой горе, Авдовой, подняли свои стяги полки Юрия, Ярослава, Святослава и муромцев. Была меж обеими горами болотистая долина.

Приказали Юрий и Ярослав никого в бою не щадить.

«Да не оставим ни однова живы», пленных «вешати и распинати», а коли князья в плен попадутся, о них собирались

«после думати». Не говорит летописец, какие страшные муки им готовили.

А новгородцы сошли с коней, сняли сапоги и пешие, босые бросились на врага. Мстислав искусно вводил в бой все новые и новые полки. Бились страшно — топорами, кистенями, ножами, дубинами; знатнейшие дружинники рубили мечами, кололи копьями. Мстислав скакал от одного полка к другому, подбадривал воинов меткими словечками, сам рубил сплеча направо и налево. А Константин остановил коня позади своих полков, и слезы лились из его очей.

Такой зверской битвы еще не знали на Руси. Говорится в летописи: «И треск от копей ломления и звук страшен от мечного сечения». Звон оружия и крики раненых были слышны в Юрьеве-Польском. Стало войско Мстиславово одолевать. Суздальцы падали, как колосья под серпом. Всего их было убито 9233 человека. А новгородцев много меньше.

Как увидел князь Юрий, что побежали его полки и полки брата Ярослава, так повернул коня, скинул кольчугу, сменил по дороге трех коней и на четвертом в одной сорочке прискакал во Владимир.

Князь Ярослав также на четвертом коне прискакал в Переславль, по дороге бросил кольчугу и драгоценный шлем.

Подступило войско новгородское и ростовское под Владимир. Юрий с повинной головой явился к Константину. Добросердечен был Константин. Пожалел он брата и его детей малых, не стал ему мстить, простил его и послал княжить в дальний Городец на Волге.

А Ярослав не пожелал покоряться брату и тестю и приказал спешно укреплять стены Переславля. В городе было много новгородских купцов. Всех их заперли в тесные погреба, на третий день задохнулись они там и умерли. Но узнал Ярослав, как милостиво обошелся Константин с братом Юрием, так взял с собой обильные дары — драгоценные сосуды, книги и отправился во Владимир. Поклонился он Константину, и старший брат простил его.

Мстислав Удалой принял дары от побежденного зятя, но забрал от него его жену — свою дочь — и с почетом, с богатой добычей возвратился в Новгород. Но недолго он там усидел и вновь ускакал воевать на юг, бесцельно растрачивая в кровавых усобицах свое большое воинское искусство.

А Константин сел княжить, но не в Ростове, а во Владимире. Понял он — нельзя идти против новых порядков, надо дружить не с боярами, а с горожанами. И такой союз будет великой силой. Отдал он сыновьям своим города: Василько — Ростов, Всеволоду

— Ярославль, Владимиру — Углич.

Чтобы угодить владимирским горожанам, он повелел построить для них на Торговой площади невеликую белокаменную церковь Воздвижения. Это была первая церковь, которую князь построил не для себя, не «в память собе», а для посадских людей. Еще в начале XVIII столетия она была цела. Задача археологов разыскать следы ее фундамента.

Недолго княжил Константин во Владимире и занемог тяжкой болезнью. Перед смертью вызвал он брата Юрия из Городца, помирился с ним и завещал ему после себя великокняжеский стол. Юрий целовал крест, что будет заботиться о малолетних сыновьях умирающего брата и защищать их.

Константин умер в 1218 году. Летописец называет его мудрым, добрым и милосердным.

Почему же он составил завещание в пользу брата Юрия, а не в пользу старшего сына Василька, хотя и малолетнего? Ведь еще совсем недавно полыхала страшная война между ним и Юрием.

Даже если бы Василько был взрослым, Константин все равно не имел бы права отдать ему великокняжеский стол. Таков был древний закон.

После смерти боярина его терем, его усадьба и прочее имущество доставались сыновьям, и прежде всего старшему сыну. После смерти самого последнего крестьянина его избушкой или землянкой владели сыновья.

А в законах, называвшихся «Русская Правда», которые ввел еще в XI столетии прапрадед Всеволода Большое Гнездо — великий князь Киевский и всея Руси Ярослав Мудрый, — говорилось, что после смерти старшего в роде великого князя его стол занимает следующий за ним брат. И сколько раз из-за этого закона «обижались» князья «изгои», младшие сыновья или племянники и поднимали усобицу. И оттого слабела разрозненная Русь.

Всеволод, отдавая великокняжеский стол второму своему сыну Юрию, преступил «Русскую Правду», и загорелась усобица, и была Липицкая битва.

А Константин, помня о пролитых потоках крови, не решился нарушить законы своего предка.

Так великим князем вновь стал Юрий…

В одно из своих посещений Юрьева-Польского я решил побывать на месте Липицкой битвы. С выпиской из Воскресенской летописи в руках я хотел представить себе весь ход того ужасного и бессмысленного побоища. И была у меня маленькая надежда: а вдруг посчастливится найти хоть наконечник стрелы или обрывок

кольчуги.

К моему удивлению, ни один из жителей города не смог мне указать места битвы. Даже такой знаток района, как тогдашний директор местного музея Федор Николаевич Полуянов, на мои вопросы только пожимал плечами.

Но, по словам летописца, крики раненых и звон оружия были слышны в городе — значит, искать нужно было где-то поблизости.

С местными школьниками отправился я в поход. Ходили мы три дня, расспрашивали всеведущих дедов — жителей окрестных деревень. Никто не знал, где течет речка Липица, где находятся горы Юрьева и Авдова.

И понял я: проходят годы и столетия, возникают новые деревни с переселенцами из других краев. Старые названия забываются. Исчезают из памяти народной исторические события и названия, связанные с этими событиями. Когда-то знаменитые имена князей позабылись. Даже о Великом Всеволоде в песнях не поется и в сказках не сказывается. И страшные распри меж его сыновьями давно быльем поросли.

Дошел до нашего времени один-единственный, хотя и немой свидетель страшной Липицкой битвы.

Вот что случилось в окрестностях Юрьева-Польского осенью 1808 года.

Однажды крестьянка Ларионова отправилась в лес «щипать орехи». Много ли она собрала орехов — неизвестно, как вдруг увидела, что из-под прошлогодней листвы под кустом высовывается какая-то железка. Она нагнулась и подняла вроде бы заржавленную посудину. Сунула ее в лукошко и принесла домой.

Староста купил чудную находку за пятнадцать копеек. Почистив ее песком и мылом, он увидел, что это не посудина, а словно остроконечная шапка; к бокам ее были прикреплены иконки, да будто серебряные. Он продал ее одному ярославскому чиновнику за пять рублей, чиновник преподнес шапку архиерею, а тот отослал ее в Петербург, самому царю Александру Первому.

Находка попала к известному знатоку древностей, тогдашнему президенту Академии художеств А. Н. Оленину. Ученый определил, что найден редчайший древнерусский шлем; такая драгоценность могла принадлежать только князю. На серебряных чеканных, украшенных узорами пластинках были изображения святых — Федора, Георгия и Василия, а наверху шла надпись: «Помози рабу твоему Федору». Федор — было христианское имя князя Ярослава. Значит, шлем принадлежал ему, он его потерял, когда поспешно бежал с поля Липицкой

битвы.

Чиновник «за усердную службу» получил сто рублей, а шлем был отослан в Москву, в Оружейную палату Кремля.

По новейшим исследованиям, этот шлем был изготовлен еще в середине XII века для дяди Ярослава князя Мстислава Юрьевича, чье христианское имя также было Федор. У отца Мстислава, Юрия Долгорукого, христианское имя было Георгий, а у его деда, Владимира Мономаха, — Василий. Вот почему на шлеме оказались изображения именно этих святых.

Этот Мстислав несколько лет прожил в изгнании в Царьграде, затем княжил в Новгороде, ходил походом на поволжских болгар. Его племянник Ярослав с юных лет воевал по разным городам русским. Наверняка оба владельца драгоценного шлема брали его с собой в походы.

Теперь эта редчайшая историческая ценность хранится в сейфах Оружейной палаты, а для всеобщего обозрения выставлена его точная копия. Двойник водружен на самом верху «горки», выше всех других шлемов. Мало кто знает, какова история шлема, во скольких краях, во скольких битвах он побывал, прежде чем попасть в Московский Кремль.

Тщеславие княжеское

Не говорит летописец — в доброй ли дружбе после смерти Константина жили меж собой потомки Всеволода Большое Гнездо, или каждый о своей выгоде думал. Старшим стал брат Константина Юрий. Сидел он великим князем во Владимире, владел Суздалем, а его братья и племянники владели другими городами.

Крепок был союз братьев-князей Юрия и Ярослава с

посадскими людьми мизиньных городов. И бояре ростовские успокоились, заполучили они князя, угодного им, — юного сына Константинова Василька, смирно жили по своим поместьям и теремам и будто довольны были.

Год от году росла сила земли Суздальской. Мир и покой обрели города. Как молодые островерхие елочки на старых лесных гарях, вырастали в тех городах терема именитых людей и бояр. И прятались резные терема, из вековых сосновых бревен рубленные, в густых вишневых и яблоневых садах. И были они одни одного краше разноличным узорочьем от малых окошек до князьков на крышах, принаряженные, с крылечками резными, с золотыми петушками и голубями на шпилях.

Брат Юрия Ярослав — тот, что шлем потерял, когда бежал с поля Липицкой битвы, — княжил в Переславле-Залесском. Но не сиделось ему в том малом городе, большего хотелось. Как умер его тесть и стародавний соперник Мстислав Удалой, снова протянул он руку на Великий Новгород.

А в Новгороде, как и в прежние годы, все бурлила то открытая, то потайная вражда меж двумя сторонами. Знатные бояре сами хотели править и крепко держались своего боярского веча. А те горожане, что победнее были — ремесленники да посадские, — тяготились боярским засильем и склонялись к Суздальским князьям. За двадцать лет семь раз призывали новгородцы княжить Ярослава или малолетних сыновей его. Водил Ярослав новгородские полки на запад — на ливонцев, на север — на чудь белоглазую, многие земли для святой Софии повоевал. Но нравом он был крут, тяжел и властолюбив. Не военачальником хотелось ему быть в Новгороде, а всемогущим повелителем.

Семь раз новгородцы говорили ему или сыновьям его: «Ступайте, вы нам не надобны». И вновь возвращался в свой исконный Переславль-Залесский оскорбленный Ярослав. Втайне завидовал он старшему брату, великому князю Юрию, но никто о той зависти не догадывался.

Юрий понимал, что исполнение властолюбивых замыслов его дяди и отца — взять под свою властную руку все земли Русские ему не под силу, и устремил свои помыслы на восток.

Был он удачлив — успешно воевал на волжских берегах, ходил походами на болгар, на мордву, на марийцев, на те племена, что жили по Волге и друг с другом враждовали.

В самом сердце покоренных земель, там, где Волга с Окой сходятся, облюбовал он высокую гору и построил на ее вершине грозную крепость, обнесенную рублеными дубовыми стенами со многими башнями.

В Летописи за 1221 год так говорится:

«Великий князь Гюрги сын Всеволожь заложи град на усть Окы и нарече имя ему Новьград»[29].

Далече смотрелось с тех башен вдоль обеих рек: запирался болгарам путь вверх по Волге и по Оке, а враждебным рязанцам не стало выхода из Оки на Волгу.

Горд и властолюбив был князь Юрий, как дядя его Андрей, как отец его Всеволод, любил он пировать, веселиться, на охоту часто ездил, любил свою жену, троих молодцов сыновей, дочерей-красавиц и считал себя самым счастливым и удачливым князем на Русской земле. Но мнил он о себе чересчур высоко и решил прославить имя свое на многие и многие века.

Позвал он зодчих, каменщиков, камнесечцев, златокузнецов, иконописцев и прочих мастеров, что столь многое строили и украшали по воле его отца. И сказал он им:

— Для меня стройте. Несметные богатства взял я за свои походы. Половину своей добычи, тысячи пленников отдам я вам. Стройте белокаменные храмы. И хочу, чтобы красою своею они затмили бы все, что строили мой дядя и мой отец.

Удалились мастера, стали думу думать, а на седьмой день вернулись к Юрию. Вышли вперед зодчие, каменщики, камнесечцы, поклонились князю и сказали ему:

— Не родился еще тот хитрец, кто сумел бы создать храмы и дворцы краше тех, что стоят во Владимире и в Боголюбове. Но беремся мы создать такое, что по-иному затмит все воздвигнутое твоим дядей и твоим отцом. Коли будет воля твоя, построим мы храмы выше прежних на целую косую сажень или того более. И поднимут те храмы свои златые главы к самому синему небу, и их кресты золоченые, будто копья харалужные, устремятся к облакам. И слава о твоих великих деяниях, как стая лебедей белых, разлетится по всей земле Русской.

Отошли прочь зодчие, каменщики и камнесечцы, подступили к Юрию златокузнецы, поклонились ему и сказали:

— Из того золота, серебра, жемчуга и драгоценных каменьев, что достались тебе, княже, в походах, мы скуем, отчеканим, отольем прекраснейшие сосуды и ризы на иконы и на прочее потребное для богослужения. Все созданное нами разукрасим невиданной мелкости узорами, перевьем золотыми нитями, вкуем многое число жемчуга и яхонтов. И еще слушай, княже, что нам надумалось: мы навесим в твоих храмах двери. Не найдешь ты на тех дверях ни каменьев, ни жемчуга, ни серебра: будут они медные, писанные золотом, но столь тонкой, хитрой и прекрасной работы, какой ни на Русской земле, ни в какой иной стороне, даже в Царьграде, никто никогда не видывал.

Полюбились Юрию такие сладкие речи зодчих и златокузнецов. Разделил он их на две артели. Одну послал строить в Нижний Новгород, а другую — в Суздаль.

Говорит летописец, что с той поры долотили и строили мастера храмы белокаменные «день от дне, начиная и преходя от дела в дело».

В Суздале стоял старый собор, построенный еще прадедом Юрия, Владимиром Мономахом, из кирпича-плинфы. Дед его, Юрий Долгорукий, тот храм перестраивал из плинфы и из белого камня. Но был он низок, «безнаряден», без украшений.

Говорит летописец, что князь Юрий в 1222 году «заложи церковь каменьну в Суждали на первом месте, заздрушив старое зданье, понеже учала бе рушитися старостью и верх ея впал бе».

А в другом месте говорит летописец, что в 1225 году князь Юрий «създа церкы краснейшю первыя». И еще поминает он, что была она «о трех версех», то есть трехглавая.

Хотелось Юрию закрепить дружбу с горожанами. Вот и решил он по примеру брата Константина, построившего для владимирцев малую церковь Воздвижения на Торгу, подарить жителям Суздаля храм обширный, о шести столбах.

В Нижнем Новгороде дружины его каменщиков поставили две белокаменные церкви — Спасо-Преображенский собор и другую, поменьше — во имя архангела Михаила. Оттуда перебрались они строить в Кострому и в Муром.

А всего было ими построено пять белокаменных церквей. И судьба всех пяти сложилась печально: все они, простояв сто или двести лет, разрушились сами собой. Видно, виной тому было великокняжеское тщеславие, а также самонадеянность зодчих. Захотели они польстить князю и построили чересчур высокие храмы.

Четыре рухнувших храма — оба Нижегородских, Костромской и Муромский — были разобраны до основания: затем на их месте построили новые.

В Нижнем Новгороде возле предполагаемого места Спасо-Преображенского собора были найдены два резных белых камня с витым растительным узорочьем, а рядом с ныне существующей Михаил-Архангельской церковью выкопали белокаменную львиную голову, совершенно удивительную, не похожую ни на одну из восьмидесяти ныне известных львиных голов Владимиро-Суздальского княжества.

О разрушении пятого храма — суздальского собора Рождества Богородицы — летописец за 1445 год записал такие загадочные слова:

«Сътворися знамение в соборной церкви в Пречистой в

Суздале — начаша святительские гробы горети изнутри и падати, а на завтрее и сама церковь падеся».

Что же случилось в соборе?

Русские летописи и западноевропейские хроники упоминают о необычном для Руси и для Средней Европы явлении природы, о слабом землетрясении, случившемся в том году. Возможно, поэтому «церковь падеся» и в ней возник пожар.

Нижняя часть собора, включая аркатурный пояс, сохранилась до наших дней, и это единственное свидетельство труда зодчих тщеславного Юрия.

Через восемьдесят лет после обвала верха собора старые белокаменные стены были надстроены кирпичными, вместо трех глав поставили пять.

В Суздале в XVIII веке жил замечательный человек, соборный ключарь Ананий Федоров. Изо дня в день усердно писал он подробную летопись родного города «Историческое собрание о богоспасаемом граде Суждале». В этой единственной в своем роде рукописи многие страницы посвящены истории собора Рождества Богородицы.

Когда-то там были обширные хоры (полати), по замыслу зодчих Юрия предназначавшиеся для именитых суздальских горожан. Ананий записал, что была в соборе «великая теснота и темнота», поэтому хоры сломали, окна, «старинные, малые», растесали, многие гробницы епископов и князей заложили камнями, а крышу покрыли на четыре ската.

Позднее, вплоть до прошлого столетия, пристраивались и переделывались различные части здания. И только в наши дни под руководством Варганова и Столетова-младшего все эти пристройки были снесены, и нижняя часть собора получила тот вид, какой она имела в XIII веке.

Ну а какой была его верхняя половина? Ведь на Дмитриевском соборе города Владимира самая краса простиралась выше аркатурного пояса. Какие белокаменные кружева покрывали эту верхнюю половину собора Суздальского — мы не знаем. В музее сохранилось лишь несколько обломков полуколонок, найденных при раскопках. А на какие столбы или на стены опирались три главы — тоже неизвестно.

Алексей Дмитриевич Варганов, всю жизнь посвятивший убережению и украшению города Суздаля, тщетно пытался восстановить облик собора, но не было в его руке ключа, ни с какими другими зданиями не мог он сравнить и сопоставить сохранившуюся нижнюю часть храма Юрия.

Та белокаменная резьба XIII века, что осталась на Суздальском соборе, была иного мастерства, нежели узорочье

Покрова на Нерли и собора Дмитриевского. Там колонки аркатурного пояса чуть уменьшаются кверху, а в Суздале они ровные, будто столбики, нисколько вперед не выдаются и углублены в стены.

На тех двух храмах мастера высекали чудищ или святых, а здесь, в Суздале, вдохновляла их сама земля Русская, пустили они по всем стенам, по капителям и порталам узоры разнотравчатые. Переплетались меж собой, завиваясь и ниспадая, нежные стебли и листья. Особенно полюбились мастерам острые и кудрявые листья татарника, с колючками на концах зубцов; их рисунок перенесли они на белокаменные узоры.

Стены древнего собора, включая аркатурный пояс, были сложены из желтовато-серого туфа, их раньше белили известью. На таком тусклом фоне особенно ярко сверкают белые камни резных ободверий и столь же ослепительные белые львы — недремлющие стражи, что возлежат и наверху и внизу, на больших плитах над ободвериями и по их сторонам. Эти львы совсем необычные — у каждого по одной голове и по два туловища, одно идет поперек стены, другое вдоль. Их высекал самый искусный мастер.

Есть в Суздальском соборе настоящее чудо: это двери, одни западного входа, другие — южного, так называемые Златые врата.

Златокузнецы сдержали свое слово князю Юрию, когда взялись создать двери краше, изящнее, причудливее, нежели их отцы создавали для Успенского и Дмитриевского соборов, а их деды для Золотых ворот Владимира и для Боголюбовского соцветия.

Эти двери о двух створках. Медные валики идут сверху вниз и справа налево и разделяют каждую дверь на двадцать восемь квадратов, по семь в ряд, в каждом квадрате медная пластина — тябло. Эти пластины — подлинное чудодейство XIII века. Сперва они покрывались тонким слоем воска, на котором чем-то острым прорезался рисунок. Потом эти прорези рисунка заполнялись золотом, смешанным с ртутью и растворенным в «царской водке»[30], потом пластину обжигали, растаявший воск сливали, а пластину прибивали в соответствующий квадрат дверей. Двери получались черные с картинками — тяблами, мерцающими золотым сиянием тонких линий и золотыми буквами. В каждой дверной створке вместо ручек было вделано по золоченой львиной маске с кольцом в пасти.

На западных главных дверях эти тябла похожи на иконы и посвящены церковным праздникам, в том числе и введенному Андреем празднику Покрова. А на южных дверях изображены разные сценки из церковной истории. Вот тябло — юноша с

четырьмя овечками, это жертвоприношение Авеля. Другое тябло — юноша играет с собачками: но это не собачки, а свирепые львы, которые хотят растерзать того юношу — пророка Даниила. В нижнем ряду есть тябло: лев один, он поднял лапу и улыбается, а его длинный, извивающийся язык превратился в стебель растения о трех листьях; и подобным же растением заканчивался его удивительный хвост.

Валики между тяблами покрыты сложным растительным узором, а где перекрещиваются валики, помещены выпуклые «умбоны» с изображениями свирепых львов, птицедраконов и других чудищ.

Богомольцы перед тем, как войти в храм, останавливались, пораженные, возле дверей, кто умел — читал поучительные надписи, прочие слушали, глядели во все глаза. Так простолюдины наглядным образом обучались закону божьему, а на самом деле с большим интересом рассматривали занимательные картинки невиданной золотой книги.

Ну а мы, отдаленные потомки тех богомольцев, когда входим в собор-музей, с не меньшим интересом глядим на эти тябла и удивляемся высокому искусству, умению и вкусу древних златокузнецов-художников, создавших эти наполненные жизнью картинки.

Кстати, не в одном Суздале были такие Златые врата. Летописец, говоря о пожаре нижегородского собора, со скорбью добавляет, что и «двери, дивно устроенные медию золоченою, згореша».

Много чего «дивно устроенного» создали златокузнецы для Суздальского собора. Но сколько исчезло, погибло в пламени или было разграблено! Летописец говорит, что пол в соборе был устлан «моромором красным разноличным», то есть поливными разноцветными плитками, образовывавшими на полу разнообразные сложные узоры. И эти плитки исчезли бесследно.

И еще летописец говорит о внутренней росписи собора. Нынешние неутомимые исследователи открыли остатки фресок XIII века. Раньше всегда любовно оберегали живопись предыдущих лет, ее не сцарапывали, не счищали, а покрывали новыми слоями красок. В течение веков роспись возобновлялась много раз, и где-нибудь еще прячутся дивные творения древних живописцев. Придет время — их разыщут.

Печальна участь архитектурного наследия тщеславного великого князя Юрия. Мы даже не знаем, являлись ли чересчур высокие храмы, созданные его самонадеянными зодчими, шагом вперед в сравнении с белокаменными чудесами прежних лет. И только суздальские Златые врата убедительно говорят нам, каких

высот достигло русское прикладное мастерство златокузнецов XIII века.

Последняя жемчужина

В летописях почти ничего не говорится о пятом сыне Великого Всеволода — Святославе. Малолетним дважды отправлялся он княжить от имени отца в Новгород. Второе княжение кончилось для него печально — мальчика посадили, правда, не в подземную темницу — поруб, а в задние горницы архиерейского двора, и отцу стоило немало хлопот вызволить его.

Святославу достался маленький городок — Юрьев-

Польско́й[31], основанный в 1152 году по велению его деда, Юрия Долгорукого, при слиянии рек Гзы и Колокши. Окружен был городок-крепость земляным валом, и стоял там белокаменный Георгиевский собор.

После смерти своего отца Святослав держал то сторону брата Константина, то брата Юрия, позднее вместе с братом Ярославом ходил походом на чудь и на ливонцев, а с Юрием — на поволжских болгар и на мордву. Летописи особо отмечают его личную храбрость. Возвращался он из своих походов с богатой добычей.

Когда артель каменщиков построила для великого князя Юрия последний храм и освободилась, Святослав позвал тех мастеров к себе и задал им почти такой же вопрос, какой за девять лет до того задавал его брат.

— Можете ли вы поставить в моем граде храм, пусть поменее суздальского, но хочу, чтобы красою своею он затмил бы все, что строили мой дядя, мой отец и мои братья?

За девять лет у каменщиков понабралось умения, и они, подумав немного, ответили:

— Можем построить.

И главный зодчий добавил:

— И будет твой храм как яблоневый сад в цвету и как жемчужина.

Старый белокаменный собор Юрия Долгорукого стоял, по словам летописца, «девяносто лет без одного лета». И стоять бы ему еще не один век, но был он, видимо, «безнаряден» — без украшений — только ряд зубчиков шел поперек стен. Святослав повелел разрушить его и на прежнем месте построить новый собор. Строили его четыре года.

В летописи за 1234 год так говорится: «И създа ю Святослав чюдну резаным каменем, а сам бе мастер».

Неужели князь мог быть зодчим, мастером-камнесечцем? Нет, такого не могло быть никак — слишком велика была сословная разница между повелителем-князем и холопами-камнесечцами.

Святослав мог ежедневно наблюдать за их работами, мог советовать, при случае даже нагибаться. Но сесть на колоду и взять в руки молоток со скарпелем сын Великого Всеволода, внук Юрия Долгорукого, правнук Мономаха не мог никогда. Современные историки доказали, что окончание фразы в летописи добавил переписчик XV века.

Зодчие свое слово сдержали. И встал храм как жемчужина и как яблоневый сад.

Все камни, слагавшие стены собора, были резные. И каждый камень в отдельности являлся подлинным и вдохновенным

произведением искусства древнего камнесечца. А всего работало, по мнению ученых, не менее одиннадцати мастеров. У каждого были своя сноровка и свой вкус.

Высекали мастера на камнях богоматерь, Христа, святых, всевозможных заморских зверей и птиц, головы женские и львиные, разные растения и деревья.

За их работами тщательно наблюдал монах, посланный епископом Митрофаном и хорошо знавший Библию и Евангелие, знавший, как положено изображать каждый церковный праздник, каждое событие из церковной истории и какие звери или птицы какому святому сопутствуют.

По четырем сторонам строящегося собора разложили камнесечцы на траве готовые резные камни. Потом каменщики начали выкладывать стены. Камни со святыми, стоявшими во весь рост, они ставили в один ряд, перемежая их резными колонками аркатурного пояса в том порядке, какой указывал монах. А выше между окнами и над окнами по закомарам размещали мастера резные камни так, что получались большие и сложные композиции на сюжеты из библейской или евангельской истории.

А другие мастера прямо на готовых стенах, ниже аркатурного пояса и на свободных от святителей и чудищ местах высекали стебли, цветы и листья — лилии, ирисы, ландыши, маки, хмель, татарник, вьюнок и вовсе неведомые заморские растения. Поднимались растительные узоры из первого ряда камней; стебли переплетались, свивались вокруг святителей и чудищ со всех сторон.

Оттого-то яблоневым садом и назвали зодчие свой храм. Он как бы олицетворял идею процветания Руси.

Подобно тому как в Суздале богомольцы с любопытством рассматривали тябла Златых врат, так и в Юрьеве-Польском приходили люди к собору, дивились и читали каменную летопись, начертанную на его стенах, — «приобщались премудростям Божьим».

Но главный зодчий был из хитрецов хитрец. На многих камнях показали камнесечцы искусство не столько церковное, сколько народное.

Каким был скарпель мастеров — то осторожным, то буйным, то резким, то нежным, — таким и высекался каждый резной камень. Получались камни — то как сказка, то как песня, то как былина богатырская, то как молитва.

Двести с лишним лет простоял собор. Ничего за это время о нем в летописях не говорилось. Да и о самом городке Юрьеве-Польском тоже не находилось ни слова. Стоял он в стороне от водных путей, от больших дорог, не рос, не богател — о нем и

писать-то было нечего.

И только в летописи за 1471 год появилась запись:

«Во граде Юрьеве в Полском бывала церковь камена святый Георгий… а резана на камени вси, и розвалилися вси до земли; повелением князя великаго, Василей Дмитреевь ту церкви собрал вся изнова и поставил, как и прежде».

Речь идет о дьяке Ермолине Василии Дмитриевиче, который был искусным мастером, строил в Московском Кремле, посылали его и во Владимир восстанавливать Золотые ворота и церковь Воздвижения на Торгу. Сам великий князь Московский Иван III послал его в Юрьев-Польской.

Можно представить себе, как остановился дьяк в раздумье перед грудой развалин. В летописи есть явные неточности: стены не «розвалилися вси до земли», их остовы, где выше, где ниже, остались точно обглоданные, а внутри здания беспорядочной грудой громоздились белые резные камни, целые и разбитые на куски.

Ермолин пытался разобраться в этой груде. По его указаниям начали складывать на траву отдельно тех святых, что стояли во весь рост, отобрали уцелевшие колонки аркатурного пояса и резные капители. Каменщики начали наращивать прежние стены.

Часть разрушенного аркатурного пояса с фигурами святых и с толстыми резными колонками Ермолин поместил на стенах в один ряд. И все же иные святые попали не на свои места. Он был опытным строителем, но строгих церковных канонов не знал и понятия не имел, как положено размещать фигуры на композициях, посвященных различным церковным праздникам. Да, наверное, ему просто не хватило ни времени, ни терпения. В конце концов он махнул рукой и сказал каменщикам — пусть выкладывают стены как попало.

Пошла работа быстрее — только давай подноси камни. Иные из них плохо прилаживались, и тогда мастера клали их тыльной стороной вперед, пряча резьбу от взоров людских.

Так на стенах восстановленного собора вместо строгого порядка «Премудрости Божьей» получилась невообразимая путаница — святой чередовался со свирепым драконом, к дракону прижималась половина ангела, рядом полулежал какой-то младенец, а сверху страшный грифон скалил зубы, точно собираясь проглотить стебель с лилией.

Есть еще неточность в летописи: Ермолин восстановил собор не «как прежде». Он получился чуть ли не вдвое ниже и совсем не таким стройным и воздушным, как другие памятники владимиро-суздальского зодчества.

И все же надо благодарить Ермолина, что жемчужина дожила

до нашего времени, хотя и в искаженном виде.

В XVII веке в соборе для «светлости» растесали широкие окна, при этом безжалостно уничтожили много резных камней, затем пристроили шатровую колокольню. В XVIII веке эту колокольню снесли и воздвигли другую, повыше, в стиле классицизма, совсем заслонившую здание. После революции стараниями И. Э. Грабаря эта колокольня и прочие позднейшие пристройки были разобраны, и собор стал таким, как на фотографии.

Больше всего он похож на приземистый крепкий гриб-боровичок, с нахлобученной, чрезмерно большой и круглой шляпкой — куполом, которая совсем придавила толстый корень — низкие стены. Летописная «церковь чюдна» превратилась в чудную. Собор откровенно некрасив. И все же он покоряюще уютный и милый. Когда еще юношей я впервые увидел его, то невольно улыбнулся, хотя тут же упрекнул себя: будь серьезен — перед тобой жемчужина!

А он и впрямь драгоценность, запрятавшаяся посреди заурядных городских построек. Много раз я приезжал в Юрьев-Польской и всегда, подходя к собору, испытывал неизъяснимую внутреннюю дрожь. Не издали надо на него глядеть, а подходить вплотную, долго рассматривать в упор каждый камень.

В последний мой приезд меня ждала неожиданность. Я привык видеть камни, слагающие стены Георгиевского собора, жемчужно-серыми, покрытыми лишайниками и пылью шести с лишним веков. Теперь передо мной стоял собор столь ослепительной белизны, что мне пришлось сощуриться. Его стены были куда белее облаков, освещенных солнцем, куда белее других древних владимирских памятников. Одну из стен собора загородили леса, два молодца залезли наверх и капроновыми щетками осторожно счищали с камней лишаи. Они возвращали стенам их изначальный вид.

Я понял, что у собора началась вторая жизнь. Он похорошел несказанно. Пошел его обходить. Я разглядывал отдельные камни, перед некоторыми останавливался в восхищении, смотрел на них совсем иначе, нежели прежде[32].

Каждый камень потрясает. Самый впечатляющий — это огромная глыба со святым Георгием. Воин изображен в длинном княжеском плаще, накинутом поверх кольчуги. В его правой руке копье, в левой щит, на щите герб суздальских князей — барс, вздыбленный в прыжке. Не таким ли воином был Илья Муромец — прославленный в народных былинах крестьянский сын, тот что сиднем сидел на печи тридцать лет и три года, а потом пошел дубы с корнями выворачивать? Попал он ко двору славного князя Владимира Красное Солнышко, там его приодели, вручили

оружие и послали стеречь землю Русскую. Вот такого защитника родины изобразил мастер на камне.

В аркатурном ряду еще четыре святых воина — они тоже богатыри, храбрые, непобедимые.

И здесь же на стенах ангелы, нежные, женственные и печальные. Отнять у них крылья — и они превратятся в сестер и жен тех богатырей. Подобно скорбной Ярославне, словно плачут они: «Взлелей господине мою ладу к мне, а бых не слала к нему слёз на утре рано».

Но есть на стенах и совсем иные жены: такова грозная богоматерь с поднятыми вверх руками: это величавая небесная царица — Оранта. Она совсем не похожа на ту любящую мать, которой молился Андрей Боголюбский.

А какие лица у больших женских масок на капителях колонн! Брови сдвинуты, губы сжаты, очи гневно глядят. Это самая стародавняя княгиня Ольга, что готовит жестокую месть древлянам за убийство своего мужа, великого князя Игоря.

Чудища на Дмитриевском соборе города Владимира кажутся добродушными домашними животными в сравнении с иными здешними страшилищами — грифозмеями и драконами; даже на фотографиях они пугают. Только львы везде добрые. У Дмитриевских львов язык разделялся на три языка и хвост на три хвоста. Львы Георгиевского собора еще вычурнее — из их пасти вырастает целое ветвистое дерево с тремя стеблями, вьющимися по стенам, грива и бока все в бороздах, но это не борозды, а каменные волосы; из хвостов вырастают деревья, и тоже о трех ветвях.

А вот сказочный Китовра́с — человек с львиным туловищем, одетый в нарядный кафтан, с колпаком на голове, в одной его руке булава, в другой — заяц. Он чудище доброе, помогал библейскому царю Соломону строить храм, притом бесшумно. Камнесечцы, тюкающие молотками от зари до зари, очень хотели бы заполучить такого помощника, поэтому и поместили его на стенах храма, да еще в княжеской одежде.

Перепутав камни собора, Ермолин превратил древние стены в настоящую головоломку.

Но путаница эта не походила на рассыпанный шрифт типографского набора готовой к печати книги, где отгадчик не мог ни к чему прицепиться. Это была растерзанная рукопись, у которой случайно уцелело несколько первых страниц, а остальные листы или вовсе утерялись, или были вырваны да еще разодраны на клочки.

Ученые взялись разгадать головоломку, собрать растерзанные страницы каменной книги.

Еще до революции профессор К. К. Романов обратил внимание на один камень с изображением святого, от которого в разные стороны расходились шесть выпуклых валиков-палок, означавших лучи. Ученый начал искать на стенах собора камни, на которых были бы продолжения этих лучей, и нашел шесть таких камней. На одном из них три расходящиеся в разные стороны палки-лучи пересекались завитками растений. На остальных пяти камнях были изображения святых. Двое святых стояли во весь рост и в руках держали наискось по одной палке-лучу; двое других стояли на коленях, а наклоненные палки упирались им в лица, а последний святой пал ниц, и палка упиралась ему в спину.

Романов снял гипсовые слепки со всех шести камней и соединил слепки между собой по линиям лучей.

Так получилась хорошо известная по древним иконам композиция «Преображение». Наверху стоят пророки Илья и Моисей, в середине Христос, которого впервые увидели в божественном сиянии пораженные его ученики — апостолы Петр, Иаков, Иоанн.

Романов прочел и другие страницы каменной книги. Исследования продолжал его ученик Н. Н. Воронин, а завершил их Г. К. Вагнер, который попытался не только разгадать всю головоломку, но и восстановил на бумаге облик самого собора.

Начал он исследование с пяти примерно одинаковых камней, которые находились на стенах собора в разных местах. На каждом камне было изображение полулежащего спеленатого младенца, перед которым висела круглая корзиночка. Три младенца смотрели налево, два направо.

В Московском Историческом музее есть старинный маленький амулет из яшмы, на котором в шахматном порядке очень тонко вырезаны изображения семи сидящих младенцев с такими же корзиночками. По ободку амулета идет надпись, поясняющая, что это «Семь спящих отроков Эфесских».

Церковная легенда рассказывает, что некогда в городе Эфесе жило семь отроков-христиан, которых император Диоклетиан собирался казнить. Они спрятались в пещеру и там заснули. Ангелы приносили им в корзиночку пищу и кормили сонных. Спали отроки целых двести лет, а когда проснулись, христианство в Римской империи давно уже стало государственной религией.

В таком же шахматном порядке, как на амулетах, считая, что два камня утеряны, Вагнер разместил на чертеже уменьшенные бумажные копии камней с младенцами. Тем самым он не только разгадал, как выглядела вся композиция «Семь спящих отроков

Эфесских», но и узнал расстояние от верха окна до полукружия закомары. А по этому расстоянию он попытался определить высоту всего здания.

Среди резных камней собора есть один с изображением двух львов, отвернувших головы в разные стороны, точно они поссорились. Есть и другой, совсем удивительный камень с изображением слона, повернутого вправо.

Слон этот единственный во всей Владимирщине. Камнесечец такого зверя никогда не видывал, а рукопись с картинкой показали ему, верно, мимоходом. И получился из-под его скарпеля слон, длинноногий, большеглазый, и ступни у него медвежьи или человечьи, с пальцами.

Вагнер решил, что когда-то существовал и другой слон, но повернутый влево, и было на соборе тройное окно, подобное ныне существующему в Боголюбове. Он разместил на исчезнувшем подоконнике этого исчезнувшего окна поссорившихся львов, а по сторонам их посадил обоих слонов, из коих один тоже исчез[33].

Те камни, которые дьяк Ермолин не знал, куда поместить, в течение столетий сохранялись внутри собора или в кладовке близлежащего Михаил-Архангельского монастыря XVII века. Теперь собор стал музеем. Внутри его устроен лапидарий — коллекция этих камней, разложенная на специальных постаментах и на полочках.

Выстроились в ряд камни с изображением святых во весь рост. Рядом с ними каменная голова в шапке с длинной, как клин, острой бородой — возможно, портрет самого князя Святослава. Там же на самом видном месте стоит «Святославов крест» — композиция «Распятие», разгаданная еще Романовым. На огромном кресте Христос. Это поистине гениальное, сильное и правдивое произведение. Даже на итальянских полотнах эпохи раннего Возрождения не всегда выражено столько страдания на лике Христа и в его чуть изогнутом теле. На соседнем камне слева от «Распятия» — богородица и жены-мироносицы. Их позы, их прижатые к груди руки говорят о великой скорби. На камне справа от «Распятия» стоит любимый ученик Христа молодой апостол Иоанн, подперев рукой голову; рядом с ним римский сотник — начальник стражи; он отшатнулся, в ужасе протянул вверх правую руку. Под «Распятием» — камень, на нем надпись, что этот крест поставил Святослав. Из-за надписи и родилась легенда, что князь «сам бе мастер».

А кто же на самом деле создал жемчужину — Георгиевский собор?

На нижних рядах камней снаружи собора находится несколько граффити — значков безвестных мастеров.

На одном камне едва можно различить загадочное слово «Баку». По мнению Г. К. Вагнера, это уцелевшие буквы от подписи главного зодчего по имени Абакун, то есть Аввакум.

Таково единственно подлинное имя из целого сонма зодчих и мастеров-камнесечцев, которое дошло до нас сквозь бури веков.

— Аввакум, кто ты?

Но молчит земля Суздальская и будет молчать. Ищут в ней ученые; студенты и школьники-следопыты помогают им разгадывать исторические тайны…

Иные камни, разбитые и попорченные, дьяк Ермолин просто выбросил, а местные жители затем их подобрали для своих хозяйственных нужд.

В наше время стали искать такие драгоценные обломки.

Был найден сперва казавшийся непонятным один длинный камень. Ученые разобрались, что это нижняя часть композиции «Вознесение Александра Македонского». Даже по такому жалкому обломку угадывалось — сколько движения и мощи вложил талантливый камнесечец в свое творение.

Директор Юрьев-Польского краеведческого музея Федор Николаевич Полуянов привлек школьников к поискам. С их помощью было найдено несколько обломков, один — у бабушки в хлеву, другой — у дедушки под крыльцом.

Теперь эти находки тоже попали в лапидарий или хранятся в запаснике музея.

Федора Николаевича нет в живых, а поиски продолжаются. Другие школьники под руководством других сотрудников музея ищут загадочные обломки резного камня.

А недавно, когда заново перекрывали медными листами крышу небольшого южного притвора собора, под прежней кровлей обнаружили семнадцать резных камней, из них на одном был изображен воин по грудь, на других — вились растительные узоры. Теперь все камни находятся в лапидарии…

Еще когда только зарождался замысел моей книги, приехал я в Юрьев-Польской, остановился в гостинице. Утром встал нарочно на рассвете и вышел на городскую площадь. В эти ранние часы я никого не встретил, прошел внутрь окруженного земляным валом Кремля и мимо кирпичной громады Троицкого собора, построенного в начале нынешнего века, приблизился к жемчужине.

Долго разглядывал я отдельные камни западного притвора, потом завернул за угол и тут увидел сидящего на складном стульчике молодого человека с палитрой и кистью в руках. Перед ним на трехногом мольберте был прикреплен лист белого

картона.

Что же, ничего нет удивительного, сейчас многие художники увлечены стариной.

Я хотел его обойти, но невольно с любопытством заглянул на картон и остановился. Конечно, это было несколько бесцеремонно с моей стороны, но…

Художник срисовывал узор с нижних рядов камней — двух больших птиц, стоявших спинами друг к другу; они повернули шейки, оглянулись и словно хотели поцеловаться клювиками. Только тут я заметил, что переплетающиеся стебли растений, обвивающие эту часть стены до границы бывшего обвала, весь роскошный яблоневый сад вырастает из соединенных вместе пышных хвостов двух целующихся птиц.

Художник был, несомненно, талантлив; тонкими линиями углем он не только тщательно перенес на картон все завитки, но, если так можно выразиться, сумел поймать внутреннюю прелесть узора…

Вдруг он резко повернулся ко мне. Но разве можно сердиться в этот час безмолвия, когда облака над крестом собора еще розовые? И тени раздражения я не заметил в ярко блестевших черных и круглых глазах молодого человека, в его чересчур румяных щеках. Так блестят глаза и таким румянцем пылают щеки только у художников и у поэтов в минуты вдохновения.

— Простите, что помешал, — извинился я.

Молодой человек мягко улыбнулся, встал и неожиданно сказал:

— Этих птиц в стародавние времена окрестили очень точно и очень нежно. Знаете как? — И он медленно произнес: — Оглядышек. Каков русский язык? Даже в словаре Даля нет такого лучистого слова.

Он закурил. Мы разговорились. Я объяснил, что собираю материалы для своей будущей книги о владимирской старине.

— Как такая книга нужна! — воскликнул молодой человек. — А то наши юноши и девушки вроде слепых щенят. Ничего-то они не знают о былой красоте, ничего-то в ней не смыслят.

В свою очередь, он мне рассказал, что работает на здешней текстильной фабрике «Авангард» художником. Ему захотелось воспользоваться узором с белых камней для будущих тканей. Вот только придется выдумывать, как раскрасить эти стебли, цветы и птиц. Недавно он вернулся из командировки, прокатился пароходом по Волге, потом махнул на Кавказ. Ему посчастливилось напасть на подлинные сокровища народного творчества, не поднимая головы, он набрасывал карандашом эскизы, изрисовал несколько альбомов…

Закончив свой рассказ, он взял с меня честное слово, что я сегодня же приду на фабрику посмотреть его новые рисунки.

Через два часа я поднимался на второй этаж главного корпуса фабрики. Меня провели вдоль огромного белого зала, мимо диковинных ткацких станков. Света из окон не хватало, и под потолком протянулись матово-голубые люминесцентные палочки-лампы. Откуда-то сверху свисали и переливались игравшие всеми цветами радуги пучки нитей. На станках невидимые челноки щелкали справа-налево, слева-направо. Девушки в синих халатах легко скользили, наклонялись, что-то поправляли в одном потоке нитей, в другом… И из каждого станка медленно надвигались украшенные пестрыми и яркими узорами только что вытканные, нескончаемой длины полотнища. На каждом станке рождалась ткань своей расцветки, своей красоты узора.

Я узнал, что вся эта материя предназначается для обивки мебели и для оконных портьер.

Сквозь маленькую дверцу, обшитую войлоком, меня провели в соседнее помещение. Щелканье ткацких станков тут слышалось как отдаленное жужжание. Я с облегчением вздохнул, оглянулся и понял, что попал в художественную мастерскую.

Наклонившись над столами, работало несколько девушек, старичок в очках, старичок без очков и мой художник. По стенам висели гипсовые головы древнегреческих богов. Всюду — на окнах, на полу — стояли горшки и кадки с цветами.

Увидев меня, молодой человек порывисто вскочил, подбежал ко мне, обеими руками крепко пожал мою руку, потом подвел к своему месту и тут же с шумом выложил на стол несколько больших папок.

Девушки подняли кудрявые головы и фыркнули.

Старичок в очках тоже поднял голову и, видимо желая объяснить смешливость девушек, снисходительно заметил:

— Поверите ли, каждый день по дюжине ценителей искусства приводит.

Молодой человек быстро сверкнул на него своими черными глазами.

— Да как же не показать писателю! — воскликнул он и, повернувшись спиной к девушкам, раскрыл самую верхнюю папку.

Я начал внимательно рассматривать акварельные картинки с самыми различными, то строго простыми, то очень сложными и витиеватыми пестрыми узорами, а молодой человек, кладя передо мной очередной лист ватмана, объяснял:

— Виньетка из рукописи Ярославского музея, вышитое

чувашское полотенце, узор на рукояти карачаевского кинжала, современный армянский ковер… — И так далее, и так далее. В глазах у меня рябило от этого многоцветного богатства.

А художник, видимо очень довольный моим вниманием и восхищением, то отбегал к шкафу за новыми раскрашенными листами, то горячо разъяснял мне, в чем прелесть очередного узора.

Я понял, что он, в сущности, делает то же самое, что раньше делали владимирские камнесечцы. И тогда тоже, наверное, посылали мастеров в «творческие командировки». Вот только современные художники побыстрее передвигаются. Разыскивает такой хлопотун, где только возможно, старинные и новые узоры, созданные целыми поколениями умельцев-чудодеев многих национальностей, разгадывает в них скрытую поэзию, переиначивает по-своему, придумывает иную игру цветов и переносит пойманную красоту на бумагу, а потом передает готовые рисунки ткачам.

Так создаются великолепные ткани. Я подумал: счастливцы те, кто, получив квартиры, украсит их мебелью, обитой подобной материей. Красота всегда нужна человеку…

Прошло еще сколько-то лет, я всецело углубился в работу над своей книгой. И вновь мне удалось приехать в Юрьев-Польской, на этот раз вместе с Александром Сергеевичем Потресовым. Он собирался для моей книги фотографировать и самый собор, и отдельные резные камни.

Любезный Федор Николаевич Полуянов предоставил нам лестницу-стремянку. Александр Сергеевич влезал на нее и щелкал фотоаппаратом, а я держал лестницу и все время боялся, что у моего друга закружится голова и он упадет.

Я думал, что мы за день успеем все заснять. А пришлось нам пробыть в городе целых четыре дня, и то благодаря хорошей погоде.

Оказывается, камни одной стены надо было фотографировать на рассвете, другой стены среди дня, третьей на закате солнца, четвертой еще когда-то.

Неутомимый Александр Сергеевич будил меня в предрассветных сумерках, и мы с ним спешили к собору. Ставили лестницу то здесь, то там, он влезал на нее, щелкал фотоаппаратом, сокрушался из-за каждого набегавшего облачка, ловил солнечные лучи, ловил красоту отдельных резных камней.

Прибежали две девочки. Сперва они наблюдали за нами издали. На второй день мы с ними познакомились и сфотографировали их на фоне собора. Выяснилось, что они жили невдалеке, учились в пятом классе и звали их Люба и Аля.

Я задавал им каверзные вопросы. Оказывается, они хорошо разбирались во всех камнях собора, наизусть знали, где на стенах сидят грифозмеи, куда запрятался слон. Они нашли всех пятерых уцелевших отроков Эфесских, а я рассказал им легенду о двухсотлетием сне этих отроков.

— Откуда вы так хорошо знаете, где какие камни находятся? — спросил я их.

— Мы сюда гулять приходим и любим смотреть картинки на камнях, они такие красивые, — отвечали девочки.

Прощаясь с ними, Александр Сергеевич обещал прислать им фотографии…

Давно уже вышла моя книга. Готовя ее второе, а затем — и это, третье издание, мне довелось несколько раз приезжать в Юрьев-Польской. И каждый раз я стремился узнать — что там появилось нового?

Город заметно рос, хорошел, строились новые здания. Встал памятник погибшим воинам Отечественной войны, напоминавший часть белокаменной стены древней крепости. Две деревянные церкви XVIII века перевезли из района во двор музея, заново отреставрировали бывший Михаил-Архангельский монастырь.

Былая старина тесно переплеталась с современностью.

Ну а как фабрика «Авангард»? По-прежнему ли выпускают там красивые ткани?

Я отправился туда, прямо в тот корпус, где когда-то ими любовался.

И опять я увидел в огромном зале, как ко многим ткацким станкам сверху вниз струятся красные, зеленые, желтые, синие нити, как из каждого станка выползают длинные, украшенные пестроцветными узорами полотнища.

Между станками двигались девушки в халатах, разумеется, не те, каких я видел раньше. И полотнища были иных узоров, иной расцветки и словно бы еще прекраснее прежних.

Я прошел в комнату художников. Тот мой знакомый, оказывается, уехал, стал настоящим живописцем. А за столами сидели другие созидатели прекрасного, все больше молодые.

Мне показали отдельные листы ватмана. Какое разнообразие красок, изгибов линий, рисунка!

И, как прежде, шла та красота от старинных узоров многих народов нашей страны, и угадывались причудливые изгибы линий бессмертной резьбы Георгиевского собора.

И опять я подумал: счастливцы те, кто получит квартиры в новых домах и украсит их мебелью, обитой тканями Юрьев-

Польской фабрики. Эти счастливцы и не подозревают, что красота, зарожденная много веков тому назад в белых камнях Последней жемчужины, переселилась в ткани и, переиначенная, преображенная, дожила до наших дней.

Нашествие

Возможно, возникнет вопрос: почему же собор в Юрьеве-Польском назван Последней жемчужиной?

Да, та лебедь белая, имя которой — Зодчество Владимиро-Суздальской Руси, та рожденная народом птица, что от храма к храму взлетала все выше и выше, упала, пронзенная злою стрелою, и ее лебединая песня была пропета.

О безвременной и страшной гибели белой лебеди пойдет

сказание.

Весной 1223 года прискакали во Владимир к великому князю Юрию Всеволодовичу гонцы от южных князей:

— Поспешай, князь! Или сам собирайся, или свои полки снаряжай. Идут к Дону полчища, незнаемые, несметные, побили они половцев, согнали их с дедовых пастбищ, многих поубивали, в полон побрали.

Не любил князь Юрий скоро дела решать. Не день, а неделю и другую думал он думу.

Других гонцов южные князья прислали.

— Поспешай, князь, на выручку! Переплыли те враги Дон. Идет их сила без числа. А народ тот — самого сатаны дети. Помчимся им навстречу, не дадим их коням топтать землю Русскую. В степях половецких червленными щитами преградим им путь.

Послал Юрий гонцов в Ростов к племяннику Васильку — сыну покойного брата Константина.

— Сказывал ты мне — застоялись твои кони резвые, заржавели мечи в ножнах твоих дружинников. Пришла пора, седлай коней, скачи за подвигами ратными.

И собрал тот же час пятнадцатилетний Василько дружину свою храбрую. А из других городов никто не поехал. Лишь ростовцы сели на коней, поскакали. Спешили они, мчались без отдыха, пока не доскакали до города Чернигова.

Стон стоял в Чернигове, жены и дети плакали. Услышали ростовцы весть страшную: встретились на реке Калке с теми врагами незнаемыми полки Черниговские, Киевские, Волынские и союзные с ними половцы. Но не было меж князей согласия. Одни повели свои рати вперед, другие дожидаться остались. Как столкнулись биться, так побежали половцы. А дети сатанинские побили сперва одни русские полки, потом другие, иных воинов в плен забрали, но не пошли они на землю Русскую, а зажгли степи и назад за Дон переправились.

Записал летописец такие слова, смутной тревоги исполненные:

«Кто суть и откуду приидоша, и что язык их и которого племени суть, а что вера их? Зовут же я татары, инии глаголют таурмены».

И еще летописец назвал витязя из Ростова — Александра Поповича. Он сложил свою буйную голову в той страшной битве. А с ним было «70 храбров».

Молва народная переиначила того Александра в Алешу. Чем полюбился народу славный богатырь Алеша Попович — неизвестно: то ли удалью своей, то ли веселым нравом. Много

былин да песен про него сложено. И теперь имя его знакомо каждому школьнику.

Вернулся Василько со своей дружиной, так и не обнажив мечей; по дороге к дяде Юрию во Владимир заехал, рассказал ему, что слышал. И еще поведал он думу тайную: дочь Марию — тринадцать только годков ей, а другой такой красы на всем свете не сыскать.

— Молод ты еще, придет время, пошлю сватов, — ответил князь Юрий. — Расскажи, что еще знаешь о том страшном народе?

Ничего не мог добавить Василько. И с той поры о тех неведомых, чье имя было татары или таурмены, никаких вестей не было. Год прошел, и другой, и третий. Как пришли враги — и ушли, «мнози зла сотвориша».

Опять принялись князья, как и прежде, то ссориться, то мириться, водили полки один на другого. В Суздальской земле по велению князя Юрия строились храмы белокаменные.

Богатую свадьбу сыграли в городе Москве. Женил князь Юрий племянника Василька на писаной красавице княжне Марии Михайловне Черниговской. Почестей пир целую неделю гремел.

И увез Василько молоду жену в град Ростов, в свой терем узорчатый. Стали они там жить и детей плодить. И была меж ними любовь, как у сокола с соколицей.

Сказал летописец про молодого князя такие слова:

«Бе же се Василко лицьм красен, очима светел и грозен взоромь, и паче меры храбор, сердцем же легок».

И не думали тогда на Руси, что татары в тот свой поход на разведку приходили.

Владыка их наибольший — Чингисхан многие земли повоевал — Китай, и Хорезм, и другие царства от Тихого океана и до самых берегов Каспийского моря и до Волги. Пожелал хан дознаться, а дальше на запад какие царства лежат, и богато ли дальние народы живут по другую сторону покоренных им народов, и крепки ли у них города, и храбро ли их войско?

Лелеял Чингисхан думу тайную: от царства к царству покорить все народы до самого Последнего моря. А где то море — никто не знал.

Но не суждено было сбыться его гордым думам. В 1227 году он умер.

Стал верховным владыкой сын его Угедей. Сыновья и внуки Чингисхана разделили меж собой все покоренные земли. Внуку его, хану Батыю, достались степи по Нижней Волге, по берегам Каспийского моря и до самых гор Кавказских.

Мало показалось Батыю этих земель, пожелал он большего,

захотел с дедом своим славой сравняться. Не год и не два готовил он к великой войне свои тумены[34] и собрал столько войска, сколько в степи ковыля.

Целый месяц переправлялись татары через Волгу, все лето пасли коней по степям донским. А к осени двинулись они на Русь. Было это в 1237 году. Первым на их пути лежало Рязанское княжество.

Как прослышал Рязанский князь Юрий Ингваревич о приближении полчищ несметных и неведомых, так послал старшего брата своего Федора с богатейшими дарами — с золотыми и серебряными сосудами, табун лучших скакунов привели русские.

Принял Батый подарки. А какой-то предатель шепнул ему, что есть жена у Федора Евпраксия — красавица, как звезда утренняя.

И потребовал Батый:

— Отдай мне свою жену!

Как перевел толмач слова басурмана, так потемнел лицом Федор и сказал:

— Лучше помереть мне на месте, но такого бесчестия не будет.

И тотчас же зарезали его слуги Батыевы.

Двинулись татары на Рязань. Топтали они озимые посевы, сжигали деревни, все на своем пути сметали. А тех, кто в руки им попадался, убивали без пощады.

> …Идуть от Дона и от моря.
> И от всех стран. Рускыя плъкы оступиша,
> Дети бесовы кликом поля прегородиша.

Некованные кони их были резвы и выносливы, а кривые сабли остры, как осока. Метко стреляли татары из луков. И военачальников своих слушались, как сыновья отцов. А кто в битве коня заворачивал, того на месте закалывали. Оттого и славились татары своей отвагой.

Послал Рязанский князь Юрий гонцов во Владимир к своему тезке великому князю Юрию.

— Поспешай немедля. Собирай полки. Забудем прежние распри. Идет на нас сила небывалая. Сына моего любимого убили.

В стародавней вражде с Рязанью были князья Суздальские. Надумал великий князь Юрий недобрую думу:

«Не сыщут татары дороги во Владимир. Преградила им путь Ока широкая, далее леса и болота раскинулись, по тропе узкой

лишь гонец проскачет. Не добраться татарам до берегов Клязьмы. А коли побьют и пожгут они рязанцев — видно, такова соседям судьба».

И не направил Юрий свои полки на подмогу.

Ничего другого у рязанцев не оставалось, как взяться за оружие и идти к рубежам своей земли, навстречу полчищам Батыя. Встретились обе рати, но силы были слишком неравны. Однако победа досталась врагам дорогой ценой, погибло их множество. И рязанцы все до одного, вместе со своим князем, пали смертью храбрых.

Подступили татары к Рязани. Встали на стенах все жители — и стар, и млад, и жены. Лили они на врагов смолу горячую, камни кидали.

Но славились татары своим умением осаждать и скоро брать города. Были у них стенобитные тараны, называемые по́роки. Вешали они на цепях на особые станки комлем вперед двадцатиаршинной длины вековые сосновые лесины, раскачивали их туда-сюда, били торцом по дубовым бревнам стен и разбивали стены. Таких хитроумных орудий не знали на Руси.

И еще были у татар камнеметы. Меж двух бревен растягивали они жилы верблюжьи, словно рогатки мальчишечьи, и закидывали в город камни, в горящую паклю обернутые. И камнеметов на Руси тоже не знали.

Говорит летописец: «Нача же Батый пороки ставити и бити на град».

На шестой день, 21 декабря, в трех местах рухнули рязанские стены, и закипела битва на улицах, пожаром объятых. К вечеру взяли татары Рязань, пожгли, пограбили дочиста, побили всех жителей до единого и далее направили коней.

Говорит летописец:

«И не было стонущаго, ни плачущегося… Но вси вкупе мертвы лежаще».

Молодая княгиня Евпраксия с малолетним сыном своим убежать успела и в монастыре Николы на реке Осетре укрылась. Как завидела она, что скачут татары, так поднялась на монастырскую башню и с сыном на руках бросилась вниз. Тут и смерть пришла и ей и младенцу[35].

Дальше, дальше пошли татары на северо-запад. Нашелся проклятый изменник, кто показал им брод через Оку. Переправились они на левый берег, повернули коней на Коломну.

Встретил их передовой отряд суздальцев. Схватились рати под коломенскими стенами. Но было русских в двадцать, а то и в тридцать раз менее, немногие бегством спаслись. Сожгли татары Коломну и всех жителей до единого поубивали.

Подобно огненному смерчу, дальше и дальше, к самому сердцу земли Русской подбирались их тумены.

Подошли татары к городу Москве, обложили стены городские от поля до речки Неглинной, до скованной льдом Москвы-реки. Засело за кремлевскими деревянными стенами войско суздальское под началом воеводы Филиппа Нянько и третьего сына великого князя Юрия отрока Владимира. Было ему шестнадцать только лет.

В страшной битве полегли костьми русские, пал старый воевода. Москва погорела до последней избенки, жители были убиты, молодой княжич Владимир в плен попал; лишь немногие, «босые и беспокровные, издыхающие от мраза <мороза>», спаслись.

Как взяли татары Москву, так затаилась вся земля Русская. Куда они повернут: на север ли — на Тверь и далее на Новгород, на запад ли — на Смоленск и на Полоцк, или на восток — на Владимир?

На восток повернули, прямиком на Владимир хлынули, как воды весенние. Разливались многие потоки, одни тумены правее текли, другие левее, и каждая капля в тех ручьях была всадником татарским. Оставались после этого наводнения лишь черные пожарища да неприбранные трупы.

Тягостно читать летописи, о той зиме. Но нигде не говорит летописец, почему же так скоро доставались татарам победы и так быстро двигались их полчища?

Умели сражаться простые русские воины, без страха рубились они мечами, крошили шестоперами, кистенями, дубинами, и стрелы их метко впивались в тело врага. Умели умирать русские воины, а в плен не сдаваться.

Но самая большая беда была, что меж русскими князьями не имелось согласия. Уже сказано было, что великий князь Владимирский Юрий Всеволодович не направил подмоги князю Рязанскому. И оплошал он, что малое войско в Коломну послал, и было оно разбито, а другое малое войско в Москву послал, и оно там погибло.

Когда же татары на Владимир повернули, оставил Юрий в городе опять же малое войско под началом сыновей своих Всеволода и Мстислава и старого боярина Петра Ослядюковича, оставил всю семью свою и поскакал на Стародуб и на Ростов новые полки собирать, чтобы идти на выручку стольного города. Верно, думалось ему, выдюжат крепкие стены любую осаду.

Подступили татары ко граду Владимиру со всех сторон. Было это 3 февраля 1238 года. Увидели они многие златоглавые храмы и терема златоверхие и поняли: ждет их тут добыча — коней не

хватит навьючить. И завыли они голодным волчьим воем.

Смотрели владимирцы со стен, с крепостных башен, как черным дымом застилались в посадах полыхающие избы, слушали, как дети сатанинские, раскосые, свирепые, выли в нетерпении. И поняли они: конец им пришел. Но не испугались осажденные, только крепче сжали рукояти мечей да топорища.

Тут увидели — ведут кого-то татары к Золотым воротам, в спину толкают. И узнали они княжича Владимира. Был он в рубище, босыми ногами по снегу переступал.

Записал о нем летописец: «Бе бо уныл лицем — изнемогл бедою от нужди».

Хотели старшие его братья Всеволод и Мстислав тотчас же отворить ворота, с малым своим полком на выручку броситься. Удержал их старый Петро Ослядюкович, показал рукой, какая сила татарская поодаль стоит. И пустили осажденные со стены и с верха Золотых ворот по стреле.

Поняли татары — не выманить им русских из крепости, и тоже по стреле пустили. Подскочили они ко княжичу Владимиру и зарубили его на глазах родных братьев и всех осажденных. И тотчас же погнали злосчастных пленных собирать страшные стенобитные пороки и камнеметы. Никогда таких придумок не видали осажденные, и неведомо им было, что татары затеяли.

Отрядил хан Батый часть своих туменов на Суздаль, а там никаких русских полков не стояло. Взяли татары град беззащитный, зажгли, кого побили, кого в плен позабрали и опять ко Владимиру воротились.

В посадах владимирских разобрали они многие избы, в трех местах завалили бревнами рвы и подтащили к самым стенам тяжелые пороки. Не сами татары принялись раскачивать бревна пороков, а заставляли они пленных: нагайками их хлестали, копьями кололи тех, кто медлил.

И лили осажденные смолу и кипяток на головы горемычных своих же русских.

А татары меж тем с коней спешились, к приступу стали готовиться. Пленные все раскачивали пороки, все били комлями бревен. Тяжким человечьим стоном стонала стена дубовая. Скоро так застонет вся земля Русская. Били, били комлями бревен ошалелые от страха пленные.

Не выдюжила стена ударов и упала. Хлынули татарские полчища в пролом вправо от Золотых ворот. В тот же час рухнули стены и возле Орининых, и возле Медных ворот.

Страшное побоище завязалось на улицах. Жены, дети защищались, кто чем мог. Каждую землянку, избу, терем, церковь брали татары приступом.

Те русские, кто жив остался, с боем отошли в старый Мономахов город. Но вскоре и там рухнули ворота. Увидели осажденные — смерть за ними пришла, но никто не попросил пощады; бились, пока меч, топор либо нож рука держала, пока очи видели, кого разить.

Была возле Успенского собора звонница невеликая, на двух дубовых столбах с перекладиной, с крышей тесовой. Седой звонарь бил в колокол беспрерывно.

А в старом соборе набралось полным-полно женщин, детей, стариков немощных. Наверху, на полатях, сама великая княгиня Агафья стояла с дочерьми, со снохами, с малолетними внучатами. Епископ Митрофаний в золотых с черным ризах служил, отпевал он и убиенных и живых, кадил кадилом, и пели все хором за самих себя похоронную молитву «Со святыми упокой».

Подскочили татары к собору, убили того звонаря, но не смогли разбить кованые входные двери. Тогда обложили они бревнами стены соборные и подожгли их. Дым пошел внутрь сквозь окна. Сперва слышно было пение молитв, потом крики да стоны истошные, потом все затихло.

Подтащили татары пороки к собору и повалили двери. Ворвались они внутрь, начали грабить, жечь пелены шитые, книги рукописные, с мертвых одежды стаскивали, серебряные и медные сосуды, драгоценные ткани в свои торбы укладывали. И разграбили собор дочиста. А драгоценную ризу с иконы Владимирской богоматери хан Батый себе взял. Как глянули на него с печалью невыразимой богородицыны очи, так побелел он весь и приказал икону на место поставить.

Лют был хан, видел он, сколько лучших его воинов перебили русские, и повелел не щадить никого.

Жен и дев, кого взяли в полон, убивать не стали, а кинулись глумиться над ними.

И дрожала рука летописца, когда выводил он такие слова:

«А иныя ямлюще вязаху и груди възрезываху и жолчь выимаху, а с иных кожу одираху, и иным иглы и щепы за нохти бияху».

Дальше двинулись татары, огненными потоками по земле Русской разливаясь…

Не летописец, а предание народное сказывает:

Ехал из Чернигова в Рязань храбрый витязь рязанец Евпатий Коловрат со своей дружиной. Увидели они на месте родного города одни пожарища и замерзшие неприбранные трупы и направились по следам захватчиков. По пути примыкали к ним уцелевшие, кто мог дубину либо топор держать.

Догнали храбрецы татарское войско, стали охотиться по

ночам на отставших, на сонных и на хмельных, многих успели зарезать, но наткнулись на засаду и в неравном бою все до одного были перебиты.

Приволокли к Батыю мертвого Евпатия. Хан поразился его ростом, его могучей статью и сказал военачальникам, что рад был бы видеть такого богатыря в своем войске. Он повелел похоронить Евпатия и других павших русских храбрецов с честью.

Дальше, дальше по снежным полям и лесам, сквозь метели и морозы правили татары коней.

И опять дрожала рука летописца, когда писал он:

«Окаяннии ти кровопийцы — овы идоша к Ростову, и ини к Ярославлю, а ини на Волгу на Городець и ти плениша все по Волге, а ини идоша на Переславль и тъ взяша и оттоле всю ту страну и грады многы, все то полониша… и несть места, ни веси, ни сел тацех (таких) редко, идеже не воеваша на Суждальской земли и взяша городов 14, опричь слобод и погостов…»

В дремучую лесную глушь, что на запад от Ярославля, где одни медведи, да рыси, да росомахи прятались, а волкам да лисам ходу не было, забрел великий князь Юрий со своими полками. Думал он заманить врагов в леса нехоженые, в яруги глубокие. Не дойдут враги по дорогам неготовым, по сугробам рыхлым до его стана возле малой речки Сити, заблудятся, от бескормицы кони их падать начнут. До весны отсидится его войско, а как растают снега и войдут реки в свои берега, так поведет он полки на выручку осажденного града Владимира. Не знал он, что есть у татар пороки и камнеметы.

Привел к нему из Юрьева-Польского свой малый полк брат Святослав. А брат самый меньший, Иван Стародубский, со своей дружиной в лесах где-то укрылся. Подошли полки Ростовские с племянником Василько Константиновичем и его братьями младшими.

Много было войска у брата Ярослава. Годом раньше позвали его княжить в Киев, да недолго он там оставался. Как молва до него долетела, что двинулись татары на землю Русскую, так в свой Переславль-Залесский воротился.

Что он потом предпринимал — в летописях ничего не говорится. Надо полагать, как узнал он, что татары Москву взяли, так в дебри заволжские со всем своим войском отошел.

Трех гонцов, одного за другим, посылал к нему Юрий.

— Брат, помогай! Брат, выручай! Поспешай ко мне со своими полками!

И трижды отвечал ему Ярослав:

— Вот подойдут новгородцы, так направлю коней к твоему стану.

А сам медлил, сам ждал, куда татары дальше повернут.

Из Владимира прискакал гонец к великокняжескому стану.

Узнал Юрий, что вся семья его погибла, и все жители погибли, и град его стольный взят врагами и дотла погорел. Перекрестился он и не сказал ни единого слова.

А еще гонец прискакал с вестью, что татарское войско надвое разделилось. Одни тумены сам хан Батый на Тверь повел, а другие ведет Батыев военачальник Бурундай на восток. Понял Юрий: сюда на его стан метит.

А уж преодолели татары лесные дебри да глубокие снега и, как лавина, как смерч неминучий, подходят, приближаются… И еще понял Юрий, что дальше пути нет. Настал час великой битвы. Либо татары победят, либо русичи. Повелел Юрий лес рубить, спешно городить на поляне стены, сосновые и еловые. Да не успел тына кругом поставить, как подошли татары, обложили стан.

Настал день святого Герасима Грачевника 4 марта. По народным приметам, в этот день грачи прилетают. А заместо них иные черные птицы в тот страшный год на Русь налетели.

Закипело побоище. Столько крови не лилось на земле Русской никогда.

А синей рати не слышано!
С зарании до вечера,
С вечера до света
Летят стрелы каленыя,
Гримлют сабли о шеломы.
Трещат копиа харалужныя
В поле незнаеме…

Умели драться простые русские люди. И умирать умели, когда приходила пора умирать. Многое число храбрых воинов головы свои сложило. На каждого русского убитого не менее двух татар мертвых пришлось.

Как светлый витязь из древнего сказания, скакал на белом коне храбрейший из храбрых князь Василько Ростовский. Шестерых врагов порубил он мечом, пятерых копьем пронзил. Да сломалось копье, да притупился меч, да убили коня. Пеший взял Василько в руки дубину. И затрещали татарские головы.

Но сыскался коварный татарин, схоронился за елку, снегом засыпанную, и закинул на шею витязя аркан, из верблюжьих сухожилий повитый.

Повалился храбрый Василько. Бросились на него татары и связали его по рукам и ногам.

А князь Юрий меж тем с холма руководил боем. Был он тучен и велик ростом и кольчугу носил тяжелую. Алый стяг развевался за ним. Заприметили его татары издали. Поскакала к нему сотня татарских всадников. До последнего сражались княжеские телохранители и все до одного были перебиты. Сам Юрий упал с отрубленной головой.

А князь Святослав ускакал, с ним его племянник — брат Василька Владимир Углицкий и пятнадцать дружинников. Только они одни спаслись.

Сколько русских и сколько татар пало в той битве при Сити, никто не считал. Некому было считать. Сила победила силу.

Узнал Бурундай, что в плен русский князь попался, и видеть его пожелал.

Привели в шелковый шатер Василька, связанного, оборванного, всего в крови. И сказал ему Бурундай.

— Храбро ты сражался. Теперь поклонись мне до земли. И клятву дай, что будешь нашему великому хану Батыю верой и правдой служить. А он даст тебе все земли русские — Суздальские, Рязанские и другие, какие покорит.

Как перевел толмач эти слова, так выпрямился связанный Василько и Бурундаю в лицо плюнул. Тут подскочили к пленнику татары и зарубили его до смерти…

А сам хан Батый тем временем вел другие тумены на север. Узнал он, что где-то в лесах князь Ярослав со своим полком хоронится, и послал к нему гонца с такими словами:

— Ты против меня не воевал, зла на тебя не держу. Чего прячешься — выходи.

Явился к нему Ярослав, поклонился в ноги. И поставил его Батый на Суздальской земле великим князем, ему покорным.

Сколько лет завидовал Ярослав удачливому брату Юрию, теперь удача ему перекинулась. Получил он из рук татарских золотой стол Суздальский.

От него и от потомков его пошли великие князья Владимирские, Московские и всея Руси — Александр Невский, Иван Калита, Дмитрий Донской и многие другие. Кончился его род на сыне Ивана Грозного, на слабоумном царе Федоре Ивановиче…

Хан Батый отпустил Ярослава во Владимир и повел свои полчища дальше. Прослышал он, что за лесами дремучими, за болотами зыбучими, за озерами бездонными стоит город, в каком под каждой каменной церковью в подклете держат купцы казну несчитанную. И зовется тот город Господин Великий Новгород.

Заторопил Батый свои тумены. Спешил он, пока вешние разливы путь не преградили. Пошли татары на север, взяли Тверь.

Подошли к Торжку. Решили его жители обороняться. Две недели приступ за приступом кидались татары на стены города, пока в страшной сече не взяли его и не уничтожили всех защитников до последнего.

— Идут, идут, все ближе, ближе!.. — разносились недобрые вести.

Начали новгородцы к долгой осаде готовиться: оружие точили, рвы углубляли, стены чинили, с ближних и дальних весей жито в город свозили, скот приводили.

Весна пришла, солнце пригрело, оттаяли болота, вскрылись реки, забурлили потоки. И не стало пути на Новгород ни конному, ни пешему.

А кони татарские от бескормицы стали падать. А ряды Батыевых войск после многих битв совсем поредели. Ста верст не дошли татары до Новгорода, и от Игнача-Камня вспять повернули. А где тот Камень лежит, никто в наше время не знает.

Татары потопили в озере Селигер свою несметную добычу, побросали свои хитроумные стенобитные пороки и камнеметы, пленных поубивали и налегке, на отощалых конях двинулись на юг. Мимо славного города Смоленска без задержки прошли, только посады пожгли. Приблизились к малому городку Козельску.

— Что же идем в свои степи без добычи? — возроптали иные татарские военачальники. И Батый остановил тумены, повелел взять Козельск приступом.

Княжил там шестилетний мальчик Василий, родом Ольгович. Говорит предание, будто сказали козельцы: «Хоть и мал наш князь, биться станем за него до последнего».

Пятьдесят дней топтались татары под стенами Козельска. Назвали они его «Могу Болгусун», что значит «Злой город». А было их во сто раз больше, чем русских. На пятьдесят первый день взяли они город и порубили всех жителей до единого. По преданию народному, юный Василий потонул в крови своих подданных.

Ушли татары в степи на Нижнюю Волгу коней кормить, к новым походам готовиться.

Меж тем Ярослав, по воле Батыя ставший великим князем во Владимире, начал править сожженной Суздальской землей.

С берегов Сити привезли во Владимир останки обезглавленного князя Юрия и похоронили в обгорелом Успенском соборе. Там же похоронили всех несчастных, кто задохнулся в дыму внутри храма. Младенцев положили отдельно, обернув трупики берестой.

Изрубленное тело своего мужа Василька нашла молодая безутешная вдова его, княгиня Мария, в Шеренском лесу близ Углича; она привезла его в Ростов, закутанного в саван, и тайно от татар похоронила в соборе. Где находится гробница славного витязя — до сих пор никто не знает…

На другой год снова поднялись татарские полчища. Иные тумены пошли вверх по Волге, разнося повсюду ужас и смерть. Жители в страхе покидали города и веси. Сожгли татары покинутые Гороховец и Нижний Новгород и повернули на восток вдоль Волги и вверх по Каме, покорили те народы, какие там жили, и вновь вернулись в свои степи.

А другие их тумены пошли по Днепру, взяли Переяславль-Южный, Курск, Новгород-Северский, Чернигов и подошли к самому Киеву. Поглядели они на его крепостные стены с башнями, на златоглавые храмы по холмам, подумали, поразмыслили и не стали через Днепр переправляться, а вспять воротились.

На третью осень пошли они прямиком на мать городов русских. Было их столь много, что, по словам летописца, скрип телег, рев верблюдов, ржание коней за сорок верст слышались.

Подождали они, пока Днепр не замерз, и переправились по льду. Встретили их киевляне с оружием, лицом к лицу. Бились сперва у стен киевских, потом на улицах киевских, потом в последнем оплоте осажденных — внутри Десятинной церкви. Дотла выгорел златоглавый Киев, и ни одного жителя не осталось: кто лег в сыру землю, кто в плен попал. Было это на Николин день 6 декабря 1240 года.

Дальше, дальше на запад тремя отрядами двинулись татары, прошли Русскую землю насквозь, победили войска венгерские, потом польские, потом немецкие, торопились добраться до самого Последнего моря, какое теперь зовется Адриатическим.

В тот год страх обуял весь Запад. В Италии, во Франции, даже в Англии молились люди по всем монастырям и соборам. Не поплыли рыбачьи суда в море, незасеянными остались нивы, не стали строить плотники и каменщики, клады повсеместно закапывали. Ждали народы Европы прихода врагов.

Но, видно, изменило татарам счастье, грудью встали перед ними храбрые чехи и в битве под Оломуцем разбили один из отрядов Батыя. Повернули татары вспять на восток, опять прошли насквозь землю Русскую и остановили коней в низовьях Волги.

Народы Европы вздохнули с облегчением. Не увидели они татарских быстрых коней. А всю тяжесть страшного ига монголо-татарского приняла на себя Русь. Загородил народ русский западные страны своим измученным телом, как бы щитом.

Тяжко досталось Руси. Но не приуныли жители городов и селений. Те, кто уцелел, вернулись на свои старые пепелища. И тотчас же принялись осиротелые люди землянки копать, чтобы от дождя и мороза укрыться. И не отдали они врагам свои мечи, да копья, да колчаны со стрелами, а припрятали.

Во время Отечественной войны служил я в составе тех войск, какие освобождали униженную, сожженную, но не покорившуюся Белоруссию.

Много раз приходило мне тогда на ум страшное татарское нашествие. На всю жизнь запомнил я одну маленькую деревеньку Ола́ Гомельской области, затерявшуюся в болотах Полесья.

Гитлеровцы из мести за убитых партизанами эсэсовцев загнали всех жителей той деревни в две или в три избы, забили окна досками и подожгли. Тех, кто выскакивал, они тут же расстреливали, а потом запалили и всю деревню.

Я попал на пожарище весной, на второй или третий день после изгнания врагов. Как нелепые башни, высились на пожарищах закоптелые печи. Оборванные женщины что-то деловито искали меж обугленных бревен. Другие женщины в самодельных таганках в щербатых горшках варили картошку. Дети в лохмотьях копошились вокруг, и лица у всех были сухие, серые, окаменелые, с глазами, разучившимися плакать. Стоял кисловатый, отвратительный запах мертвечины, заглушавший запахи пробуждающейся земли.

Я наткнулся на обгорелый скелетик младенца так лет шести; верно, его только что вытащили из пожарища. Был ли это мальчик или девочка, не знаю. Почему-то уцелели ноги, обернутые холщовыми онучами, перевязанные лыковыми тесемками и обутые в лапоточки.

Вокруг пожарищ стояли яблони, иные из них погибли от огня и раскинули во все стороны черные, изуродованные и рогатые сучья. А другие яблони обгорели только с одной стороны, и две-три их ветви уцелели. И каждая такая живая ветвь, словно пеной, была осыпана белыми и бело-розовыми цветами, прекрасными, как сама красота, как белая царевна Покрова на Нерли.

И я подумал, что и в сожженном татарами Владимире когда-то так же деловито разбирали женщины обгорелые бревна, копали землянки, варили на таганках пищу. И никто не плакал — некогда было плакать. И пахло весной и трупами. И, может быть, непохороненный скелет младенца, обутый с холщовые онучи и в лыковые лапоточки, лежал в стороне.

И так же пышным белым и бело-розовым новозданным цветом цвели по владимирским холмам и оврагам полуобгорелые

яблони. И стояли прекрасные, как яблоневый сад, белокаменные закоптелые храмы…

Много преданий, сказок, былин, поговорок, пословиц пошло на Руси после Батыева нашествия, после монголо-татарского ига. И нет сказания поэтичнее и прекраснее, чем «Сказание о невидимом граде Китеже».

В летописях о таком городе нет ни единого слова, но сохранилась весьма чтимая среди старообрядцев древняя «Книга, глаголемая летописец».

В той книге рассказывается, как пришел на Русь лютый хан Батый с несметным войском, как татары пожгли многие города и селения, а жителей — кого поубивали, кого в неволю угнали. Брал хан Батый города один за другим, пока не подошел к самой Волге. На другом берегу стоял город под названием Малый Китеж. Переправились татары через Волгу, осадили его и взяли приступом. Все жители были убиты, одного лишь Гришку Кутерьму татары пощадили. Он взялся показать им дорогу в Большой Китеж, а стоял тот город, прекрасный и несметно богатый, за трясинами зыбучими и трущобами лесными на трех горах на берегу озера Светлояр. Правил там князь Георгий Всеволодович.

Встретило княжеское войско татар на берегу реки Керженца. Страшная битва кипела весь день до солнечного заката. Под покровом ночи князь с оставшимся войском отступил к городу. Китежане заперлись за его дубовыми стенами и в трех церквах, стоявших на трех горах над озером, начали молиться.

И будто молились они столь усердно, что богородица укрыла их город. Город исчез. Татары, пораженные чудом, в страхе отступили, а предателя Гришку убили.

По одному сказанию — Китеж остался на трех горах, но люди не могут его видеть, и только в тихую погоду и только немногие «благочестивцы» различают в озере отражение его изб, башен и церквей, могут услышать малиновый звон его колоколов.

По другому сказанию — город ушел глубоко в землю, и те же «благочестивцы» могут услышать звон его колоколов.

По третьему сказанию — город утонул, ушел в озеро, и опять же лишь «благочестивцы» могут в чистой воде разглядеть его и услышать звон колоколов.

Многое в этих сказаниях идет от подлинной истории, но разные события в памяти народной перемешались. Князь Георгий Всеволодович — это великий князь Суздальский Юрий (Гюрги) Всеволодович, битва при Керженце — это битва при Сити, в которой, однако, князь Юрий погиб, а спасся его брат Святослав. Город Малый Китеж — это старинный Городец на Волге, близ

которого теперь построена Горьковская ГЭС. Непроходимая дорога, по которой татары не смогли добраться до Большого Китежа, — это дорога на Новгород. Озеро Светлояр действительно существует. Оно находится в тридцати километрах от города Семенова Горьковской области близ села Владимирского на реке Люнде.

А где же сам невидимый град Большой Китеж?

Многие писатели побывали на берегах таинственного озера, написали о нем проникновенные строки. Были там Мельников-Печерский, Короленко, Пришвин, Дурылин, поэты Клюев, Волошин. «Голубым оком с березовыми ресницами» назвал то озеро Пришвин.

Римский-Корсаков создал свою бессмертную оперу — «Сказание о невидимом граде Китеже».

Когда было мне шестнадцать лет, взял меня с собой в те края один молодой ученый-фольклорист помогать ему записывать сказки, песни, частушки.

Прибыли мы на озеро Светлояр в тот самый день престольного праздника Владимирской богоматери, когда множество людей собралось на трех прибрежных горах. На одной горе, заросшей лесом, я увидел такое, словно попал даже не в XVI век, а в древние языческие времена. Старухи с восковыми, изможденными лицами молились озеру и деревьям, а две самые рьяные попытались ползти вдоль топкого берега.

На средней горе предприимчивые и не столь древние старухи бойко торговали семечками, пряниками и разной снедью. На третьей горе парни и девчата под гармошку плясали и пели лихие частушки.

Ходил я вокруг озера. Круглое «голубое око с березовыми ресницами» было совсем небольшое, меньше километра в поперечнике. И хоть знал я, что невидимый град — это сказка, поэтичное предание, все равно вглядывался в прозрачные омута, видел, как рыбы ходят, как стелются водоросли, а таинственный город с тремя белокаменными церквами мне не показался.

С тех пор прошло много лет. Слышал я, что аквалангисты ныряли в озерные глубины, но ничего не нашли. Читал я одну статью, где загадка озера сравнивалась с загадкой исчезнувшей Атлантиды и говорилось, что, может, и правда некогда существовал город, который провалился под землю во время страшной геологической катастрофы.

И хочется верить, что и сейчас стоят на дне озера Светлояр три белокаменные церкви невидимого града Китежа. И равны они по красоте Златокудрой царевне — Покрову на Нерли.

Георгиевский собор города Юрьева-Польского, построенный за четыре года до татарского нашествия, был последней жемчужиной, лебединой песней, созданной при потомках Юрия Долгорукого.

Трудно сказать, до каких высей поднялось бы зодчество Владимире-Суздальской Руси, кабы не татарское иго.

Зодчие, камнесечцы, каменщики, златокузнецы, ценинных дел мастера, прочие ремесленники почти все погибли, спаслись лишь немногие.

В те страшные годы княжил на юге Руси Даниил Романович Галицкий — Мономахович родом. Был он и храбр и умом крепок. Он и с татарами ладил, и сумел основать сильное и богатое княжество. Захотелось ему украсить стольный свой град Холм.

В летописи говорится о храме, воздвигнутом повелением Даниила.

Там, над западным ободверием, находилось резанное на камне изображение Христа, а над северным — святого Иоанна Предтечи. Сделаны «узоры те неким хытрычемь Авдеемь».

Этот Авдей, возможно, и был одним из оставшихся в живых владимирских камнесечцев. К сожалению, от того храма ничего не сохранилось.

За вереницу веков исчезли многие могущественные царства и государства, разрушились прекрасные дворцы, храмы, города. Но не погибло мастерство владимирских «холопей-каменьщиц». Подобно тлеющему костру задремавших пастухов, подобно лампаде в келье летописца, оно едва-едва теплилось, но жило.

Уже через год после разорения Владимира в летописях упоминается об обновлении и освящении Борисоглебской церкви в Кидекше. Вскоре главы на Успенском соборе были покрыты, правда, не золоченой медью, а тусклым оловом. Затем пристраивается к нему кирпичный придел Пантелеймона (разобран в XVII веке). Верно, возобновлялись и другие храмы, только летописцы о том не упоминали.

Люди копали землянки, может, где избы рубили, а теремов не ставили; и такая узорчатая резьба, как прежде, больше не вилась по стенам. Не до красоты было, лишь бы день прожить.

Только через пятьдесят лет после монголо-татарского нашествия построилась первая белокаменная церковь в Твери, а через девяносто лет — в Москве. Они не сохранились. По их изображениям на иконах мы знаем, что были они одноглавы и видом напоминали владимирские соборы.

А в самом Владимире новые каменные храмы не строились целых триста лет. И великие князья после Ярослава и сына его Александра Невского не стали там жить. Захирел стольный град

Андрея и Всеволода.

Но московские государи — потомки Всеволода Большое Гнездо — всегда помнили, что слава Москвы идет от былой славы Владимира и Суздаля, где высились знаменитые старинные белокаменные храмы — свидетели деяний их предков.

Первые московские государи венчались на великое княжение в Успенском соборе города Владимира. Они неоднократно посылали во Владимир богатые вклады. Именитые бояре, дворяне и купцы подражали им в «благочестии».

В Москве и в других ближних городах строились церкви по образу и подобию владимирских. Но такую тонкостную резьбу с треххвостыми львами, с грифонами, драконами и прочими чудищами московские зодчие не пускали на белые камни стен.

Один из тогдашних храмов — Успенский на Городке в Звенигороде — дожил до наших дней, претерпев не так уж много перестроек. Издали очертаниями своими он очень похож на Дмитриевский собор, красив, очень красив и строен, так же стоит высоко над рекой. Но нет на нем дивной резьбы, а вместо аркатурного пояса поперек его стен протянулись три белокаменные ленточки с кружевной, хотя и затейливой, но однообразной резьбой.

Московские государи заботились о Владимирских храмах. Когда в 1408 году в Успенском соборе случился пожар, были посланы во Владимир лучшие тогдашние иконописцы Андрей Рублев и Даниил Черный «с дружиной». Они расписали стены собора заново и написали образа на иконостасе.

В 1415 году внезапно темной ночью напали на Владимир татары под водительством казанского царевича Талыча. Через Серебряные ворота ворвались они в город, начали грабить. Ключарь Успенского собора Патрикей не растерялся, успел выломать один из камней соборной стены, выгреб щебенку между внутренней и внешней кладками и в дыру спрятал золотую и серебряную церковную утварь, а также схоронил самое драгоценное — рукописные книги. Схватили татары Патрикея, принялись его пытать. Говорит летописец: «И на сковраде пекоша и под ногты щепы биша». Не выдержал пыток несчастный и скончался, но тайны своей не выдал.

Клад ключника Патрикея искали и раньше, ищут его и теперь. Он еще не найден, он еще ждет пытливых археологов и когда-нибудь дождется.

В 1475 году во Владимир прибыл итальянский архитектор Аристотель Фиораванти. Великий князь Иван III поручил ему тщательно осмотреть Успенский собор и по образцу его построить подобный храм в Московском Кремле.

Именитый иноземец не хотел верить, что «дикие московиты» сами могли воздвигнуть столь прекрасный и величавый храм, и считал, что он построен итальянцами. Фиораванти выполнил поручение великого князя и построил в Московском Кремле также Успенский собор — один из лучших памятников, но уже московского зодчества.

Когда-то из Византии пришло на Киевскую Русь пятиглавие храмов. Зодчие Всеволода Большое Гнездо его переняли, воздвигли во Владимире знаменитый собор.

А с XV века по многим русским городам стали строить могучие пятиглавые храмы, их архитектура менялась, но зодчие всегда помнили о пяти богатырях Успенского собора города Владимира.

Дальнейшая история этого знаменитого памятника старины обычна и печальна. Исторические источники неизменно отмечают пожары, «обновления», перестройки, «украшения», растеску окон, переделку глав.

Образа с иконостаса, что писали Андрей Рублев и Даниил Черный, при очередном «подновлении» собора в XVIII веке были проданы в церковь села Васильевского Шуйского уезда. А фрески Рублева были безжалостно замазаны позднейшей безвкусной живописью.

Шатровая колокольня, стоявшая рядом с собором, в 1801 году рухнула от удара молнии, тогда воздвигли новую, в «классическом», столь неподходящем стиле.

В середине XIX столетия к Успенскому собору пристроили из кирпича и оштукатурили «теплую» Георгиевскую церковь. Архитектор пытался подделаться под старину, даже пустил поперек стен аркатурный пояс. Но получилось у каменщиков топорно и неумело. Где им было тягаться с мастерством их предков!

Только после революции великие творения Андрея Рублева и Даниила Черного были вывезены из села Васильевского и нашли себе достойное место в Третьяковской галерее и в Ленинградском Русском музее. Фрески Рублева внутри Успенского собора были расчищены.

А самому собору ныне возвращен его прежний облик, каким он был при Всеволоде Большое Гнездо. Пять богатырей по-прежнему стоят на высоком холме над Клязьмой, все пять в золотых шлемах. И стоят богатыри, как восемь веков назад стояли…

В поисках красоты

Моя книга подходит к концу, возможно, читатель отложил ее на часок-другой, задумался…

Научились ли мы ценить и любить красоту старины, беречь ее, заботиться о ней?

Вот Суздаль. Как он похорошел, принарядился за последнее время! С каждым годом все больше и больше людей нашей страны — пожилых, молодых и вовсе подростков, а также туристов всех

стран мира — приезжают сюда, чтобы полюбоваться обновленным городом из царства сказок. Число его посетителей достигло миллиона в год.

В суздальских монастырях и церквах теперь развернуто семь самостоятельных музеев, на отдельную площадку перевезены со всей Владимирской области три деревянные церкви, несколько старинных домов и надворных построек, ветряные мельницы, которые за ненадобностью хотели было разбирать по бревнышкам…

Хочется добрым словом помянуть работников краеведческих музеев земли Владимирской, и прежде всего — экскурсоводов.

Каждый день, более того — по нескольку раз на день проникновенно повторяют они прекрасные слова о памятниках прошлого, вдохновенно объясняют, в чем их благолепие, почему мы должны преклоняться перед ними, перед созданиями древних зодчих.

И говорят экскурсоводы неизменно горячо, пылко, убежденно.

И покидают туристы землю Владимирскую в раздумьи. И поднимается в их сердцах любовь к прошлому, любовь к своему Отечеству…

Есть на земле Владимирской малый городок Гороховец на Клязьме. Еще в 1239 году был он сожжен полчищами хана Батыя, а с тех пор и до последних лет лишь изредка в трудах по истории и географии упоминался.

А ведь в Гороховце три монастыря, два огромных собора, сколько-то церквей. И все это сплошной XVII век. И сохранились там редкие в нашей стране двухэтажные каменные жилые дома, и тоже XVII века.

Теперь все это восстановлено в своей первозданной, прихотливой красе. И начал Гороховец соперничать с самим Суздалем. Ведь в Суздале нет широкой реки, а тут Клязьма вдвое шире, чем во Владимире. И вся здешняя трехсотлетняя, ослепительная белая старина смотрится в клязьминские воды. И нет в Суздале столь высокой горы, как в Гороховце, на какую можно подняться по деревянной лестнице в 249 ступенек. А поднимешься, отдышись полной грудью и любуйся неоглядными, как море, лесными зелено-голубыми далями противоположного берега…

Наше государство не жалеет средств на восстановление старины не только Суздаля и Гороховца. Создано добровольное Общество охраны памятников истории и культуры, насчитывающее миллионы членов.

Как принарядились города и села, расположенные по

Золотому кольцу, — Ярославль, Углич, Ростов, Переславль-Залесский, Муром, Загорск, Дмитров! Не перечислить всех тех мест, куда в автомашинах, в автобусах, в поездах, на лодках и пешком устремляются туристы со всех областей нашей страны. А сколько иностранцев едет!

И в селе Любец, где я живу, восстановили церковь XVII века, и сюда приезжают туристы.

Но не везде прошлое бережется: в том же Ковровском районе ни на одном памятнике старины нет охранных досок, в селах Клязьминский городок, Малышево и Великово погибают когда-то великолепные храмы-пятиглавики XVIII века. А местные жители, в том числе учителя и подростки-школьники, равнодушно проходят мимо потемневших громад. Хочется думать, что и эти храмы восстановят, спасут, но с каждым годом будет все сложнее и дороже их восстанавливать.

Дорогие читатели, если и в ваших местах есть такие же погибающие исторические ценности, пишите, поднимайте тревогу…

За последние годы скончались те оберегатели владимирской старины, о которых я рассказывал в предыдущих главах. Ушел из жизни и мой большой друг Александр Сергеевич Потресов, чьи фотографии украшают эту книгу.

Теперь другие энтузиасты-ученые, моложе и энергичнее, заботятся о красоте владимирской старины. Некоторые из них за это получили высокую награду нашей страны — Государственную премию…

Об одном из них скажу несколько слов. Это Игорь Александрович Столетов, сын Столетова Александра Васильевича; о последнем рассказывалось выше, как он спас Дмитриевский собор. Под влиянием отца, впечатлительный мальчик с детства полюбил старину земли Владимирской. Он стал архитектором, теперь занимает должность главного архитектора Владимирских реставрационных мастерских, и еще он депутат городского совета. Как учитель молодых реставраторов и как общественник он — деятельный и неутомимый — первой задачей своей жизни поставил: уберечь старину родного края, восстановить ее былое благолепие…

Какое же воздействие оказала древняя белокаменная красота на русское искусство последующих лет, на современные народные промыслы, на архитектуру современного градостроительства?

В белокаменной Москве с XV века стали строиться пятиглавые храмы по образу и подобию Успенского собора во Владимире. От того яблоневого сада, что раскинул свои ветви на белых стенах Последней жемчужины, сквозь череду веков

протянулись невидимые нити к узорам на прекрасных тканях фабрики «Авангард», и теперь эти ткани украшают наши жилища.

От тех же цветущих яблоневых ветвей пошло шитье на церковных пеленах и ризах, какое долгими зимними вечерами, до боли в глазах вышивали мастерицы в монастырях и в покоях московских боярынь. А прошли века, и узоры с того невиданной тонкости шитья переняли крестьянские девушки и перенесли их красоту на льняные холщовые рушники да на рубахи своим суженым, да на хитросплетенные кружева. А теперь в специальных художественных мастерских — в Вологде, в Торжке, в других городах создаются вышивки и кружева, которые расходятся по всему миру.

И от тех же яблоневых ветвей пошли затейливые узоры на пергаменте рукописных книг, что при тусклом свете лампад кисточками в три волоска выводили писцы вокруг заглавных букв и вокруг цветных миниатюр. От книжных украшений то мастерство перекинулось к иконникам древних владимирских сел — Палеха, Холуя и Мстеры. А грянул на Руси гром революции, иконы писать перестали, и мастера-иконописцы, их ученики и потомки, обладавшие истинным талантом, верным глазом, твердой рукой и хорошо знавшие древние былины, сказки, песни, перенесли свои умения, свой вкус и свою любовь на миниатюры и на узоры, что ныне украшают прославленные по всем странам лаковые тончайшие изделия народного творчества…

Восемь веков тому назад белокаменная резьба на Владимирщине зародилась от той резьбы по дереву, какую древние мастера выводили не только на теремах боярских, но и на своих избушках малых, да на посуде либо на игрушках.

Многие годы спустя плотники, рубившие зажиточным крестьянам избы, приноровились их украшать. Насмотрелись мастера всяких диковинных чудищ и многоветвистых деревьев на белых камнях Владимира, Суздаля и Юрьева-Польского и перенесли те чудища и завитки стеблей с камней на дерево.

Есть такая редчайшая, изданная еще в прошлом веке книга со многими картинками «Древнерусская резьба села Холуй Владимирской губернии».

Ее автор — Иван Александрович Голышев — по происхождению крепостной крестьянин, основавший в слободе Мстера первую в России провинциальную литографию; он сам срисовывал резьбу на избах и печатал рисунки.

Перелистываешь книгу и удивляешься затейливости кружевных завитков по оконным наличникам, на досках причелин и подзоров под крышами, на князьках крыш.

Резчики по дереву увидели на белых камнях Дмитриевского

собора львов возлежащих и поместили их на концах причелин. А рядом посадили русалок-берегинь с рыбьими хвостами и четырехлапых грифонов, а между львами и русалками протянули вьющиеся стебли с листьями неведомых растений.

Теперь такие старинные доски-причелины можно увидеть в краеведческих музеях владимирских, ярославских и костромских городов.

А под крышами домов мне лично только дважды довелось обнаружить таких львов и русалок — на доме в селе Большие Всегоди́чи Ковровского района Владимирской области и на доме в селе Пота́йкине Камешковского района той же области.

Эти доски еще деды нынешних хозяев перенесли с прежних домов. А внуки их сберегли да еще в разные цвета раскрасили. Работники Владимирского музея приезжали в те села, очень хотели доски купить и цену подходящую давали.

А оба хозяина, не сговариваясь, отвечали:

— Наша красота не продается…

Старинную деревянную резьбу любят, ценят, берегут. А вот о резьбе современной почему-то нигде не говорят, не пишут, искусствоведы ее вообще не замечают.

А ведь владимирские, ярославские, московские деревни — особенно те, что близ городов и больших дорог, за последние годы изменились, похорошели, расцвел там новый стиль шестидесятых, семидесятых и восьмидесятых годов двадцатого века! Прибавилось у сельских жителей достатка, захотелось каждому домохозяину свое жилище приукрасить.

Их дома выглядят вроде бы одинаково — три окошка на улицу, два окошка в сад или все пять на улицу, а сбоку веранда и крылечко на тонких резных столбиках. Стены домов поверх бревен срубов обшиты так называемой вагонной щелевкой, то есть тонкими и узкими дощечками, и не просто обшиты, а «в елочку», наискось — так и этак, да еще плотники на каждой дощечке рубанком-подборышком пустили бороздочку. А потом стены покрасили, и не каким-то невзрачным суриком, а красками яркими, светлыми, самыми «разноличными» (вспомнилось великолепное, почему-то исчезнувшее русское словечко). Наличники на окнах, доски князьков и подзоров под крышами, теремки у чердачных окошек, крылечки — все на этих домах защеголяло самой разнообразной и нарядной резьбой, а вдобавок пестро раскрасилось.

Треугольник, образующий крышу, на Владимирщине называется «Лоб». Так вот плотники научились ставить у основания этого лба некое подобие аркатурных поясков. Просто прибивали они ряд деревянных планок, поверху соединяли их

между собой полукруглыми, словно подковки, арочками, а потом арочки и планки красили белой краской по цветному полю.

А строили и украшали все эти дома плотники местные, которых заказчики-хозяева вдохновляли разве что стаканчиком зелена вина. Никакие специалисты-архитекторы им советов не давали, а руководствовались они вековым опытом своих дедов да простой и бессмертной истиной старых владимирских хитрецов: «как мера и красота покажет».

На моих глазах, например, с каждым годом все разноцветнее, все наряднее становится село Любец и соседние с ним деревни. И не только наряднее, но и богаче.

Вместо дранки теперь крыши покрыты железом или шифером. Чуть ли не над каждым домом взметнулась антенна телевизора.

Оборудовали недалеко от Любца новую лесопилку, и в изобилии пошла эта самая щелевочка. И всякую краску можно купить. Раньше мой домик над оврагом на краю села был серый, бревенчатый, теперь он светло-зеленый, а наличники на окнах коричневые с белым, и крыша из оцинкованного железа сверкает, как серебро…

С моей легкой руки несколько художников купили в Любце дома. Все они люди молодые, веселые, талантливые. К ним в гости приезжают друзья — тоже художники.

Расставляют они свои мольберты на горе над рекой, а то возле церкви, либо у лесной опушки, либо по задворкам домов. И ловят красоту клязьминских берегов на рассвете, в полдень, вечерами, весенним разливом, солнечным летом, золотой осенью, даже в морозы.

И теперь на художественных выставках Коврова, Владимира, а также в Московском Манеже подхожу я к пейзажам с туманными названиями, вроде «Сумерки», «Половодье», «Опушки леса», и радуюсь про себя, узнавая дорогие моему сердцу любецкие просторы…

Во все эпохи народы земного шара, если нет нужды, войн, голода, гонений, всегда стремятся строить свои жилища не просто добротно и удобно, но и красиво. Ведь они любят свой дом. И это стремление даже к малой красоте так же естественно, как естественно, например, что девушки и юноши хотят одеться понаряднее…

Невидимые нити зодчества древнего Владимира протянулись во все края, где бойкие мастера-плотники еще не разучились рубить по деревням дома из сосновых и еловых бревен, где обшивают их, раскрашивают и покрывают резьбой.

И в каждом селе возникла своя манера деревянной резьбы.

Неисчислимо разнообразие домов по деревням Нечерноземья. А ведь все они построены с помощью топора и пилы да мелким столярным инструментом.

Ну а по городам?

Мне как писателю приходится много разъезжать. Приеду в какой-нибудь город, обязательно отправлюсь в музей, если он имеется, и пойду к памятникам старины, если они сохранились. А потом просто прогуляюсь по городским улицам, чтобы увидеть так называемое «лицо города».

— Как вам понравились наши Черемушки? — непременно спросят меня.

Ну что я отвечу? Мне как раз Черемушки не очень нравятся. Название поэтичное, прелестное, а поедешь в любую сторону, даже далеко на север или далеко на юг, и в любом городе увидишь одинаковые, до ужаса одинаковые дома-коробки. Может быть и было когда-нибудь особенное лицо города, но из-за прямолинейного однообразия застройки оно исчезло.

Тщетно всматриваюсь я в эти ровные ряды. В каком бы порядке ни стояли такие дома, в какие бы цвета ни раскрашивали их, я в них никакой красоты не нижу.

Да, с точки зрения инженерной эти геометрические фигуры коробок безупречны. Да, успешно разрешается жилищный кризис. Да, люди в таких домах-коробочках живут просторно и удобно.

Но как далеки от искусства эти ряды одинаковых, лишь кое-где покрашенных домов!

Так было еще совсем недавно. А за последние годы во многих городах начали строить иначе. Он идет, новый и прекрасный, как яблоневый сад, стиль будущего.

Подобно художнику текстильной фабрики «Авангард», молодые архитекторы со всей присущей молодости страстностью ищут красоту и в ремеслах всех народов нашей страны, и в маленьких, недавно построенных сельских домиках Нечерноземья, и в памятниках старины, в том числе и во Владимиро-Суздальском зодчестве.

Они находят красоту в дереве и в кирпиче. Потом на листе ватмана переиначивают ее по-своему. А потом из стекла, алюминия, пластмасс, мрамора, а в будущем из других, пока еще неизвестных нам материалов, и хочу верить — из бессмертно прекрасного белого камня они создадут многоэтажные «изъмечтанные всею хытростью» дома.

Стиль будущего надо искать в красоте, таящейся вокруг нас.

Начало его видится в ансамблях пионерских лагерей «Артек» и «Орленок», чьи прекрасные здания уступами спускаются по

скалистым склонам к Черному морю.

И видится в Суздальском туристском гостиничном комплексе, что словно гигантская птица распластал свои крылья среди зелени лугов.

А в Прибалтике! Как там оригинальны, внушительны и нарядны недавно отстроенные кварталы!

Республики Средней Азии! Там руками искусных мастеров, не забывших старинные народные ремесла, поднимаются обновленные мечети и мавзолеи. И с тех древних очертаний, с древних орнаментов современные архитекторы заимствуют красоту, переиначивают ее на новый лад и создают новый стиль городов. И самый первый и самый прекрасный город — возрожденный после разрушительного землетрясения Ташкент.

Грузия и Армения, откуда некогда явились по зову Андрея Боголюбского искусные строители-каменщики. Сколько там в горах высится полуразрушенных иноземными завоевателями храмов, замков, башен, построенных пять, десять и даже пятнадцать веков тому назад!

А сейчас в городах Закавказья строятся здания в новом стиле. И можно угадать — откуда, с каких древностей взяты контуры сводов, арок, вязь орнаментов, а что архитекторы сами изобрели…

И будут люди многие века любоваться новыми зданиями нового стиля. Их стеклянные грани засверкают на солнце как тысячи алмазов, многоцветная облицовка протянется по стенам, а кое-где завьется узорочье, как на любецких домах. И скромные аркатурные пояски пройдут между рядами окон.

Будет ли каждое новое здание ослепительно белым или многоцветным — оно всеми устремленными вверх линиями как бы взметнется к небу.

В таком доме-дворце все будет удобно, разумно, красиво, и полюбят его люди, кто в нем работает, учится или живет…

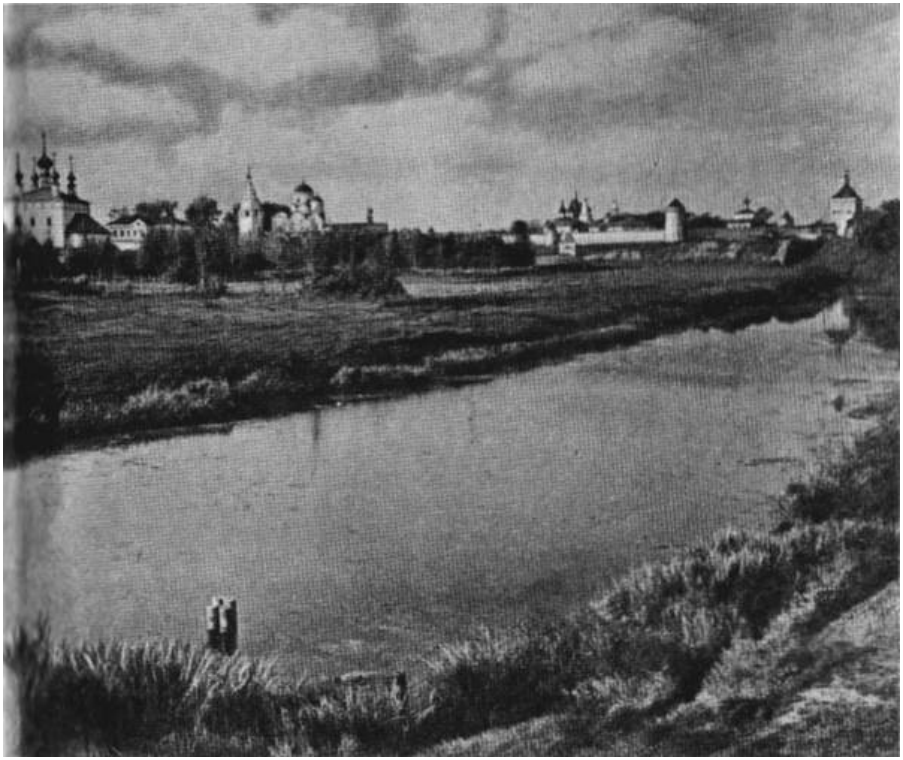
И таким домом-дворцом станут гордиться архитекторы и строители нашей великой Родины, как гордились своими белокаменными творениями владимирские зодчие-хитрецы.

с. Любец Ковровского района

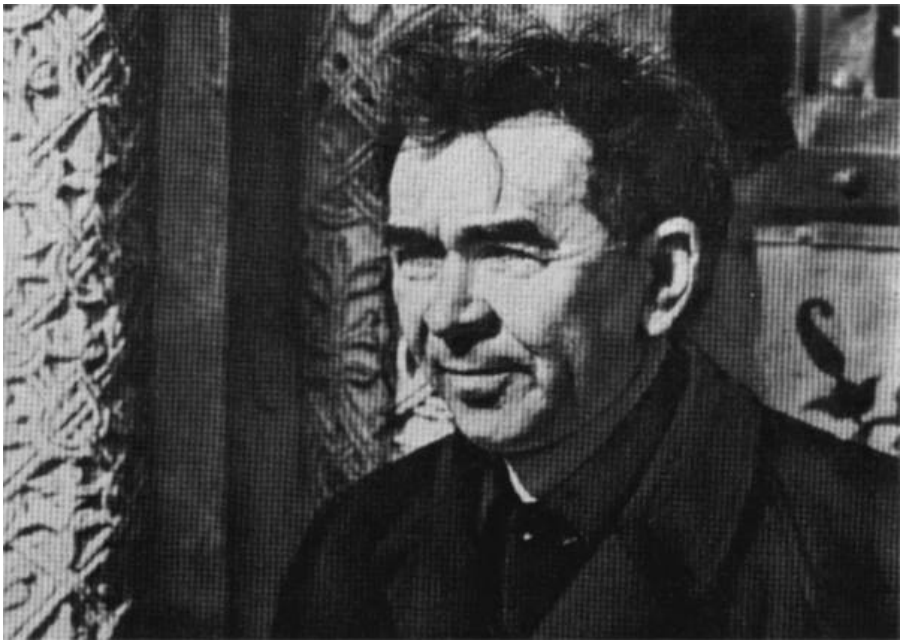
Владимирской области

1958–1979–1986 гг.

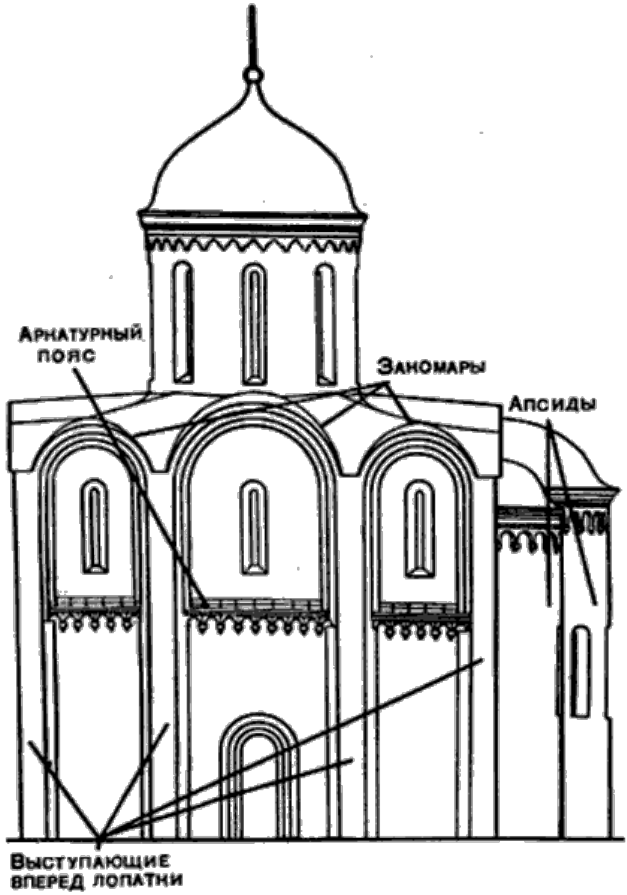
Иллюстрации

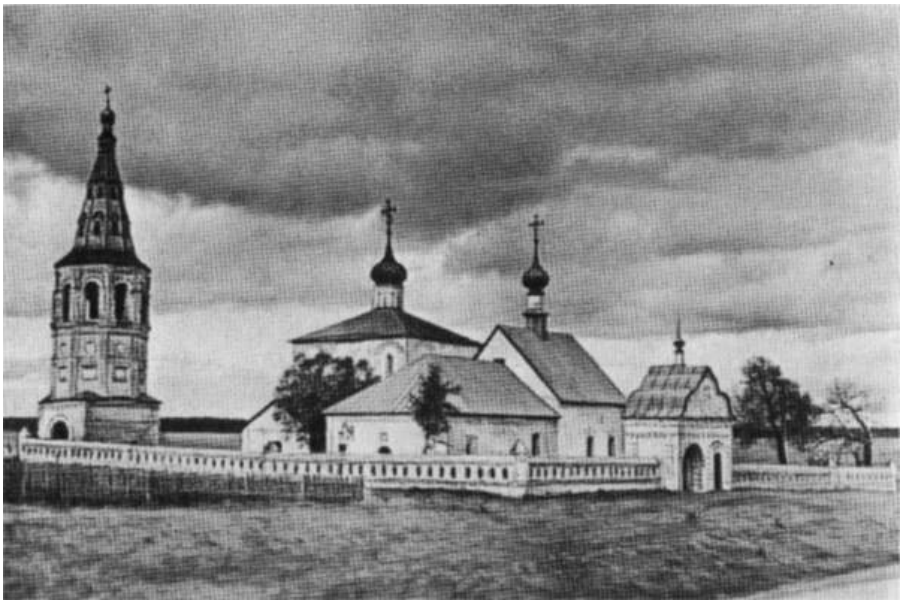
Суздаль. Вид с моста через речку Каменку. Слева, на ее низком берегу, раскинулся белый, словно вылепленный из сахара, Покровский монастырь. А справа, в глубине, на горе, высился Спасо-Евфимиев монастырь… И была та красота, словно поднявшийся со дна озера град Китеж…

Варганов Алексей Дмитриевич

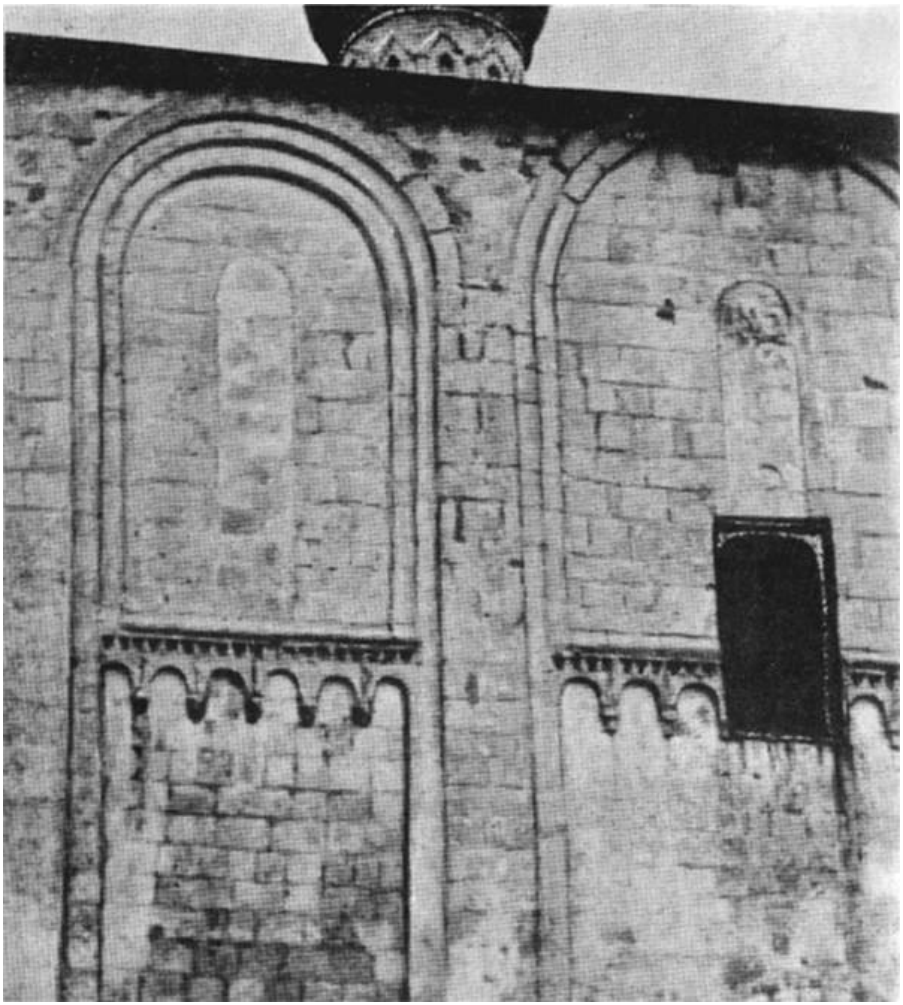

Церковь Бориса и Глеба в Кидекше. Реконструкция. / Здесь и дальше чертежи взяты из книги Н. Воронина «Зодчество Северо-Восточной Руси», Москва, 1961/

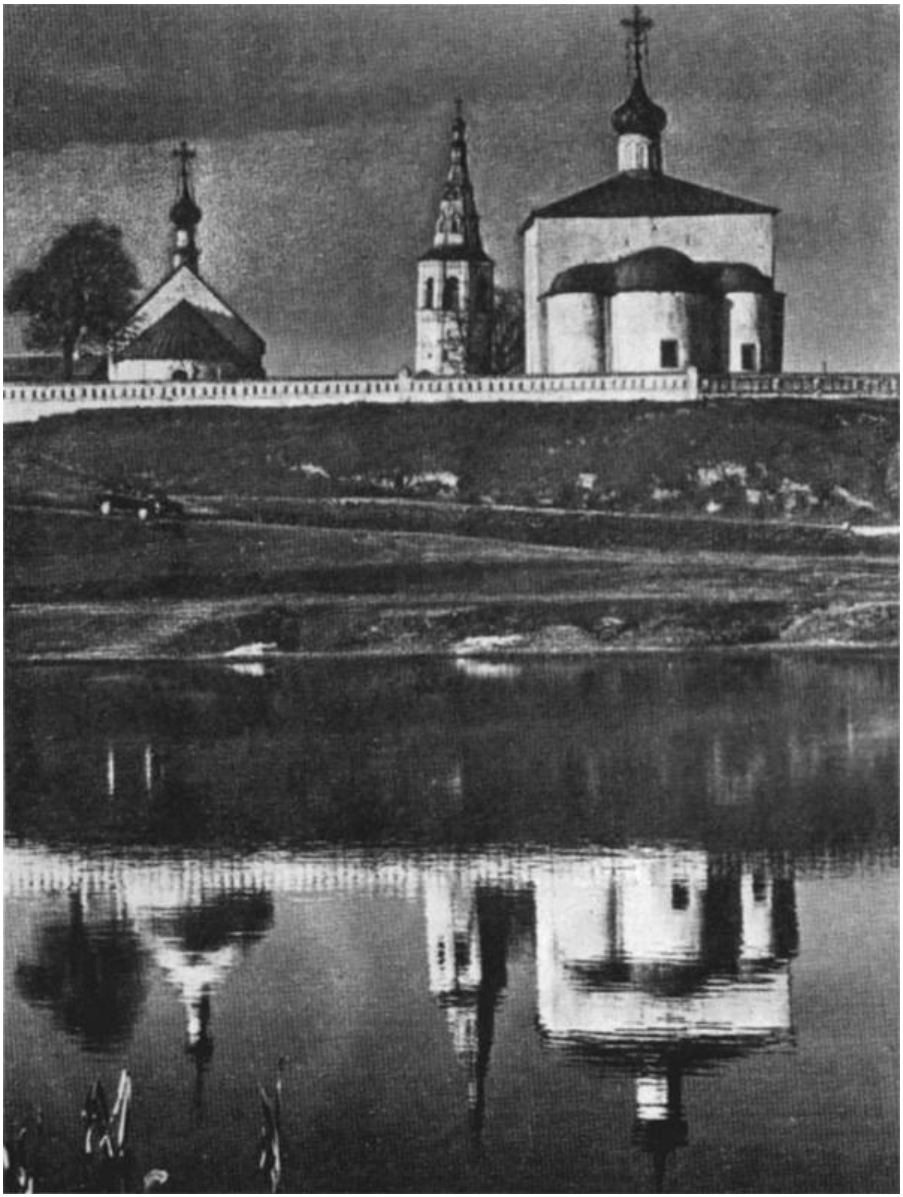

Село Кидекша под Суздалем. Суровая и величавая церковь Бориса и Глеба — 1152 год. А в XVIII веке рядом встала другая церковь — святого Стефана, маленькая, словно игрушечная, с высокой двухскатной кровлей. Невдалеке поднялся шатер изящной, стройной колокольни

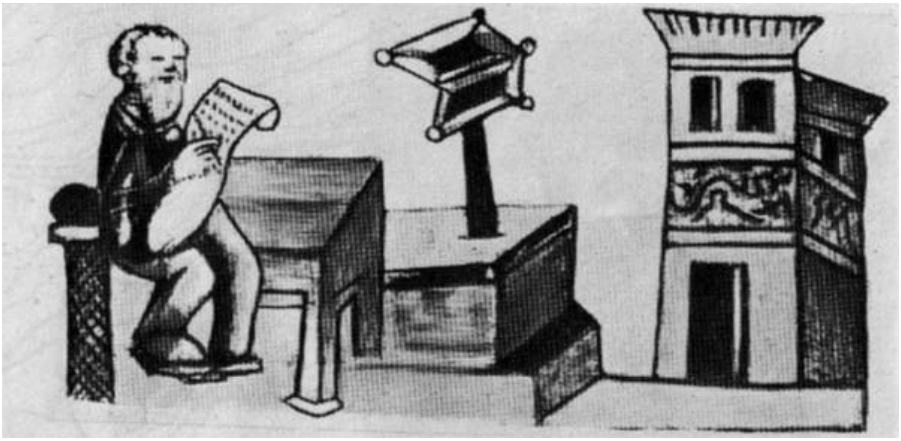
В Кидекшской церкви Бориса и Глеба только поясок арочек и поребрики как-то оживляют строгую белизну стен. Если вглядеться в каменную кладку, можно различить заложенные первоначальные щелевидные окна

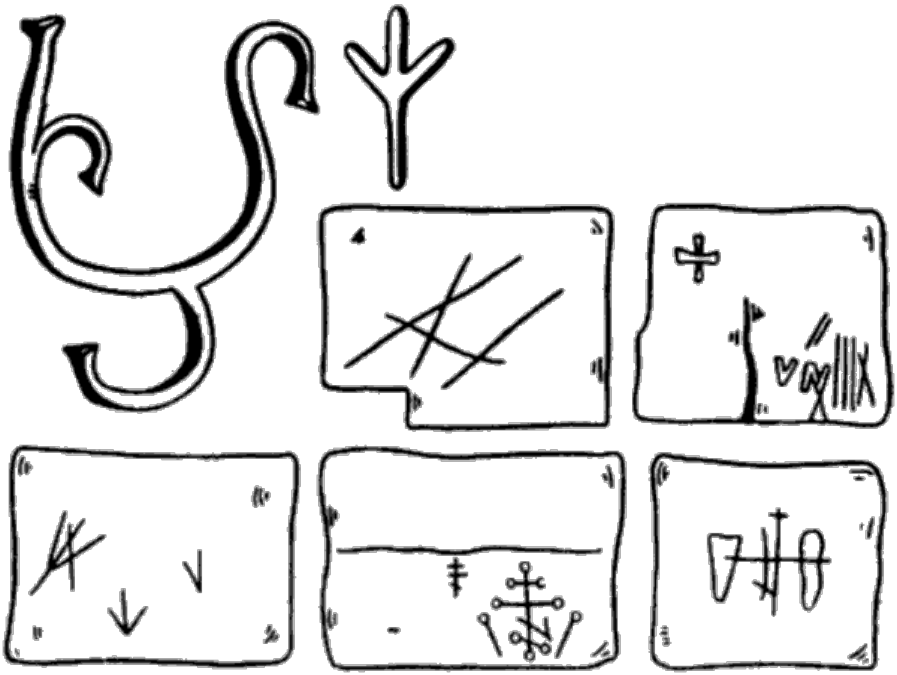
И еще раз Кидекша. Видны три выступающие вперед полукруглые, могучие, словно крепостные башни, апсиды церкви Бориса и Глеба. Вот как в тихую погоду отражается в водах Нерли весь этот прелестный архитектурный ансамбль

Спасо-Преображенский собор в Переславле-Залесском. 1152 год

Летописец XII века /Здесь и дальше миниатюры взяты из древнерусских рукописей/

Граффити XII века

Андрей Боголюбский /Реконструкция М. Герасимова/

Подвиг Андрея Боголюбского в битве против полков Изяслава Мстиславича

План города Владимира в XII–XIII веках: I — город Мономаха /Печерний город/; II — Ветчаный город; III — Новый город Андрея Боголюбского; IV — Детинец Всеволода. 1 — церковь Спаса; 2 — церковь Георгия; 3 — Успенский собор; 4 — Золотые ворота; 5 — Оринины ворота; 6 — Медные ворота; 7 — Серебряные ворота; 8 — Волжские ворота; 9 — Дмитриевский собор; 10 — Вознесенский монастырь; 11 — Рождественский собор; 12 — Княгинин монастырь; 13 — Торговые ворота; 14 — Ивановские ворота; 15 — ворота Детинца; 16 — церковь Воздвижения на Торгу

Тайный вынос иконы богородицы из Вышгорода

Резные камни от первоначального Успенского собора во Владимире 1160 года; львиная маска, капители колонн

Воронин Николай Николаевич

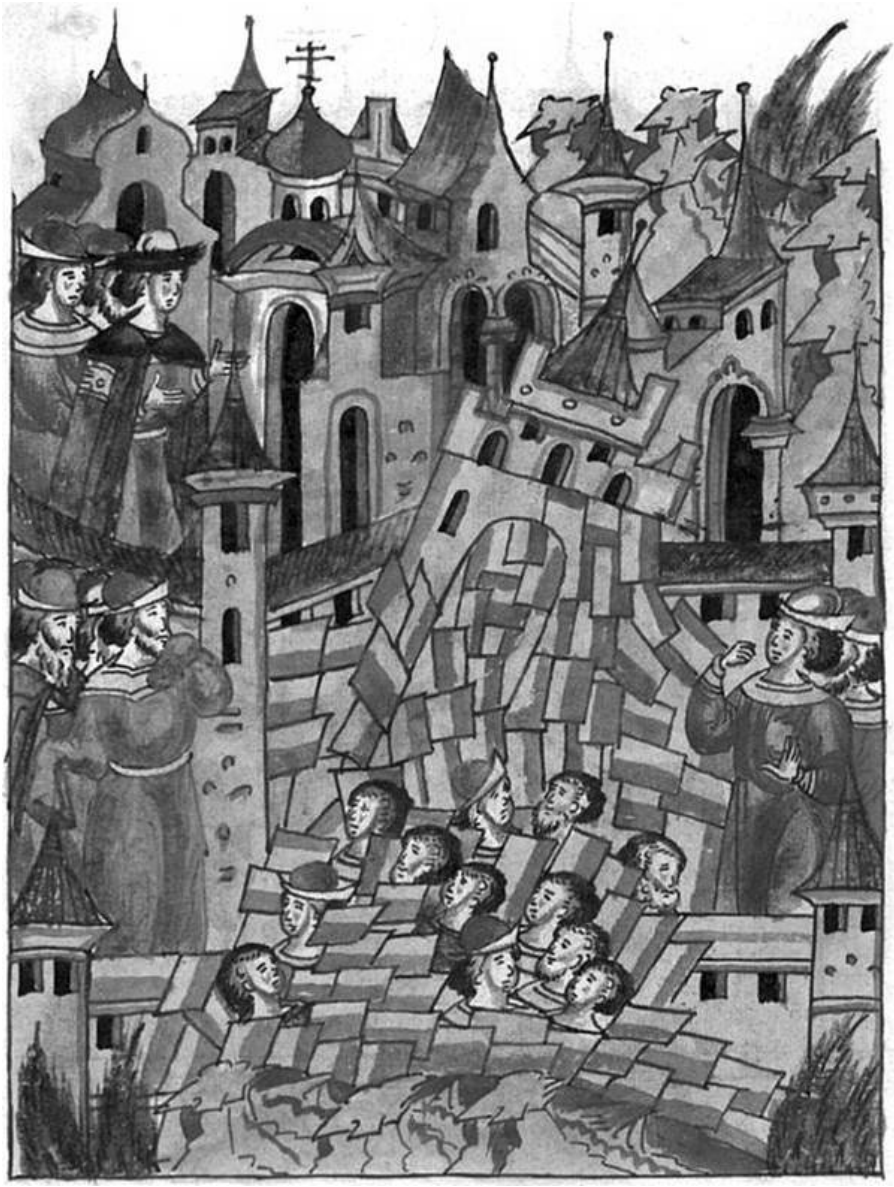
Строят белокаменный город

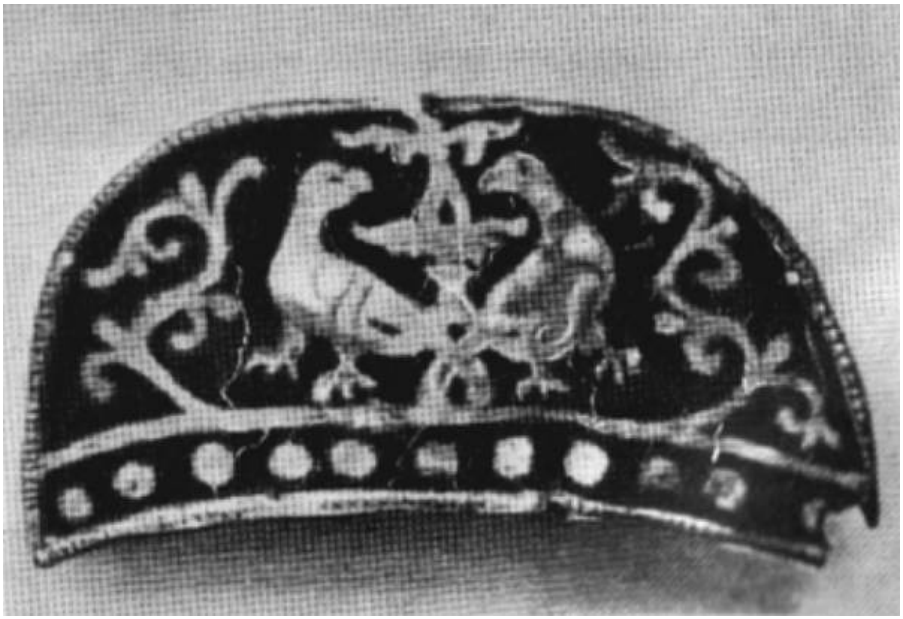
Вертикальные линии выступающих лопаток переходят в полукруглые своды. Между устоями протянулась арочная перемычка, ниже ее, справа, чуть заметна одна из железных петель XII века для навески воротных полотнищ

Золотые ворота во Владимире. 1158–1164 годы. От седой старины сохранились только сами высокие ворота

«Чудо» у Золотых ворот

Работа златокузнецов: очелье — украшение на иконе, на голове богородицы

Суздальские войска после взятия и разграбления Киева уводят пленных

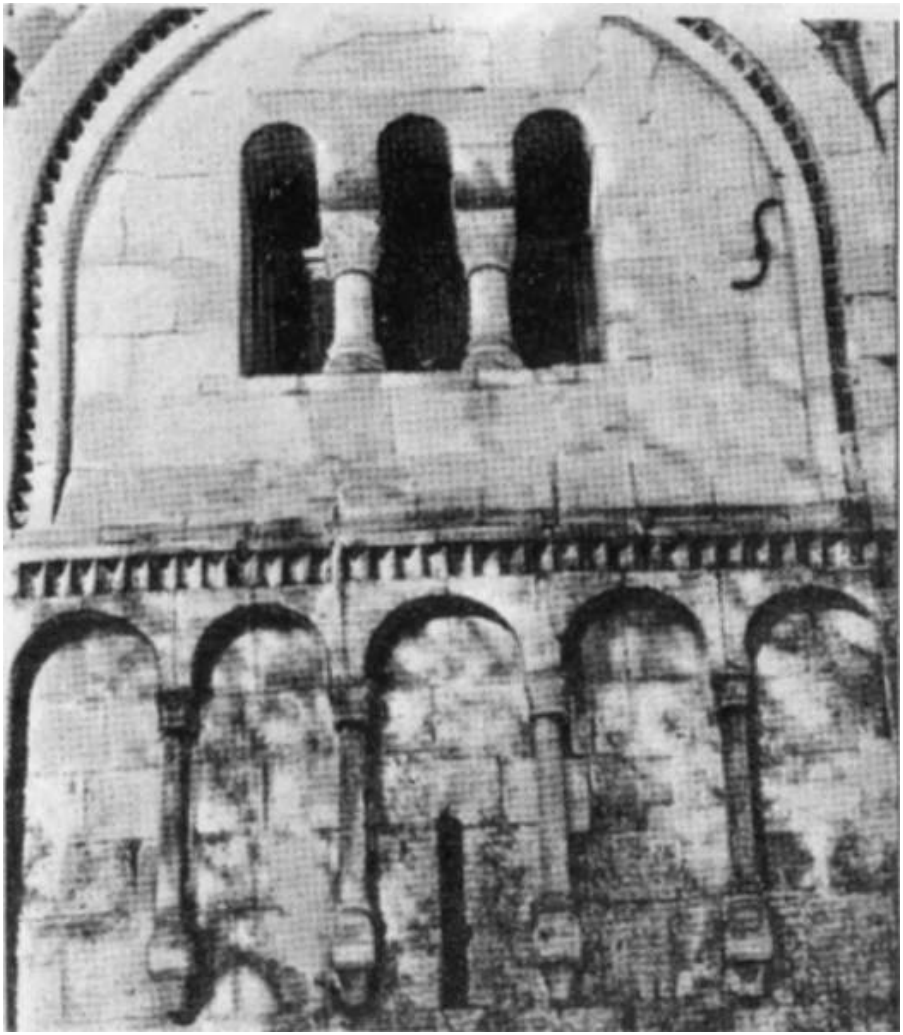
Убийство Андрея Боголюбского. В летописях ничего не говорится об участии княгини Улиты в преступлении и указывается, что у Андрея была отрублена правая рука. Но современное обследование его скелета подтвердило, что достоверным оказался автор той миниатюры, нарисовавший отрубленную левую руку князя. И эта же миниатюра подтверждает достоверность народного предания об участии княгини Улиты в преступлении — она держит отрубленную руку своего мужа

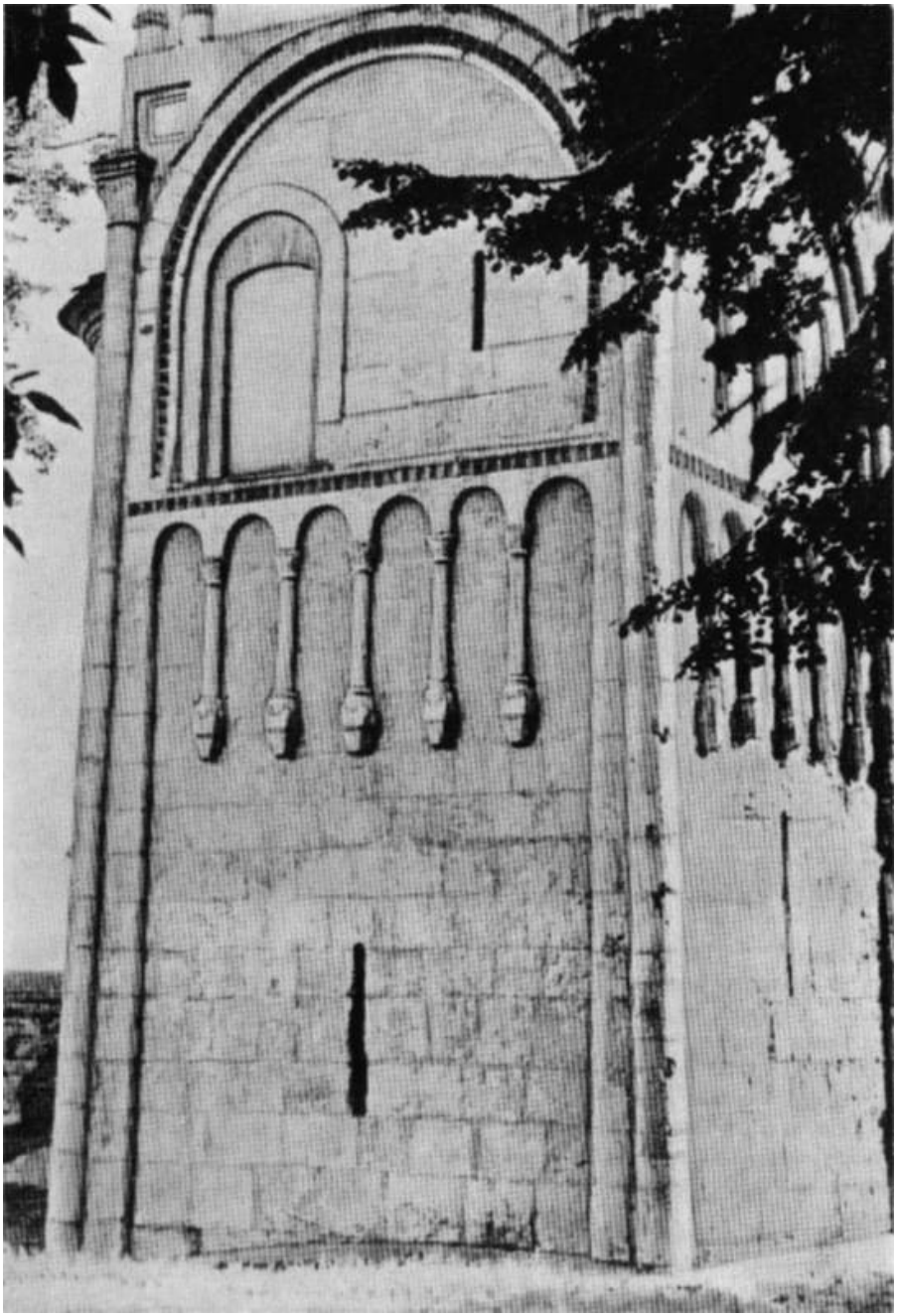
«Четырехликая дева» — огромная белокаменная капитель от столпа, некогда стоявшего перед дворцом Андрея

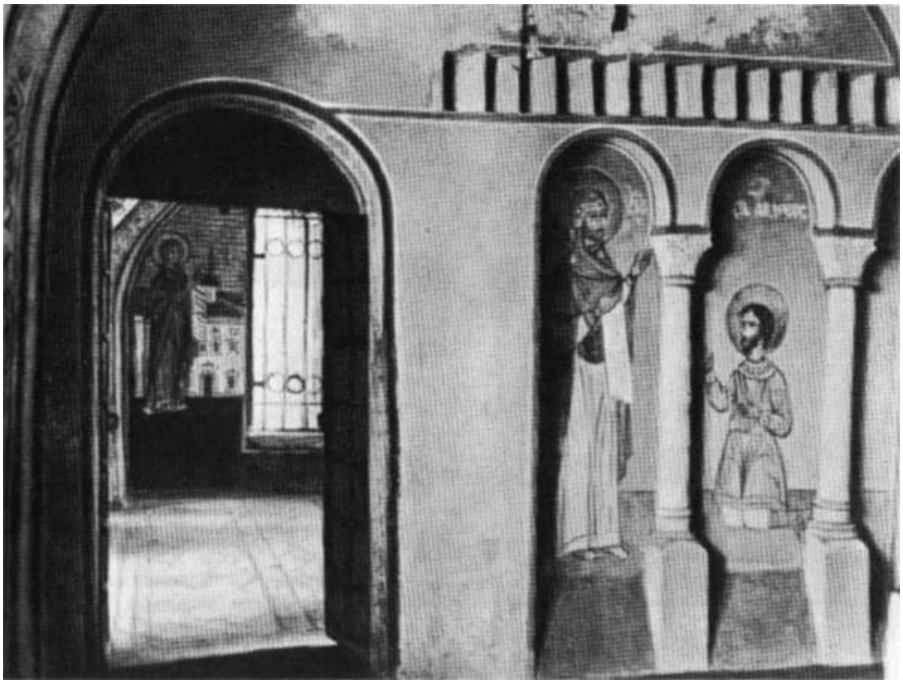
Боголюбово. 1158–1164 годы. До наших дней от прежнего белокаменного великолепия дошел только переход под аркой в башне, а также сама левая башня. Ее завершение, колокольня над башней и церковь /справа/ построены в XVIII веке

Поперек башни и перехода идет аркатурный пояс, протянулась лента поребриков, выше — единственное сохранившееся на владимирской земле «тройное окно»

На втором этаже башни заметна заложенная дверь, которая вела когда-то во дворец Андрея

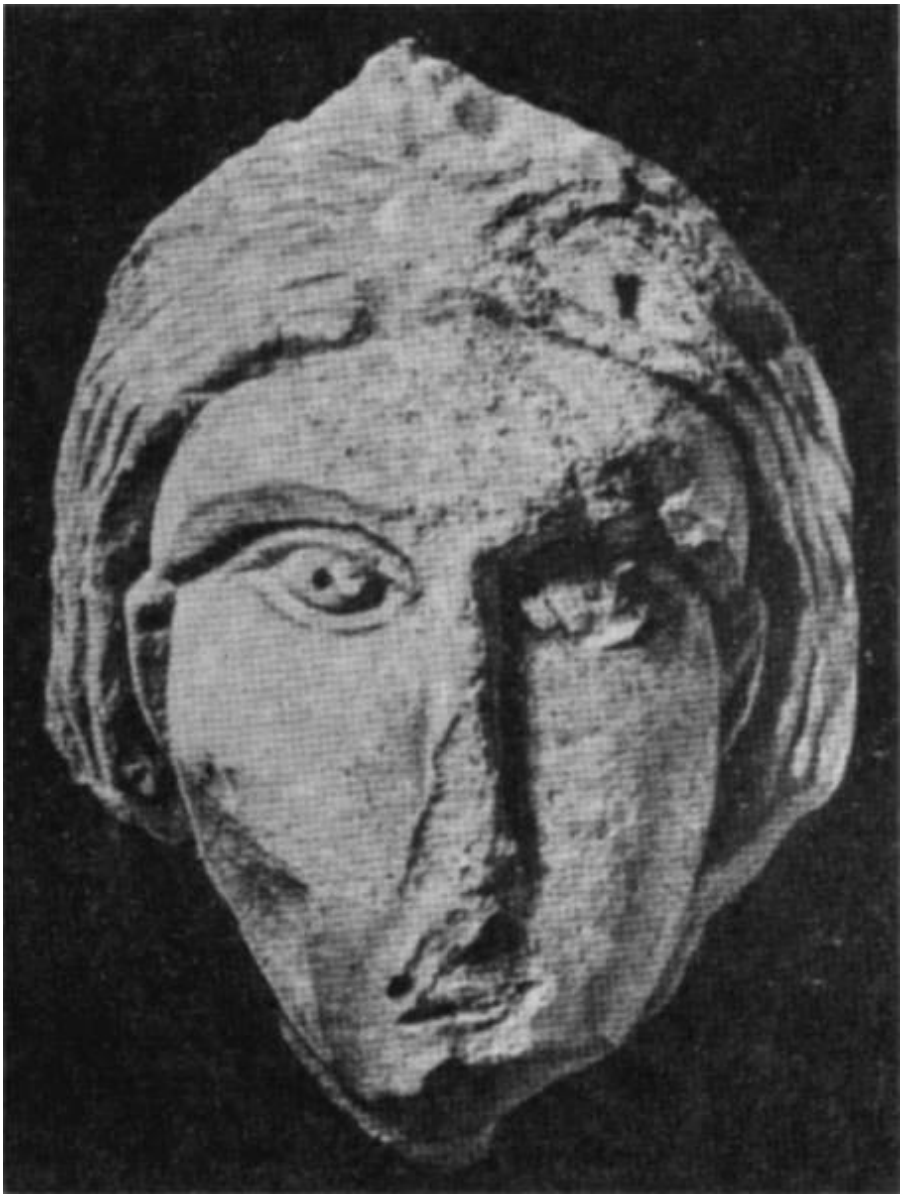

Внутри башни сохранилась часть аркатурного пояса и ряд поребриков. Сквозь дверь виден переход, по которому Андрей проходил на полати храма

Ниша за «всходным лестничным столпом». Здесь 29 июня 1174 года был убит князь Андрей Боголюбский

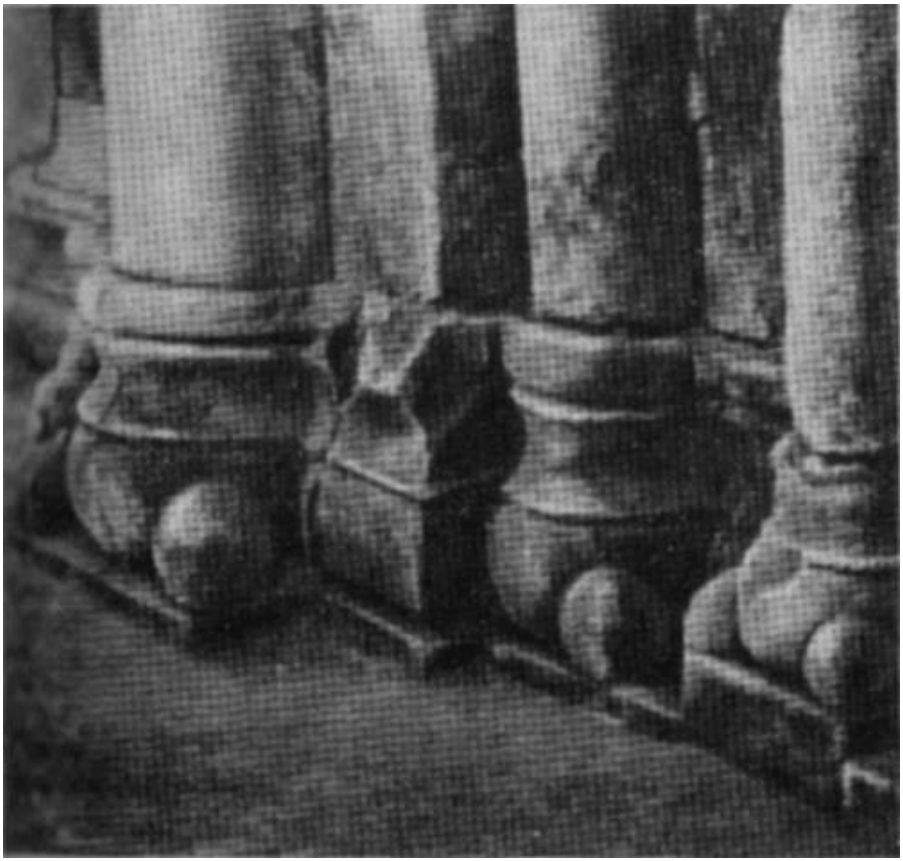

Откуда эти обломки белокаменных женских масок — с давно исчезнувшего собора или с дворца Андрея Боголюбского — остается загадкой

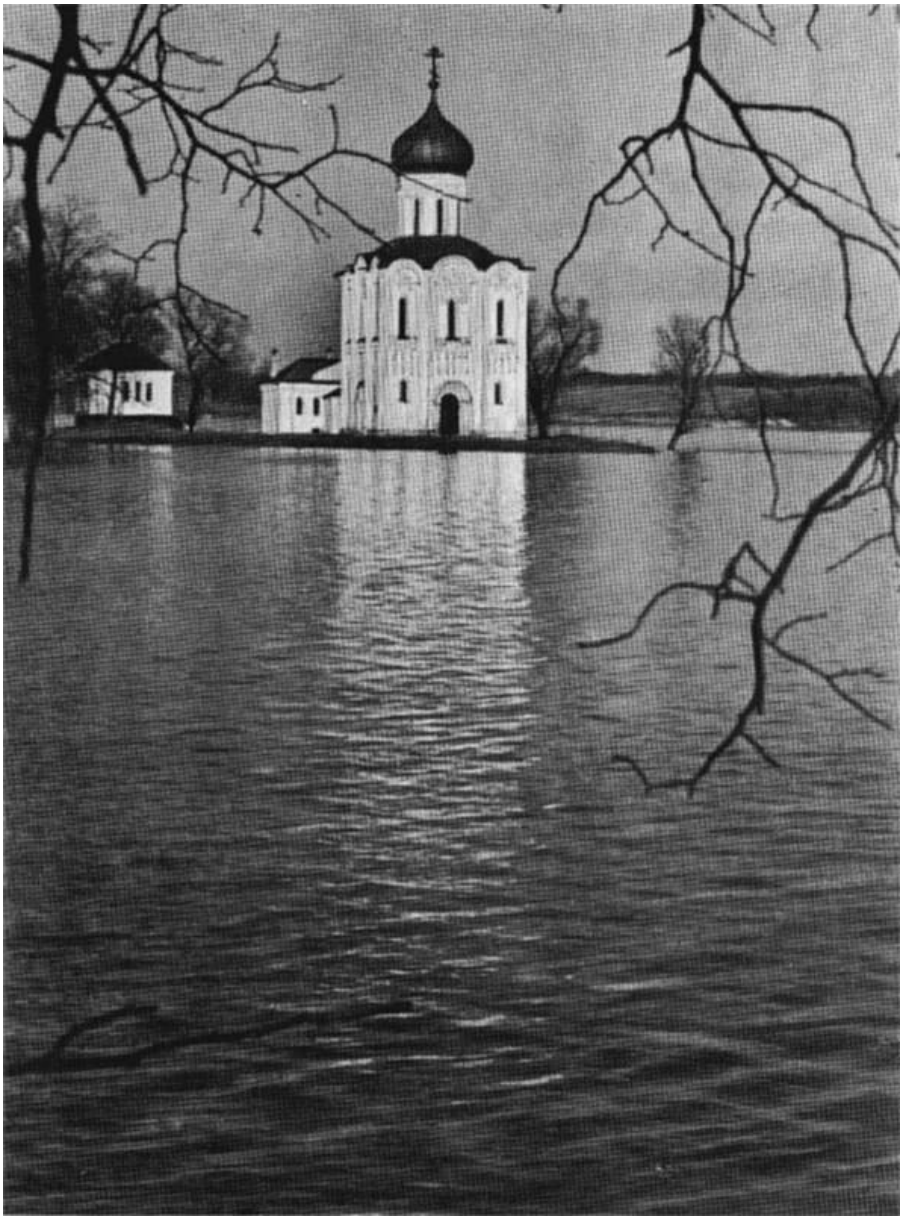
Рождественский собор в Боголюбове. Реконструкция академика Б. А. Рыбакова

«Соколиные когти». Сохранившийся цоколь храма, «изьмечтанного всею хытростью». Подобными «когтями» украшены цоколи двух храмов VI века в Армении

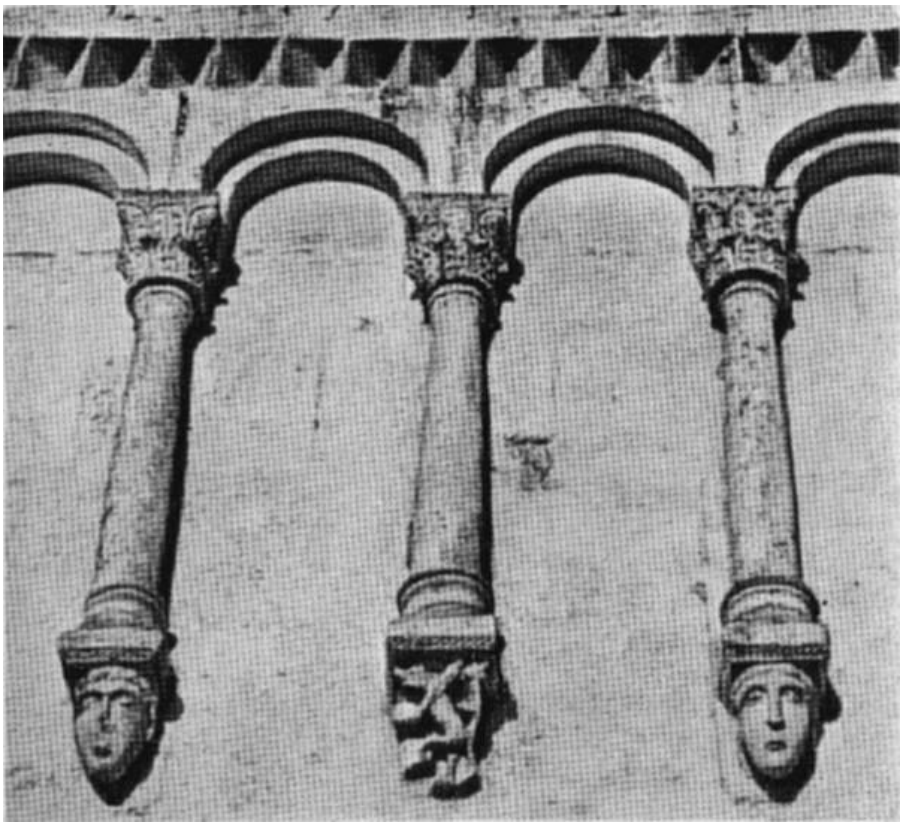
И еще загадка. Откуда эта белокаменная голова петуха?

Самая красивая в нашей стране церковь — церковь Покрова на Нерли. 1165 год. Вид во время весеннего разлива

Златокудрая царевна весной

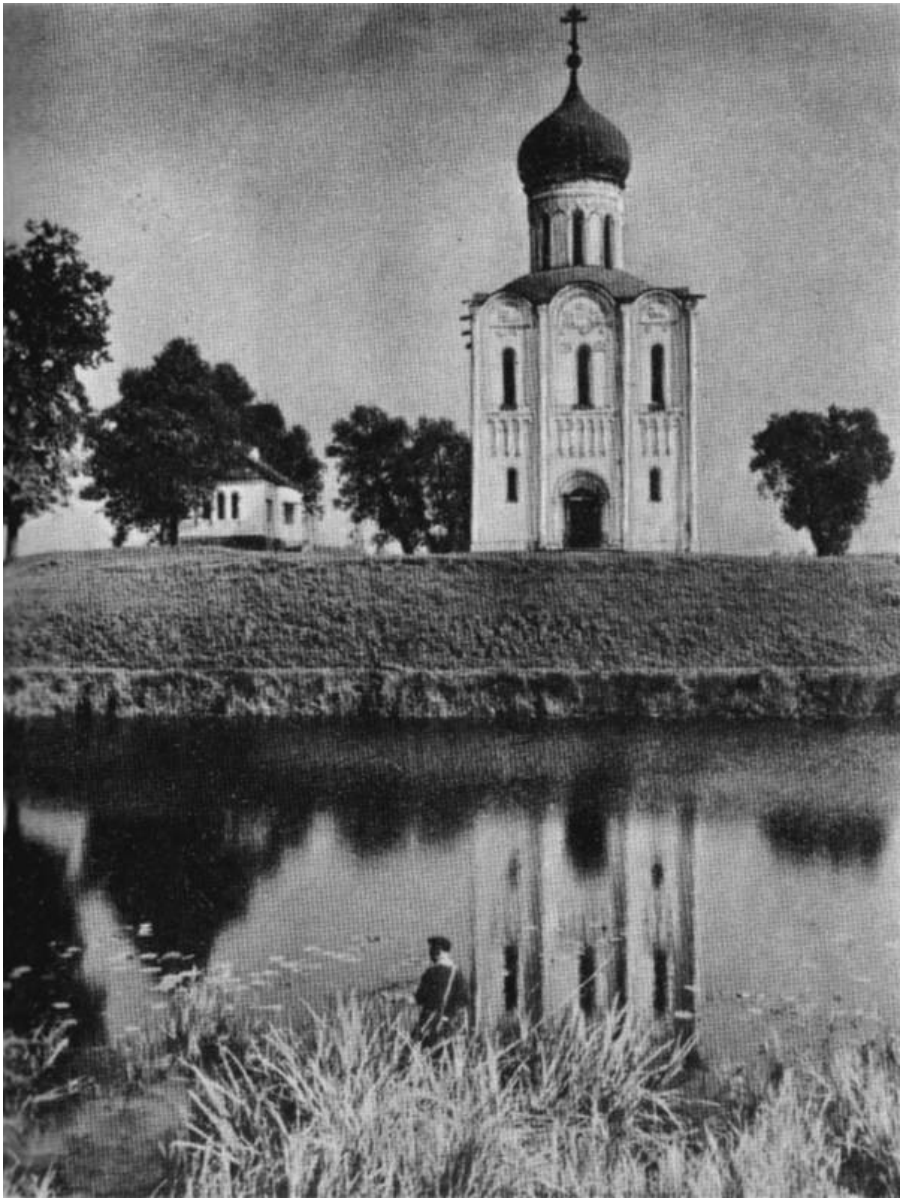
Каждая колонка аркатурного пояса кончается либо женской маской, либо неведомым зверьком, а наверху суживается

Церковь Покрова на Нерли. Во время последней реставрации

Этот белокаменный барс, вздыбленный в прыжке, находился на какой-то неизвестной пристройке к церкви

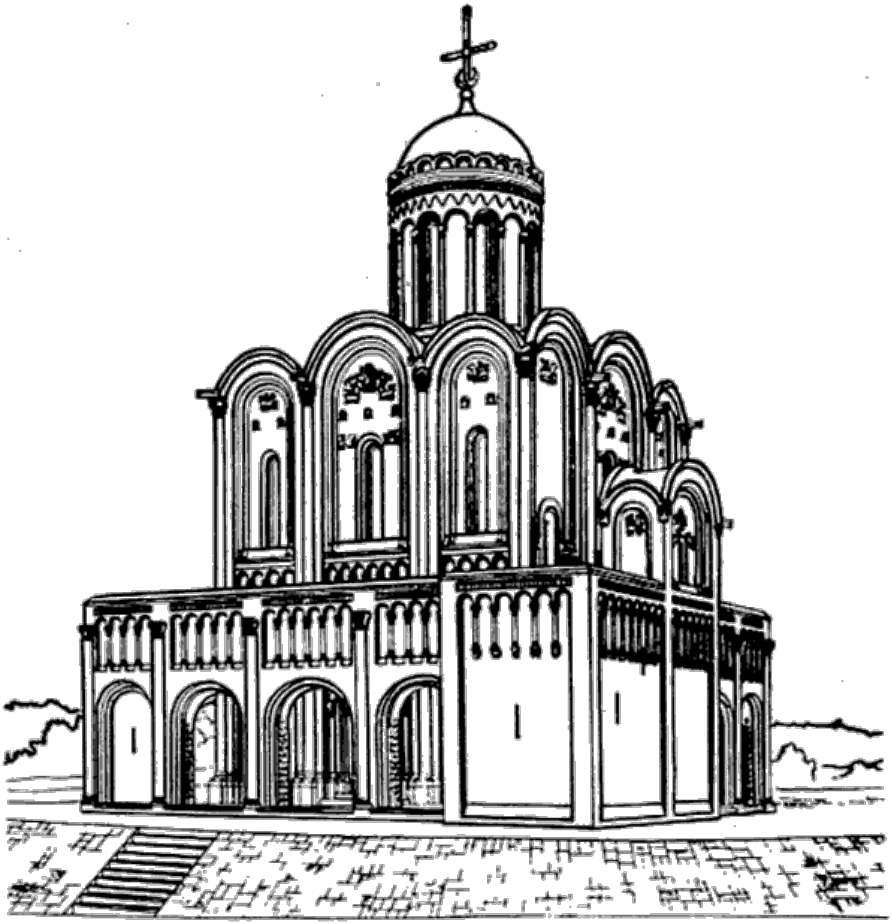
Церковь Покрова на Нерли. Западный фасад. Ни убавить, ни прибавить, ни передвинуть ни одного камня нельзя — так пропорциональны и совершенны все части этого единого и прекрасного целого

После реставрации церкви Покрова на Нерли: под барабаном купола получилась ступенька, и крыша стала совсем иной

Ученые гадают, на каком прекрасном здании находился этот важный четырехлапый грифон

Вариант реконструкции церкви Покрова на Нерли

Откуда эти камни с изображением сказочных зверей, которые до нас дошли только в рисунках?

О чем поет царь Давид, подняв правую руку вверх? Львы и голуби слушают его пение

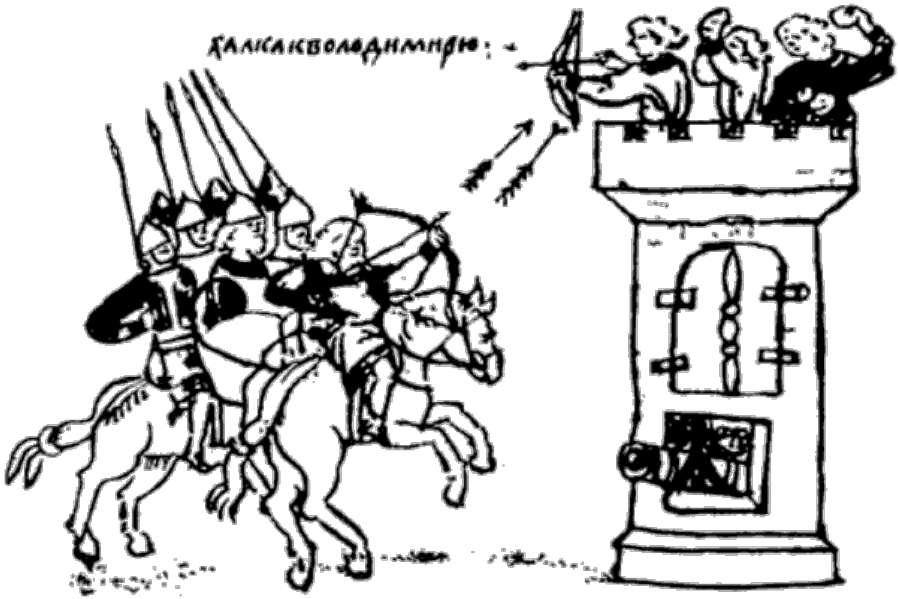
Над каждым боковым окном изображены женские маски и грифон, терзающий зайца

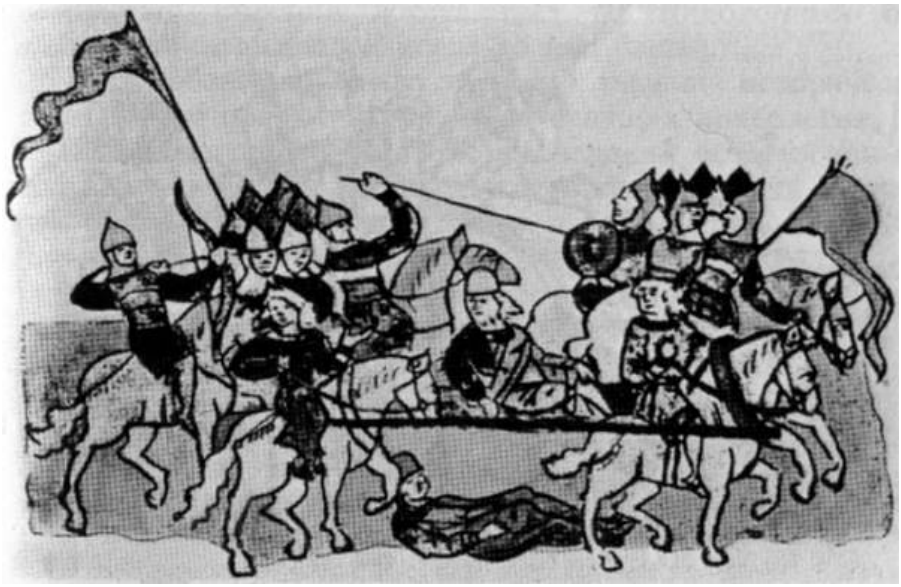
Она и зимой хороша. Три алтарные апсиды выдвинуты вперед, но немного, «в меру». Зодчий приподнял среднее окно чуть повыше крайних. Отчего это ему захотелось? Просто сердце подсказало

Храм Покрова на Нерли. Левое окно находится на месте заложенной двери, через которую Андрей и его свита поднимались на полати. Какая была тут пристройка — неизвестно

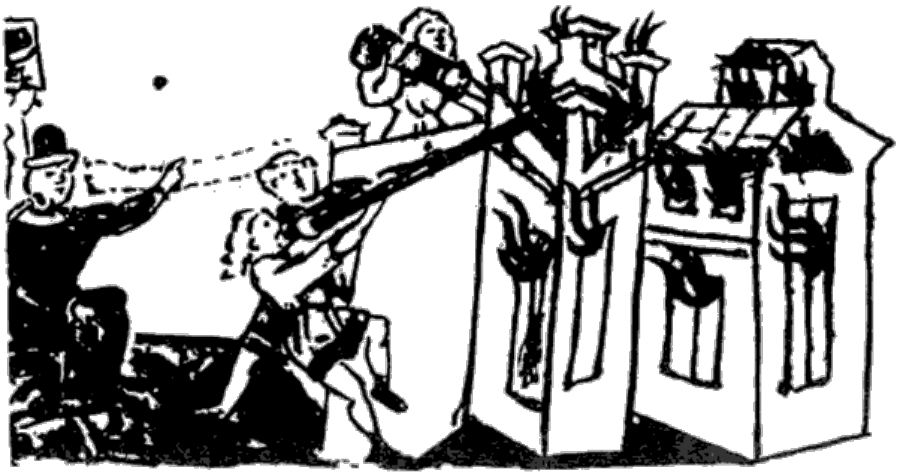
Ростовцы и рязанцы осаждают город Владимир

Больной Михалко отправляется княжить во Владимир, его несут на носилках

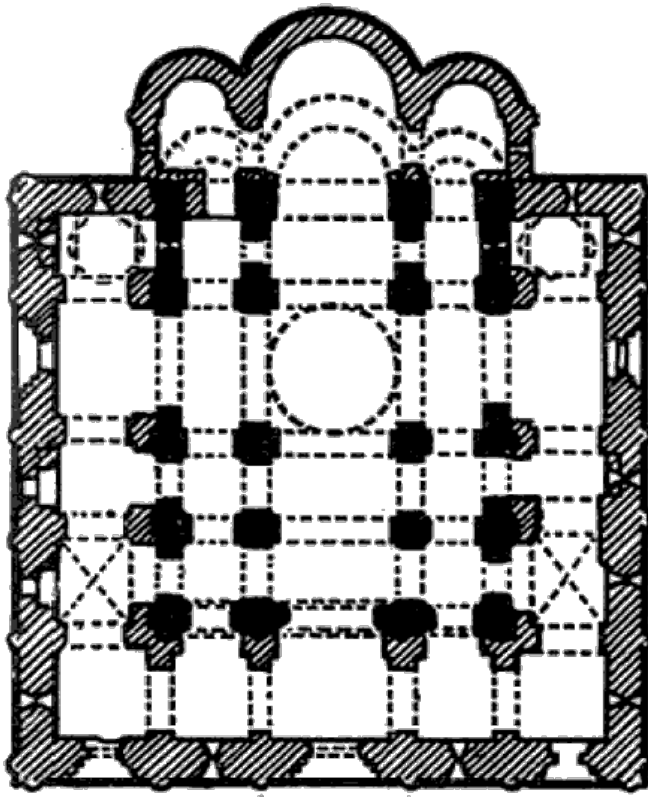
Войска Всеволода побеждают рязанцев в битве при Колокше

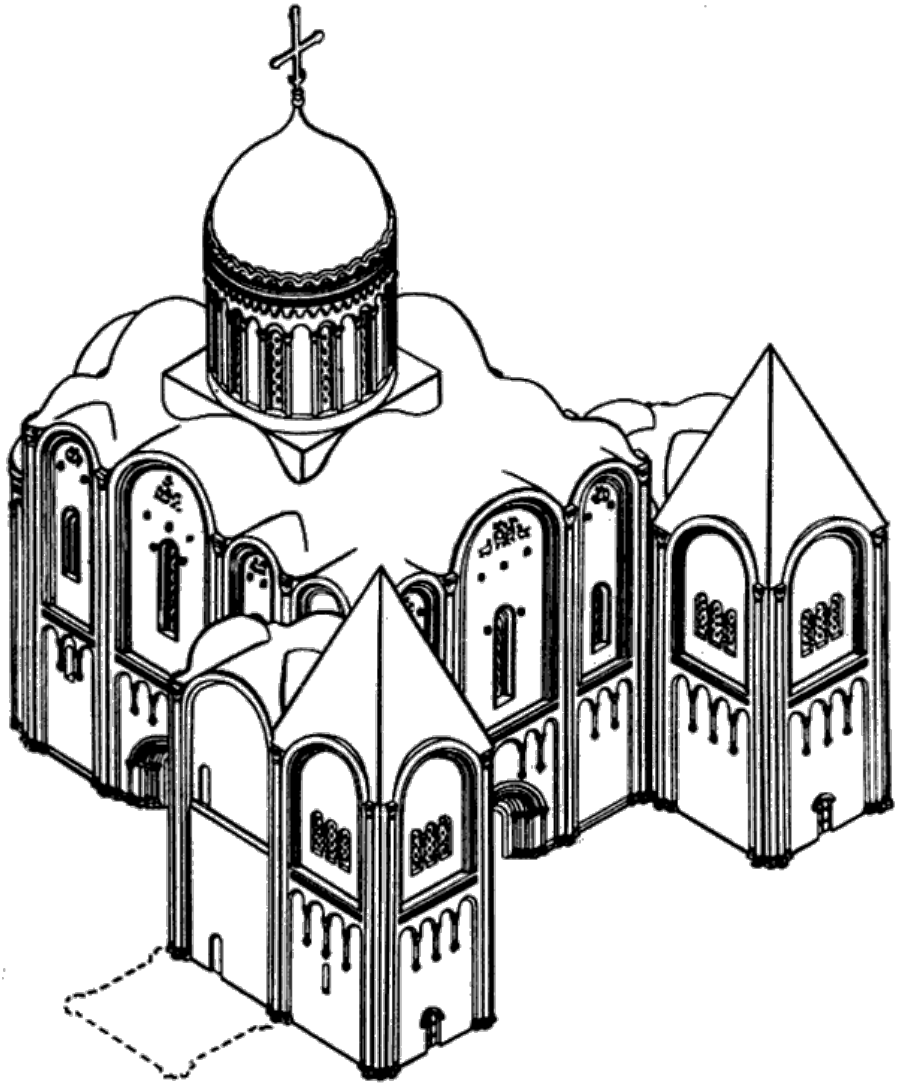
Единственное в летописи изображение дворца Всеволода. Сам великий князь руководит тушением пожара

Девятый век стоят пять богатырей в золотых шлемах на высокой горе над Клязьмой. Вид во время разлива

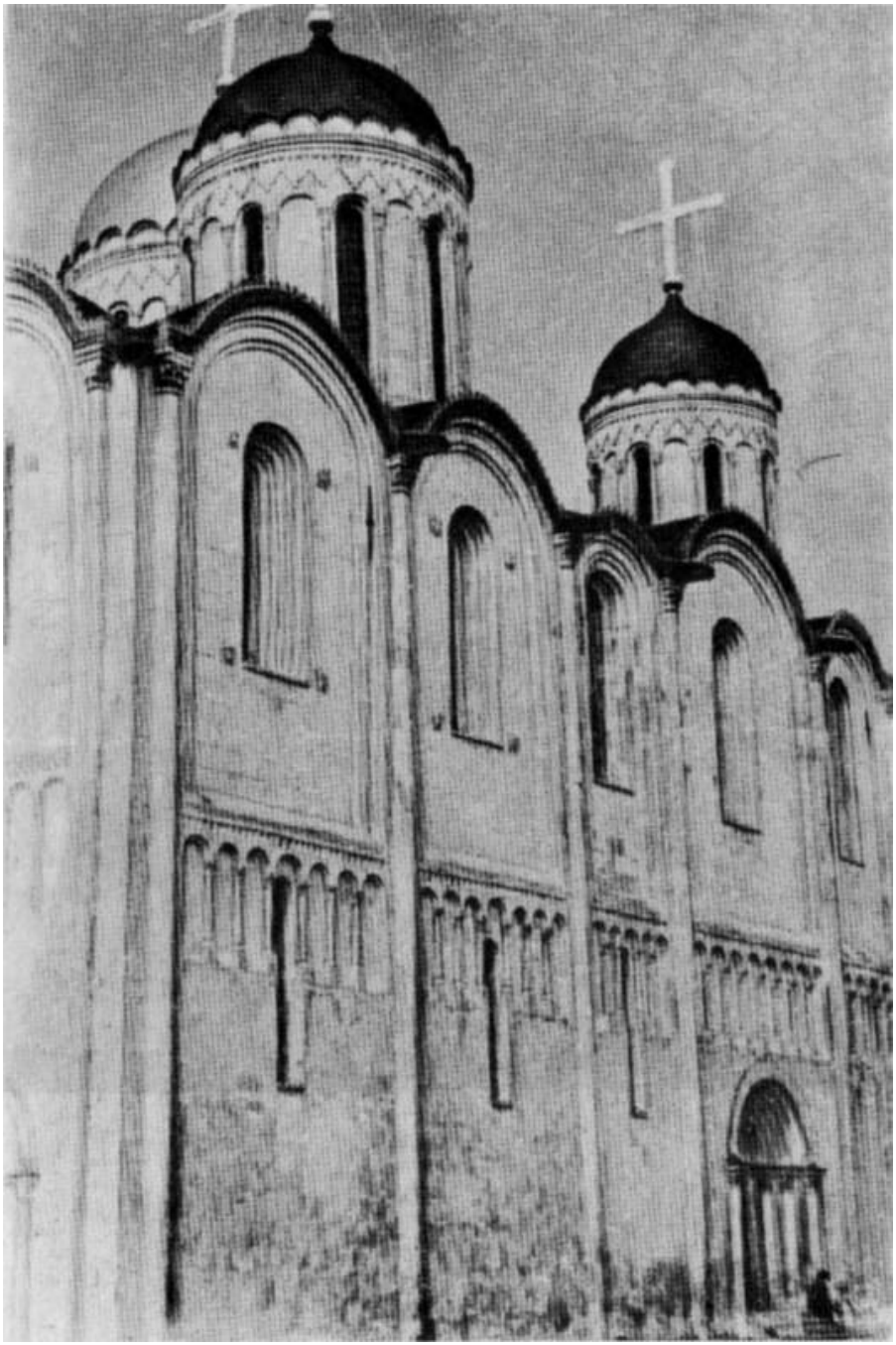
План Успенского собора Андрея /черный контур/ и план обстройки его при Всеволоде /заштриховано/

Успенский собор. Реконструкция

И снова пять богатырей. Слева — колокольня начала XIX века

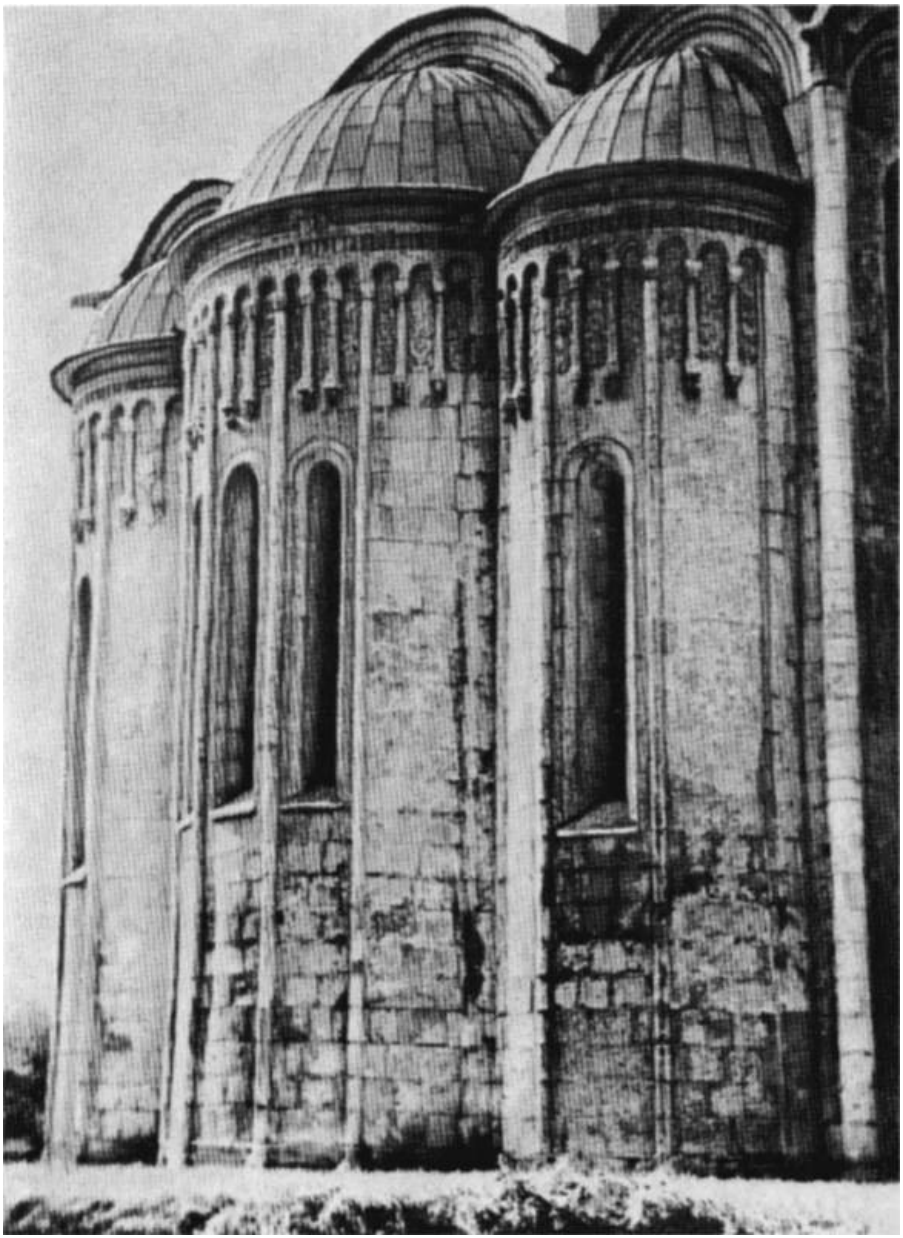
Успенский собор г. Владимира. 1185–1189 годы. Каждая его стена делилась на пять неравной ширины прясел. Празднично-торжественный, он поражает своим величием

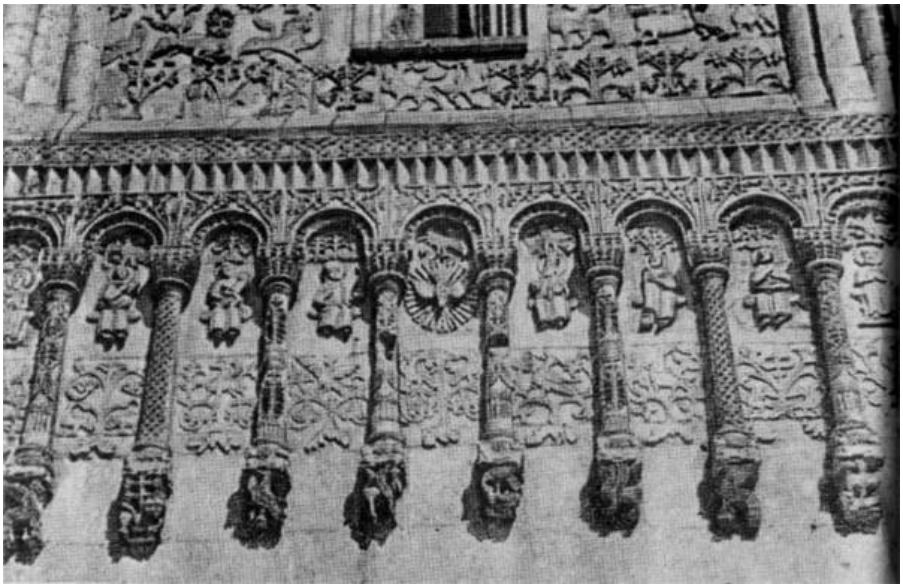
Нарядный, опоясанный гирляндами кокошников собор Княгинина монастыря. Рубеж XV–XVI веков

Дмитриевский собор г. Владимира. 1196 год. Туристы «со всех земель» приходят к нему и вглядываются в загадочные письмена, начертанные на его стенах

Три алтарные апсиды Дмитриевского собора украшены менее богато

Все подвески аркатурного пояса разные, и каждая из них — подлинно художественная ценность

На этом камне Дмитриевского собора мастер высек олицетворение древней народной мудрости: мертвая голова дает жизнь молодому деревцу

Часть страницы белокаменной книги

Часть ободверия Дмитриевского собора. Поражает причудливость резьбы по белому камню

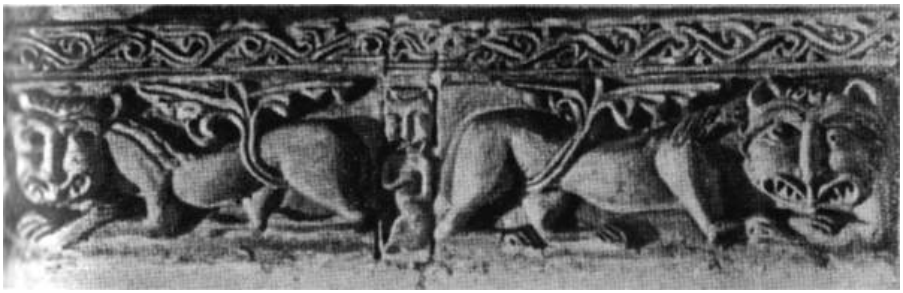

Один из резных камней Дмитриевского собора. «Куда ты скачешь, гордый конь, и где опустишь ты копыта?»

Еще резные камни Дмитриевского собора. Справа — грифон, терзающий зайца. Внизу — охотник /возможно, Геракл/, убивающий льва

Улыбающиеся львы — неусыпные стражи из Дмитриевского собора

И опять резные камни Дмитриевского собора. Слева — царь Давид; он поднял руку и поет, играя на славянских гуслях. Справа — святой Никита казнит беса

Рельеф Дмитриевского собора: птица с ликом девы — птица Сирин — борется с барсом

Всеволод повелел увековечить на стене собора самого себя и своих пятерых сыновей

Столетов Александр Васильевич

Таким был Дмитриевский собор перед разборкой пристроек в 1832 году. Рисунок учителя владимирской гимназии Ф. Дмитриева

Новгородцы изгоняют князя из своего города

Юрий, Ярослав и Святослав и пируют, и делят меж собой землю Русскую

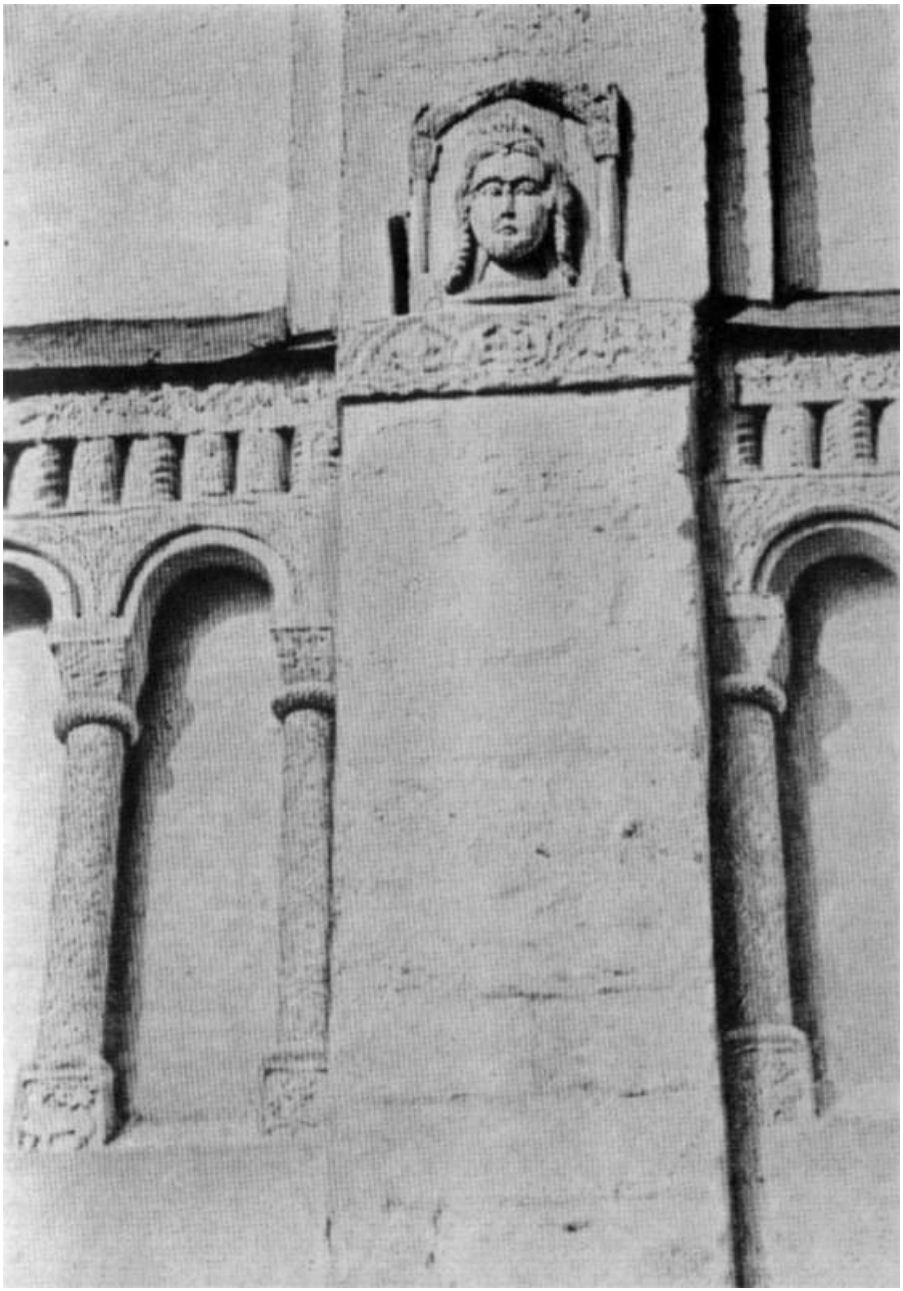
Собор Рождества Богородицы в Суздале. Его нижняя часть, включая аркатурный пояс, — XIII век, выше — XVI век

Собор Рождества Богородицы и колокольня в Суздале. Современный вид

Тябло на суздальских Златых воротах — «Жертвоприношение Авеля»

Женская маска и часть аркатурного пояса на соборе в Суздале. XIII век

Георгиевский собор в Юрьеве-Польском. 1234 год. Современный вид

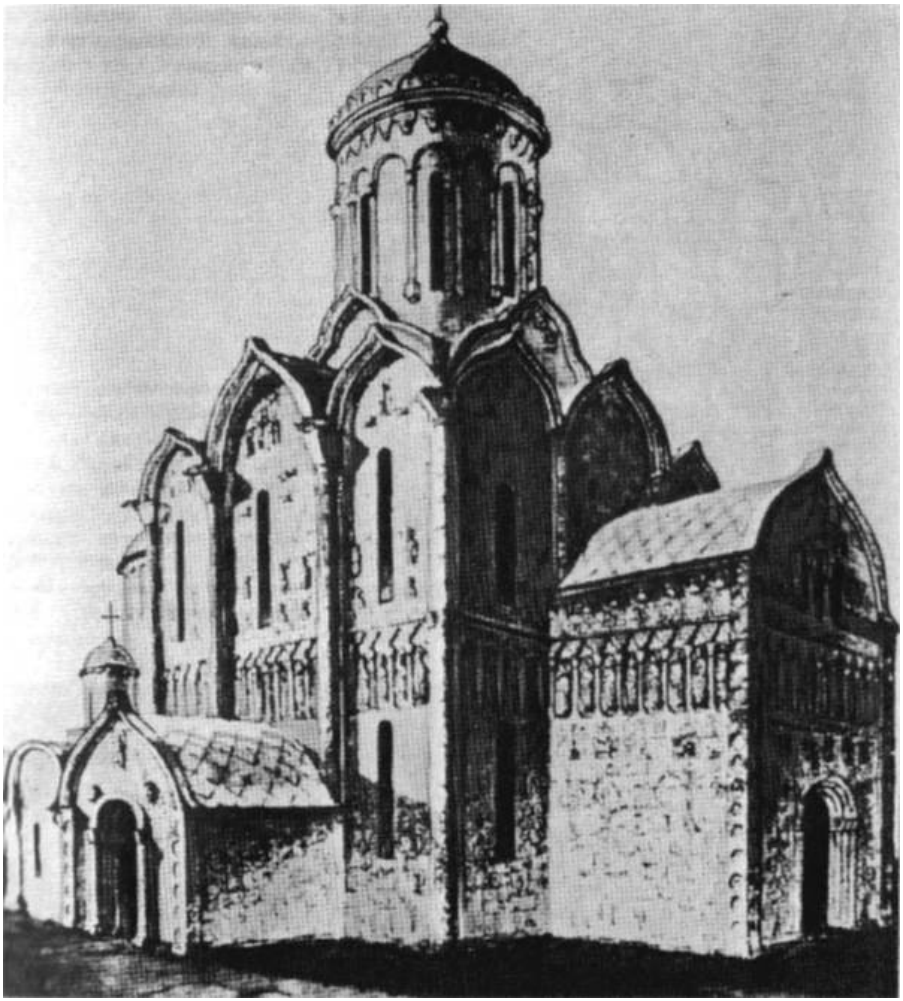

Георгиевский собор больше всего похож на приземистый гриб-боровичок с нахлобученной, чрезмерно большой и круглой шляпкой-куполом.

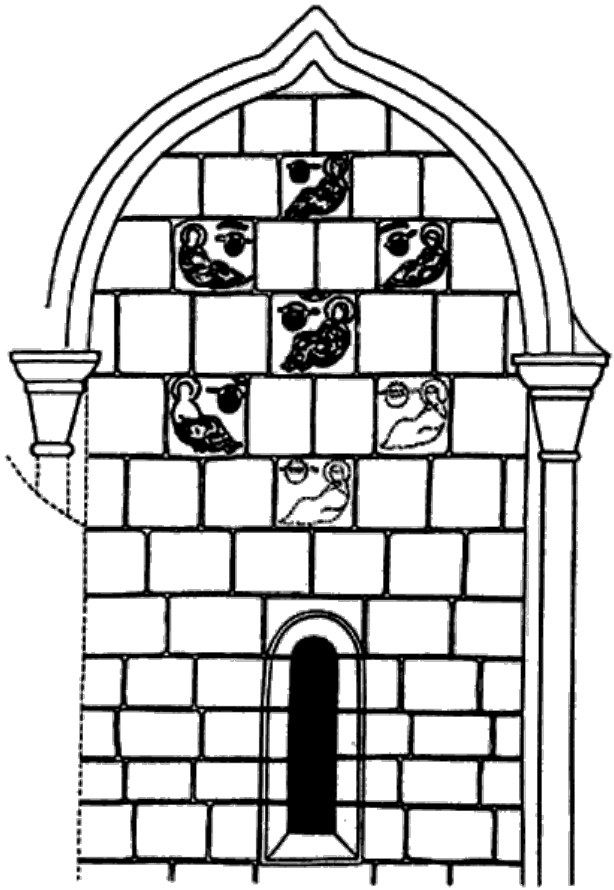
Вот как ослепительно засияли его стены после расчистки. Ср. с предыдущим снимком

На стенах восстановленного собора получилась невообразимая путаница /снимок после расчистки собора/

Таким, видимо, был Георгиевский собор 1234 года. Реконструкция Г. К. Вагнера

«Семь спящих отроков Эфесских». Реконструкция Г. К. Вагнера

Композиция «Преображение» по реконструкции К. К. Романова

Есть такое предположение, что один из камнесечцев на этом камне изобразил самого себя

Самый впечатляющий камень — это огромная глыба со святым Георгием. Воин изображен в княжеском плаще, накинутом поверх кольчуги. В его правой руке копье, в левой — щит, на щите — герб суздальских князей — барс, вздыбленный и прыжке

Загадочны эти три толстощекие девушки, чьи головы окружают колонну /снимок после расчистки собора/

Какие лица у женских масок на капителях колонн! Брови сдвинуты, губы сжаты, очи гневно сверкают. Это сама древняя княгиня Ольга, что готовит месть за убийство своего мужа, великого князя Игоря. Наверху правее — шестикрылый серафим /ангел/. Внизу правее — ангел без верхней части головы. Остальные изображения — различные святые /снимок после расчистки собора/

Это сказочный Китоврас — человек с львиным туловищем, одетый в нарядный кафтан, в одной его руке булава, в другой — заяц. Он — чудище доброе

У этой неизвестной птицы хвост, как дерево

На этом камне самое интересное — не изображение льва, а граффити под львиной грудью — знак /подпись/ неизвестного камнесечца

Величава небесная царица Оранта, по сторонам от нее — камни с ветвями деревьев

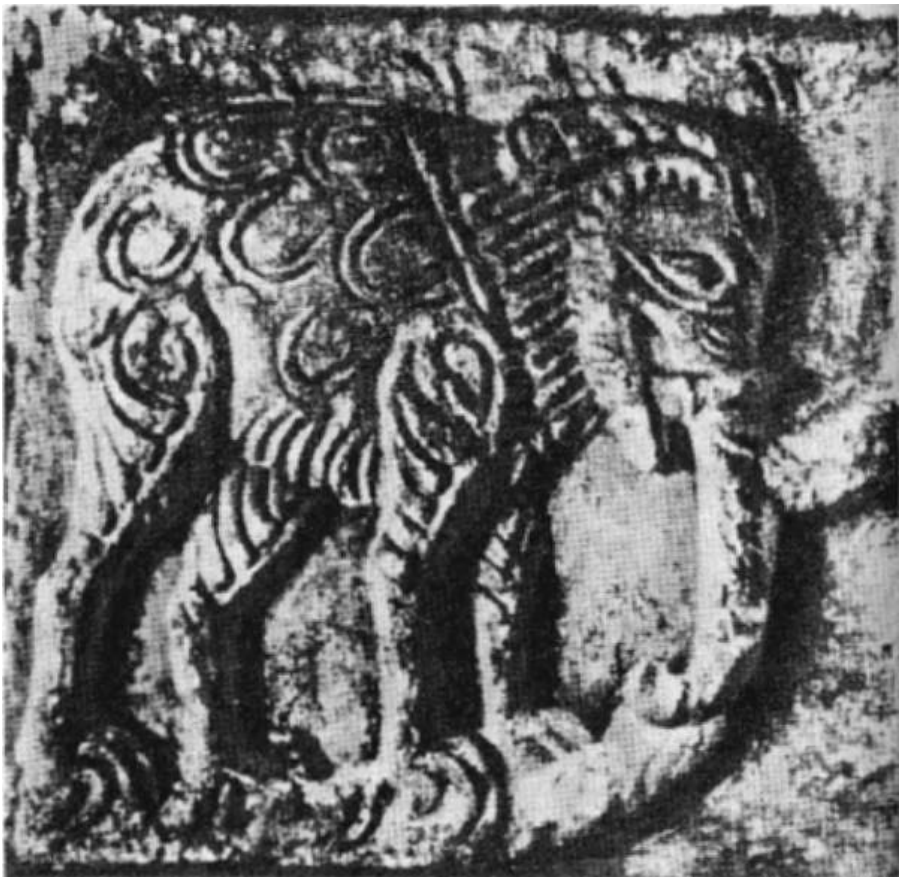
Камни с композиции «Преображение». Слева — Христос, от которого расходятся выпуклые валики-палки, означающие лучи. Справа — апостол, наклоненная палка-луч упирается ему в лицо

«Святославов крест» — композиция «Распятие». Это поистине гениальное произведение. Сколько страдания на лике Христа и в его чуть изогнутом теле! На камне слева — богородица и жены-мироносицы. На камне справа — молодой апостол Иоанн и римский сотник

На камне слева — женская маска. На камне справа — изображение одного из спящих отроков Эфесских, тут же — корзиночка с пищей

Единственный по всей земле Владимирской слон. Он длинноногий, большеглазый, а ступни у него медвежьи, с пальцами

Птицы оглядышки. Из их хвостов по стенам собора выросли вьющиеся растения

Граффити. Кто оставил эти надписи: зодчий, создавший Георгиевский собор, или мастера-камнесечцы — неизвестно

Подлинная сенсация! До расчистки стен собора никто и не догадывался о существовании этих изящных граффити. Кто их оставил — один из камнесечцев или сам зодчий-хитрец — неизвестно

Добрый лев улыбается во всю пасть /снимок после расчистки собора/

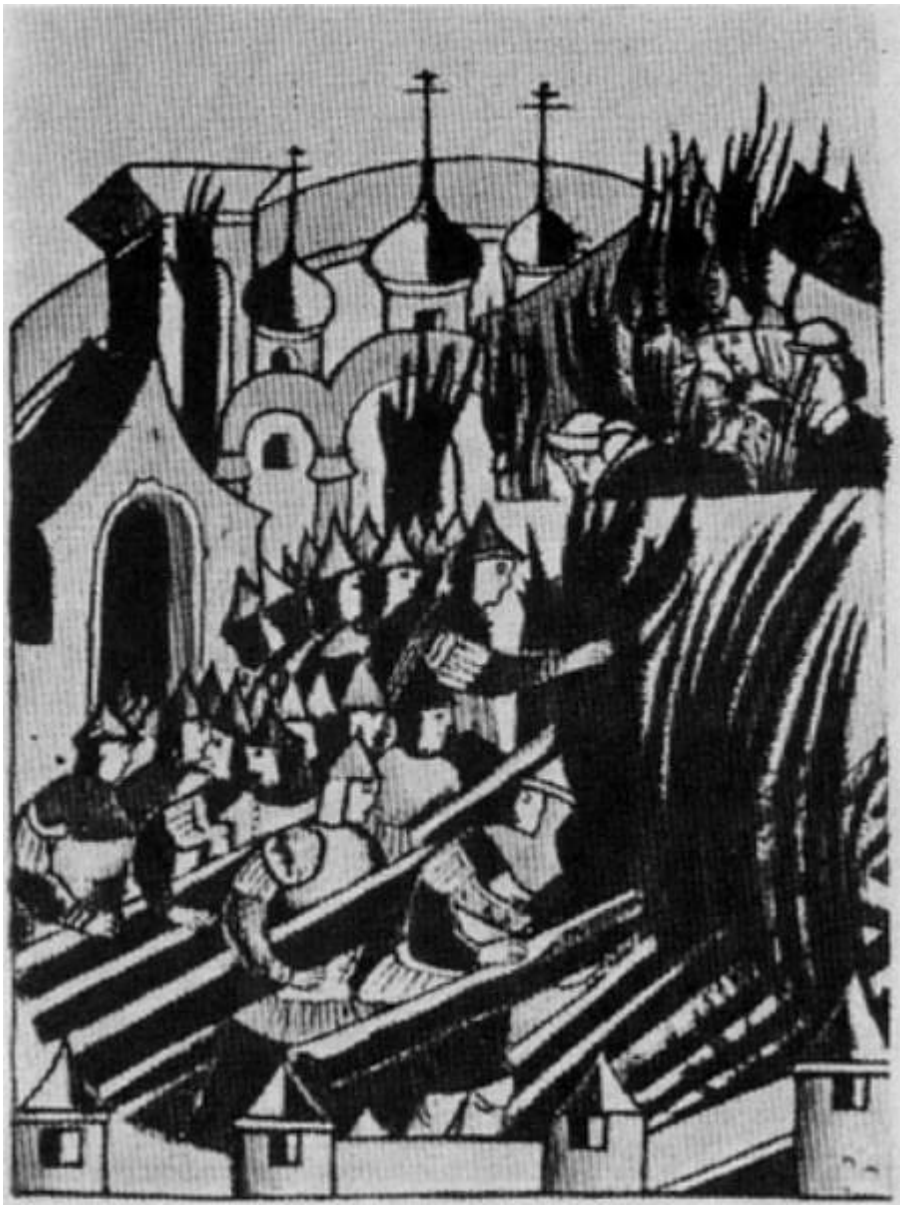
Люба и Аля, когда учились в пятом классе, помогали нам разыскивать на стенах Георгиевского собора отдельные резные камни. Теперь у них у самих дети растут

Татары у Золотых ворот /макет/

Татары берут штурмом Рязань

Татары под стенами Успенского собора города Владимира

Убийство князя Василька

Героическая оборона Козельска

Прибытие князя Ярослава в разрушенный татарами Владимир

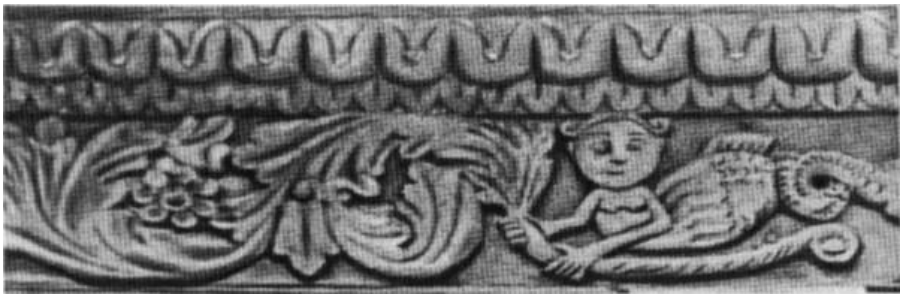
Город Владимир. Успенский собор и шатровая колокольня. С рисунка конца XVIII века. Низ колокольни, возможно, перестроен из ворот детинца Всеволода

Церковь 1693 года в селе Любец на берегу Клязьмы, где я живу

Резной лев с причелины дома в Суздальском районе Владимирской области. 1870-е годы

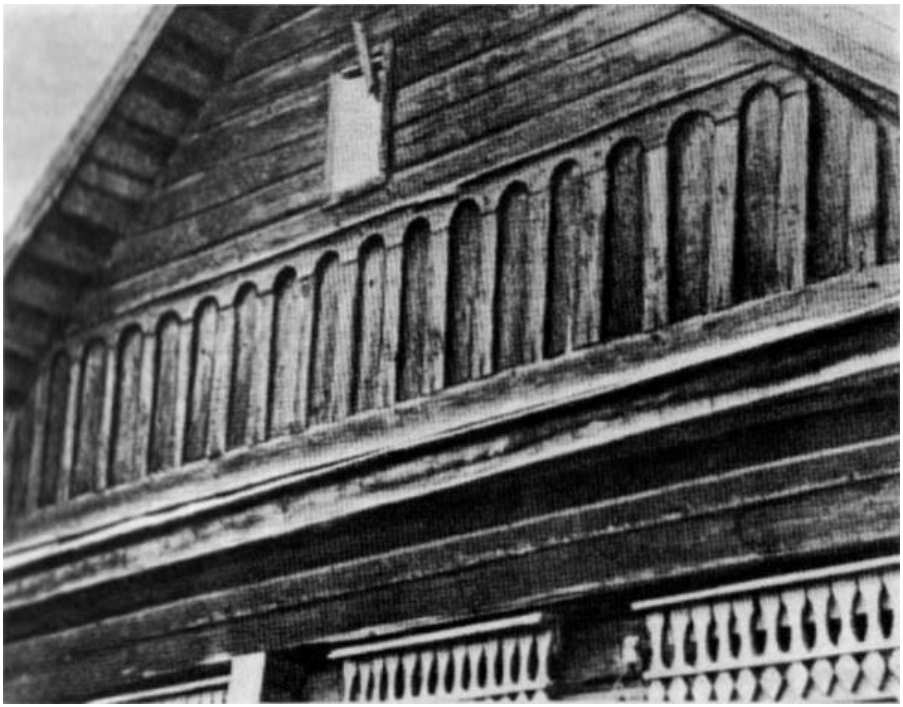
Сказочная русалка-берегиня или фараонка, и заморские растения. Доска подзора дома из села Большие Всегодичи Ковровского района Владимирской области

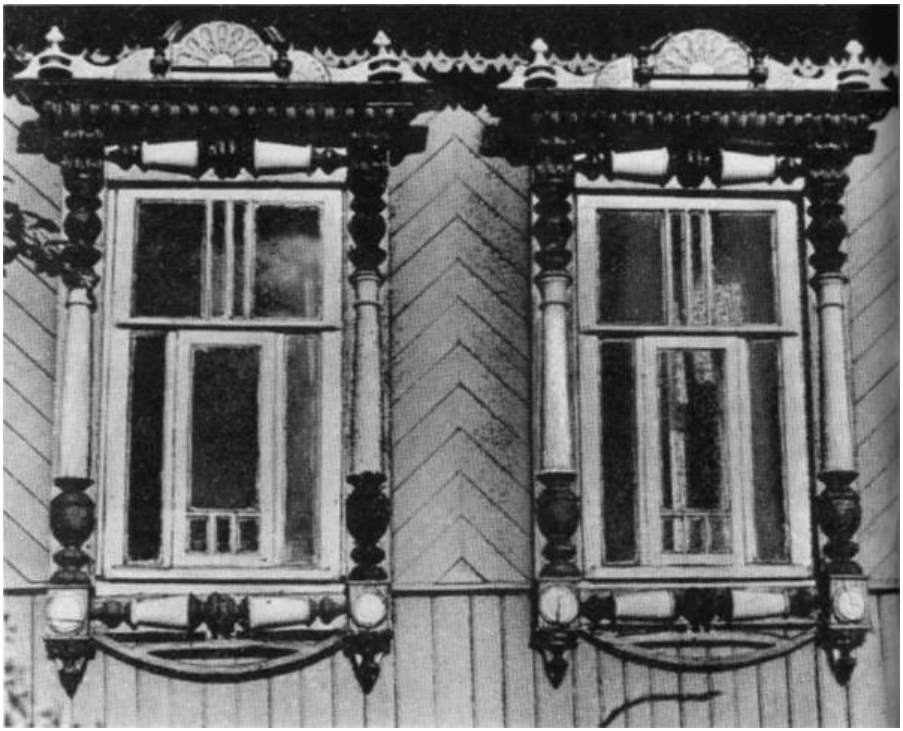
Хитроумный сельский мастер-жестянщик превратил русалку-берегиню в водосток с крыши. Дер. Высоково Камешковского района Владимирской области

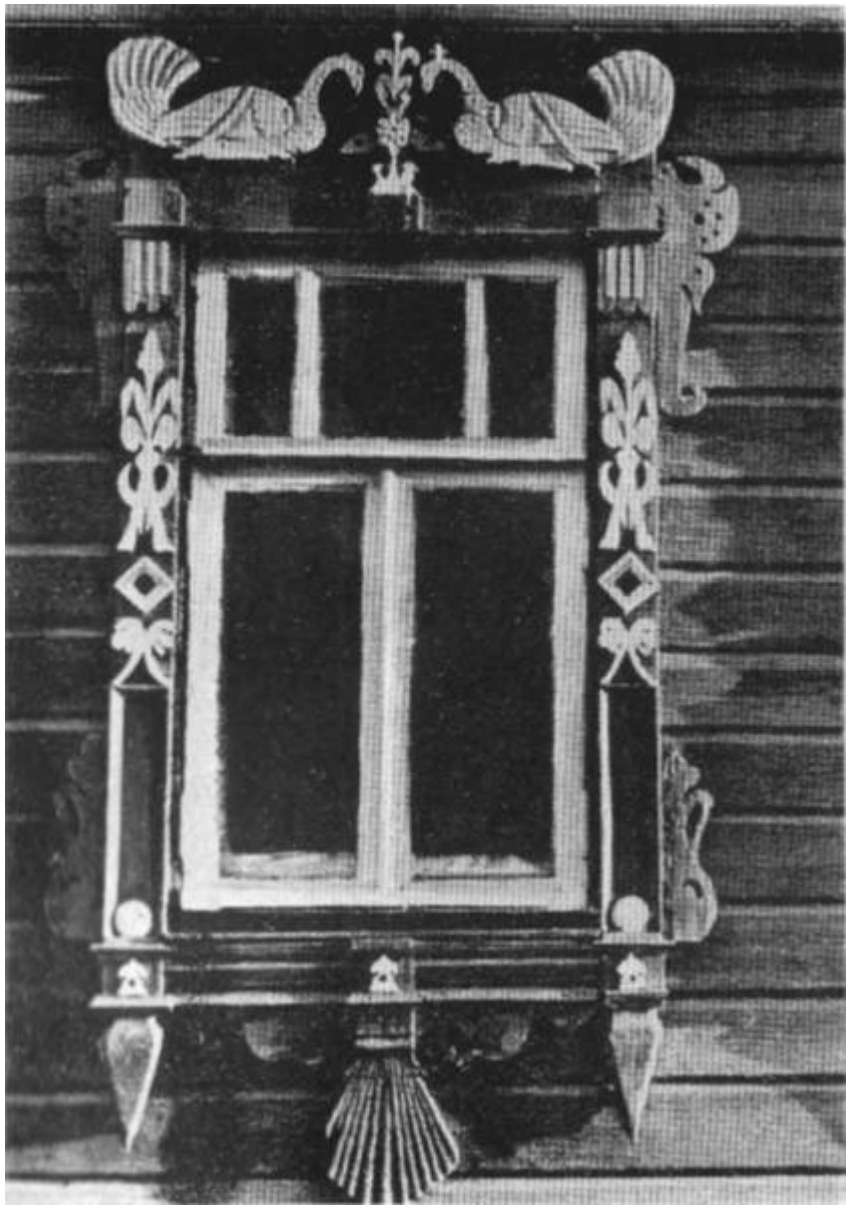
Столетов Игорь Александрович

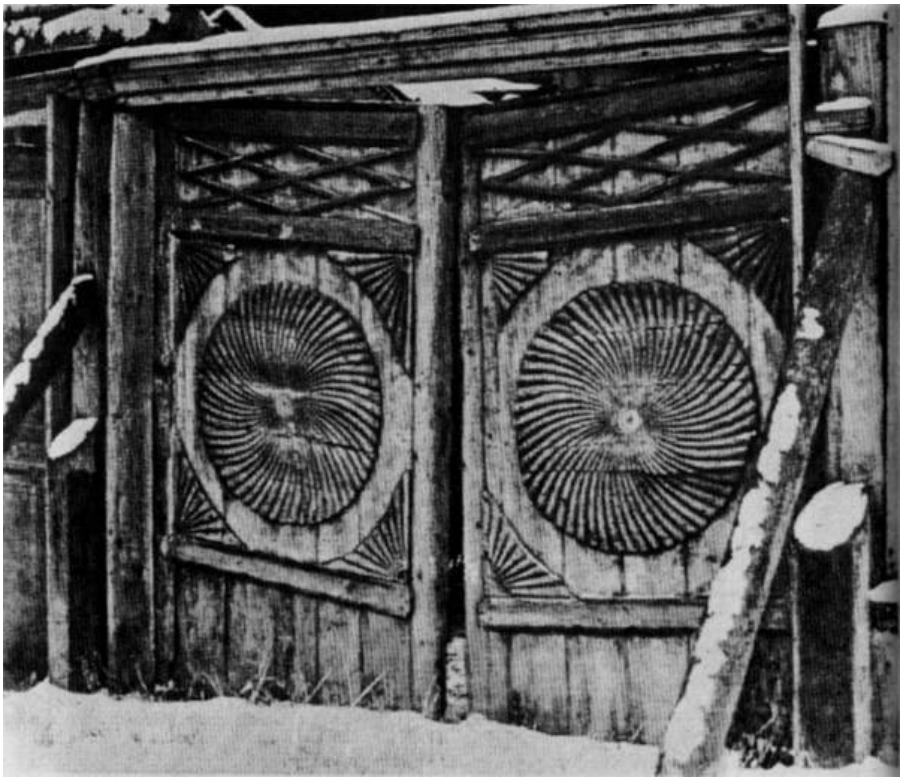
Деревянный аркатурный пояс под крышей одного дома в Переславле-Залесском. Шестидесятые годы XX века

Захотелось каждому крестьянину свое жилище приукрасить

Знаменитые лебеди оконного наличника в селе Боголюбове Владимирской области. 1960-е годы

Старинные ворота в г. Суздале с изображением двух солнц

Старинная «глухая» резьба на доме в г. Вязники Владимирской области

А это покойный Александр Сергеевич Потресов и я возле одного из домов села Любец. Вместе мы задумали эту книгу, вместе работали над ней и когда-то вместе сфотографировались. А уж второе и третье издания мне пришлось готовить без него

Оглавление

«На Суждали» … 7
Князь благоверный и боголюбивый … 30
Откуда пошло село Любец? … 43
Золотые ворота … 52
«И украси ю дивно» … 57
Посол солнечной Грузии … 70
Конец повелителя Владимирского и Суздальского … 77
«Изьмечтана всею хытростью» … 90
Златокудрая царевна … 100

Потомок императоров Византийских … 115
Пять богатырей … 127
Белокаменная книга … 136
Сыновья великого Всеволода … 153
Тщеславие княжеское … 165
Последняя жемчужина … 174
Нашествие … 190
В поисках красоты … 212

notes

Примечания

1

Для этого — третьего издания — ряд снимков представили П. П. Соколов и Г. Б. Шлионский.

2

Суздаль — мужского рода. Крепость по-славянски называлась градом (городом) — огороженное насыпным валом место со рвом и с деревянными стенами и башнями по верху вала.

3

Если в летописи стоит глагол «създа», то обычно летописец разумеет каменное здание. Твердый знак в древнеславянском языке произносился как «о». В данном случае следует читать «созда». Пусть читателя не смущают иногда краткие, иногда пространные цитаты из летописей, которые чаще даются без перевода. Даже если отдельные слова в цитате окажутся непонятными, смысл фразы будет ясен. И пусть не смущают читателя иные разночтения отдельных слов. Древние летописцы одно и то же слово писали, например, в летописи Лаврентьевской эдак, а в летописи Ипатьевской иначе.

4

Поволжские болгары — народ, образовавший в X веке вдоль Волги и по нижней Каме феодальное государство. До XIII века болгары то воевали с русскими, то торговали с ними, затем были покорены татарами, а их города уничтожены.

5

Церковь внутри была расписана позднее, в конце XII века.

Лопатки — прямоугольные выступы на стене, чаще возле углов зданий, утолщающие и этим самым укрепляющие стены.

7

Выражение «здание вросло в землю» неверно. Наоборот, вокруг него нарастает так называемый культурный слой — весь тот мусор, который в течение веков выбрасывали люди.

8

В Боголюбове близ Владимира был найден отесанный камень, на одной его грани словно проступают линии чертежа — возможно, это разметка сложных очертаний для отески отдельных камней.

9

Детские — иначе: отроки. Так назывались в Древней Руси молодые приближенные князя, обычно сыновья бояр и старших дружинников.

10

Существует другая версия: эта икона, а также другая — «Богородица Пирогоща» — были привезены в Киев из Византии второй женой Юрия Долгорукого, византийской царевной Ольгой.

11

Слово «поп» в настоящее время является насмешливым прозвищем священнослужителей, но еще сравнительно недавно оно было общепринятым в народе, священники и сами себя так именовали.

Осменик — старший над восемью дружинниками.

13

Император Германский Фридрих I Барбаросса (1152–1190 гг.).

14

Археологи обнаружили близ Любецкой церкви древнеславянские курганы и сельбище X века. Следовательно, возраст села достигает тысячи лет.

15

Теперь в этой церкви военно-исторический музей.

16

Теперь в этой башне музей, посвященный истории быта Владимира XIX века, а наверху смотровая площадка, откуда открывается обширный вид на весь город и на его окрестности.

17

Теперь в Троицкой церкви музей хрусталя, лаковой миниатюры и художественной вышивки.

Поребрики — маленькие камни (или кирпичи), положенные в стену ребром вперед.

19

Церковь Спаса, выстроенная в 1164 году, видимо, была необыкновенной красоты и стройности. До нас она не дошла, ее разобрали в 1778 году после пожара. На старом фундаменте ныне стоит кирпичная церковь Спаса.

20

Денежная единица.

21

Слово «подручник» появилось в летописи впервые. Оно показывает, что взаимоотношения князей-родичей начали строиться иначе. Из их среды выделился один князь, добивавшийся подчинения остальных.

22

Предание о суде над Кучковичами записал со слов стариков в середине прошлого века известный исследователь владимирской старины В. Доброхотов. В летописях нигде об этом не говорится.

23

Подобные чрезмерно ранние браки ради политических выгод между детьми тогдашних властителей были широко распространены. Так, венгерский король женил своего четырехлетнего сына на трехлетней дочери короля польского.

24

Лестничные башни — пристройки, каменные или деревянный, через которые князь и его свита попадали на «полати» храма.

25

К сожалению, в современной научной литературе нет красочного и понятного древнерусского слова «ободверие», очень точно обозначающего украшения вокруг входа в здание; теперь употребляется иностранное слово «портал».

26

Христианское имя Всеволода было Дмитрий. Согласно церковной легенде воин Дмитрий из греческого города Солуни принял христианство и погиб мученической смертью.

27

До нашего времени не дошло то слово, каким когда-то называли иллюстрации в древнерусских рукописных книгах. Поэтому, к сожалению, приходится пользоваться столь чуждым русскому языку термином «миниатюра».

28

Ученые между собой спорили: что это — изображение царя Давида или царя Соломона? За восемь веков стены собора неоднократно белились. Во время последней реставрации, когда слои извести, так называемые «набелы», были счищены, то по сторонам изображения проступили буквы: «ЦРЪ ДЪ», то есть «Царь Давид».

29

Это первое летописное известие о Нижнем Новгороде, нынешнем городе Горьком.

30

Смесь соляной и азотной кислот — единственная жидкость, в которой растворяется золото.

31

Название города — Польский, или, правильнее, Польско́й, происходит от безлесных и плодородных земель Ополья, а к Польше, к полякам отношения не имеет. Русские тогда называли поляков ляхами.

32

В этой книге на некоторых фотографиях отдельных камней они запечатлены такими, как они выглядели до расчистки стен собора, на других — как они выглядят теперь.

А. В. Столетов предложил другую, несколько иную и столь же, казалось бы, убедительную версию восстановления как самого Георгиевского собора, так и размещения на его стенах отдельных композиций.

34

Тумен — отряд численностью в десять тысяч всадников. Не потому ли летописец называет татар таурменами?

Вокруг этого монастыря впоследствии построился город Зарайск.